

Кэти Ткаченко

Любовь
для начинающих
пользователей

В российской словесности Катя Ткаченко — фигура столь же яркая, сколь и загадочная. Ее `Любовь для начинающих пользователей` — современная история, рассказанная с невероятным драйвом и тонким пониманием психологии героев. Жаркое лето, провинциальный город у подножья заповедной горы. Молодая женщина и ее племянник попадают в круговорот тревожных и необъяснимых событий. Опасность приходит по Интернету, но преодолеть ее с помощью антивирусных программ невозможно: от героев потребуется все их благородство и душевная чистота.

- [Катя Ткаченко](#)
 - [Правила игры в дартс](#)
 - [Симба на самом деле](#)
 - [mailto: simba@simba.inf](mailto:simba@simba.inf)
 - [Те, кто прилетает во сне](#)
 - [Ctrl-Alt-Delete](#)
 - [Дистенциальный коблоид](#)
 - [История бабочек](#)
 - [Трамвайные глюки](#)
 - [Ответить всем](#)
 - [Конфликт адресов](#)
 - [Вход в сеть](#)
 - [Яичница-глазунья](#)
 - [Зеркальный коридор](#)
 - [Сетевой дневник](#)
 - [Обмен баннерами](#)
 - [Крик горы](#)
 - [VIS \(Virtual Information Shadow\)](#)
 - [Белый город](#)
 - [Поиски Дракулы](#)
 - [Восхождение](#)
 - [Вечер с Дракулой](#)
 - [Охотник на оленей](#)
 - [По следам](#)
 - [Я сошёл с ума](#)
 - [Откровения Дракулы](#)
 - [You hear them singing](#)
 - [mailto: owner@compghost.net](mailto:owner@compghost.net)
 - [От автора](#)
-

Катя Ткаченко

Любовь для начинающих пользователей

Борису Кузьминскому

Правила игры в дартс

Существо было серебристое, переливающееся, со странными волосатыми ушками. Симба взяла дротик, подбросила его правой рукой, будто пробуя на вес, и только потом прицелилась и метнула.

Существо взмахнуло ушками, неприятно ослабилось, и Симба увидела торчащие из его рта зубы. Длинные, частые, судя по всему, очень острые.

Рука непроизвольно потянулась за следующим дротиком, по спине потекла струйка пота.

Существо ещё раз взмахнуло ушками и взлетело. Симба сделала шаг назад, запнулась о какой-то корень, но удержалась, не упала.

Серебристое переливающееся существо нагло ухмыльнулось и вдруг исчезло, будто его и не было.

Симба с облегчением вздохнула и открыла глаза. Она, как и час назад, сидела за компьютером в футболке на голое тело, по правую руку — стакан с недопитым соком, по левую — белая слегка треснувшая чашечка с засохшей кофейной гущей на дне. Этот час она, судя по всему, блистательно проспала, что, впрочем, неудивительно: Симба не вставала из-за компьютера уже почти сутки, не считая тех редких моментов, когда ей надо было в туалет.

Естественно, она задремала, вполне естественно, что она в очередной раз увидела во сне странное существо с волосатыми ушками и длинными острыми зубами.

Какая-то идиотская пародия на бабочку, будто нарисованная сбрендившим или, хуже того, нанюхавшимся художником.

Бабочка-мутант.

По спине текла струйка пота, хотя бояться было нечего.

Симба была дома, дом был за дверью, дверь заперта на ключ, а окна плотно закрыты и зашторены, хотя на улице стояла несусветная жара.

И до сумерек оставалась ещё пара часов, а потом надо выключать компьютер, принимать душ и ложиться спать.

Чтобы завтра с утра пораньше опять сесть за работу.

Симба потянулась и подумала, что неплохо бы отдохнуть. Чуть-чуть. Минут пять-десять, не больше.

Отдохнуть, отдохнуть, отдохнуть, отдохнуть, и тогда мы опять продолжим свой путь и пойдём неизвестно куда и зачем по дороге, указанной кем-то не тем...

Симба поморщилась — она терпеть не могла, когда слова в голове начинали сами по себе рифмоваться и складываться в такие вот дурацкие песенки, струйка пота достигла поясицы, на экране монитора бессмысленно и бесшумно пульсировали яркие разноцветные круги, Симба включила звук и начала отбивать левой пяткой ритм, прислушиваясь к механическому чум-чум-чум-чум. Ей вдруг безумно захотелось раздвинуть шторы и распахнуть окна или хотя бы одно окно, она встала, но внезапно замешкалась, поняв, чего хочет на самом деле.

Коробка с дротиками лежала на столе рядом с компьютером.

Симба взяла первый попавшийся под руку и подкинула его точно так же, как тогда, когда странное, серебристое и переливающееся существо нагло посматривало в её сторону.

Доска-мишень висела на противоположной стене. Самая лучшая доска из тех, которые можно было купить. Не из пенопласта или картона, а из прессованных водорослей, мишень для профессионалов, и стоила она немало. А на самый центр мишени, прямо на чёрный кружок, который отчего-то именуется бычьим глазом, был наклеен скотчем другой кружок — бумажный, с мужским лицом.

Симба ухмыльнулась, вспомнив, как отсканировала фотографию и обработала ее в «Фотошопе», сделав из приятного, в общем-то, лица нечто монстрообразное, с выпученными негроидными губами, вывалившимся языком и узкими, заплывшими щёлками глаз. А потом распечатала получившийся файл на цветном принтере, обрезала ненужное маникюрными ножницами и тщательно прикрепила оставшееся скотчем в центр мишени, поверх «бычьего глаза».

В тот вечер она больше не подходила к компьютеру.

Она стояла напротив мишени, как и положено, на расстоянии около двух метров, и с упоением метала дротики.

Стояла вполборота, прижав левую руку к животу и слегка наклонив вперёд корпус.

Правая же рука с дротиком была согнута в локте так, чтобы острие смотрело точно в цель.

Целью был любовно обработанный Симбой в «Фотошопе» портрет.

Симба бросила первый дротик, но лицо на мишени только рассмеялось — дротик попал во внешнее кольцо, ни одного очка, давай дальше, деточка, зашлёпали толстые, вывернутые наизнанку губы, деточка взяла следующий дротик и опять приняла предписанную правилами позу: вполборота, прижав левую руку к животу и немного наклонив вперёд корпус.

Оперенье у этого дротика было не такое, как у предыдущего, — тот был с сине-белокрасным, а этот — с зелёно-красно-фиолетовым.

Симба метнула его и чуть не подпрыгнула от радости: пусть не в мерзкую рожу, но уже ближе, ближе, во внутренний круг, в седьмой сектор, семь очков деточка может записать на свой счёт, ну что, рожа, спросила Симба, ты знаешь, что будет дальше?

Рожа засмеялась, а потом прошамкала:

— Промажешь!

Симба взяла третий дротик, в коробке оставалось семь, два торчат из мишени, один в руке, всего десять, хоть один да должен попасть в эту ненавистную физиономию, в эту харю, которую она когда-то вроде бы любила.

— Вот именно что вроде бы! — буркнула харя и ещё дальше высунула изо рта синюшный язык.

— Помолчи! — сказала Симба. — Сейчас получишь!

— Чёрта с два, — возразила харя, — промажешь!

Симба метнула дротик, он опять попал «в молоко».

И тогда она заплакала.

Она стояла посреди комнаты, в двух метрах от стены, на которой висела доска из прессованных водорослей, и горько плакала, думая о том, что даже дротиком в мишень попасть не может.

И вообще ничего не может.

Отомстить не может!

Бесполезно прожитые двадцать три года.

— Симба — дура! — громко, сквозь слёзы сказала Симба.

Харя промолчала, харя знала, что в такие минуты Симбу лучше не доставать.

— А ты — козёл! — продолжала Симба, обращаясь к харе. — Надо было тебя ещё сильнее изуродовать, надо было тебе вообще язык отрезать, а глаза зашить суровыми нитками! — И отчего-то добавила: — Чёрного цвета!

Харя собралась скорчить глумливую гримасу, но потом решила, что лучше от этого не станет, и просто сказала:

— Не ругайся, ты сама во всём виновата, так что давай-ка, кидай!

Симба перестала плакать и взяла четвёртый дротик. С опереньем ярко-красным. Как кровь.

Она посмотрела на тоненькую вольфрамовую спицу с острой чёрной иглой-наконечником, перевела взгляд на мишень, потом снова на свою правую руку. Кровь капала на пол, как полгода назад, когда Симба не удержалась и полоснула себя кухонным ножом по левому запястью, шрам и теперь ещё отчётливо выделялся, белый, с неровными краями.

— Шрам, шрам, шрам, шрам! — с неприятным грохотом заскакали шарики в голове.

— Шрам, шрам, шрам, шрам! — передразнила харя, то ли пришепётывая, то ли присвистывая.

— Ублюдок! — сказала Симба и метнула дротик.

Он воткнулся прямо в лоб, и язык у хари вначале дёрнулся, а затем бессильно вывалился изо рта.

— Вау! — закричала, подпрыгивая, Симба и принялась без остановки метать оставшиеся дротики.

Пятым.

В подбородок. Чуть пониже вывалившегося языка.

Шестой.

В левый глаз.

Седьмой.

Чуть не попал в ухо, а жаль.

Восьмой.

Опять в лоб.

Девятый...

— Эй, — прошептала харя, — ты бы это, остановилась, что ли!

Симба сделала вид, что не расслышала, и метнула девятый дротик.

В переносицу.

— Ты меня убьёшь! — еле слышно промямлила харя.

— В «бычий глаз», в «бычий глаз» попадаю я на раз! — проскандировала Симба, примеряясь, как бы поудачнее метнуть последний, десятый дротик.

— Не тяни, — захрипела харя, — добивай скорее!

Симба улыбнулась и решила, что надо передохнуть.

Перевести дух.

Минуту-другую.

Чтобы кинуть как можно точнее и попасть прямо в рот.

Пригвоздить этот рот к доске, и пусть из него тоже хлынет кровь.

Её можно будет спокойно вытереть с пола, а тряпку прополоскать и повесить на балкон сушиться.

Но для начала — метнуть дротик как можно точнее.

Симба метнула и промазала.

Десятый опять попал «в молоко».

Харя засмеялась и сказала:

— Мазила!

Возразить Симбе было нечего, разве ответить, что семь дротиков из десяти достигли цели, а это уже хорошо.

Даже не хорошо — просто прекрасно!

И у неё есть время для тренировок.

Каждый день, когда приходит пора сделать перерыв в работе.

Встать из-за компьютера и разогнуть спину.

Можно, конечно, пойти в душ или на прогулку.

Но лучше кидать дротики, сегодня семь, а завтра — завтра уже восемь...

И так до тех пор, пока в цель не попадут все десять из десяти.

Потом она сядет за компьютер и сделает новую харю.

Из всё той же единственной фотографии, которая завалилась у неё в сумочке.

Которая отсканирована и хранится на жёстком диске компьютера.

Это было меньше недели назад, точнее, это было вечером во вторник, а сегодня пятница.

Нормальная пятница — не тринадцатое число.

Симба метала дротики во вторник, среду и четверг.

В четверг она довела количество попаданий до девяти.

Харя уже ничего не говорила, только кряхтела.

Отчего-то Симбе это доставляло ещё большее удовольствие: слышать, как при каждом попадании раздаётся немощное кряхтение, и всё. И ни словечка.

Симба опять посмотрела на коробку с дротиками, перевела глаза на мишень.

Харя страдальчески улыбнулась.

Струйка пота добралась до ягодич, и Симба решила, что пора всё же раздвинуть шторы и открыть окно.

На улице жара — но всё равно в помещении посвежеет, и она перестанет обливаться потом.

Если она выполнит заказ в срок, можно будет купить кондиционер и никогда не открывать окон.

Пусть там, на улице, всё плавится и трескается, а у неё будет в меру прохладно — скажем, не больше двадцати градусов.

Симба раздвинула шторы и увидела, что уже начинает смеркаться.

Значит, сейчас около двенадцати.

Она повернула ручку и толкнула оконную раму.

Густой и знойный воздух опалил ей лицо, воздух, настоящий на асфальте, бензине, кирпиче, бетоне, стекле.

И над домами на противоположной стороне улицы сквозь этот густой и вязкий, как желатин, воздух проглядывала убывающая луна.

Узкий такой, но как-то очень красиво обрезанный серпик.

Прямо под серпиком можно было различить тёмную громаду горы, у чьего подножия и притулился безумный город, на который смотрела сейчас в окно молодая женщина в футболке на голое тело, с растрёпанными крашеными волосами.

Растрёпанными, спутавшимися, мокрыми от духоты, крашенными в цвет красного дерева.

Когда Симба резанула себе запястье, волосы у неё были чёрные.

До этого они были белые, а ещё раньше — зелёные, но совсем недолго.

Сейчас же они были цвета красного дерева, и футболка на Симбе тоже была красная.

И красный закат бил в окна домов напротив и касался вершины горы, освещая ее таким же красным, как оперенье дротика, футболка и кровь, заревом.

Что-то блякнуло в компьютере, Симба оглянулась, по комнате странной чересполосицей метались невнятные вечерние тени.

Харя на мишени испуганно смотрела в её сторону, ожидая момента, когда Симба займётся дротиками.

— Подожди, — сказала ей Симба, — видимо, почта пришла!

Она вернулась к компьютеру и увидела, что действительно пришла почта.

Компьютер был всё время в сети, компьютер заменял Симбе и пейджер, и мобильник.

Если кому-то надо было с ней связаться, то сделать это можно было только через сеть.

В поле «тема» значилось «привет», и Симба решила, что письмо можно удалить не читая.

Её постоянные корреспонденты всегда указывали, что именно им требуется, абстрактный «привет» — почти наверняка почтовый мусор, спам.

Она уже собралась нажать на Delete, но что-то её удержало, и она всё же активировала письмо.

А прочитав, скорчила монитору рожицу.

Письмо было от старшей сестры, которую Симба не видела с тех самых пор, как на её запястье появился белый неровный шрам.

Сестра один раз пришла в больницу и принесла коробку конфет.

Симба терпеть не могла конфеты с жидкой начинкой, но всё равно сказала «спасибо», а конфеты потом раздала соседям по палате.

Точнее — соседкам.

Таким же безумным девицам, как она, которые отлёживались здесь после неудачных романов.

А сейчас сестра с мужем собирались в отпуск, и это было их право.

Но сестра хотела, чтобы их сын пожил у Симбы две недели, потому что с собой они его не брали.

И сестра очень просила Симбу пойти ей навстречу.

Всего две недели, то есть четырнадцать дней.

Если Симба согласна, пусть ответит поскорее.

Симба пожалела, что не нажала на Delete.

У неё действительно был пятнадцатилетний племянник, и ей совершенно не хотелось, чтобы он торчал тут две недели.

Со своими подростковыми прибабахами.

Она вновь скорчила монитору рожицу, а потом подумала, что если в квартире водворится племянник, ей больше не ходить по дому в одной футболке, племяннику на это смотреть ещё вреднее, чем на то, как Симба метает дротики в мужское лицо на мишени.

Она настучала одним пальцем ответ сестре и щёлкнула на Send.

Письмо ушло.

Естественно, Симба не возражает, две недели она потерпит. Пусть только ведёт себя хорошо, а то у неё много работы.

Например, метать дротики в мишень.

Хотя об этом Симба не написала. Она взяла из коробки дротик, подбросила его в руке, поймала, не глядя метнула через плечо.

И услышала тихий захлёбывающийся вой.

Симба обернулась и радостно захлопала в ладоши.

Первым же дротиком она попала харе в рот.

Начиная со вторника она пыталась сделать это, вот только всё никак не удавалось, а сегодня, в пятницу вечером, удалось с первого же броска.

Дротик покачивался в самом центре мерзко высунутого языка, и кровь печально капала на пол.

— Бедненький, — сказала Симба, глядя на харю, а потом добавила: — Боже, какой ты всё-таки козёл!

В компьютере опять что-то блямкнуло, и когда Симба наклонилась к монитору, ей показалось, что серебристое переливающееся существо со странными волосатыми ушками смотрит ей прямо в затылок сквозь широко открытое окно.

Симба на самом деле

— Моя сестра — сумасшедшая! — заявила мать вечером.

— Ты ей всё равно позвони и попроси! — ответил отец.

— Не хочу, — заупрямилась мать. — Я ведь уже сказала тебе, что она сумасшедшая, а это значит...

— Это ничего не значит, — начал распаляться отец. — Если ты хочешь поехать в отпуск, то позвонишь своей сумасшедшей сестре, потому что иначе ты не поедешь в отпуск, ведь не можешь же ты оставить его одного...

— Я лучше оставлю его одного, чем попрошу свою сестрицу о том, чтобы эти две недели он жил у нее, — в свою очередь, повысила голос мать. — Я не хочу, чтобы мой сын жил две недели в компании безумного создания, которое ещё полгода назад резало себе вены, а сейчас, насколько мне известно, покрасило волосы в красный цвет!

Я обалдел.

Симба покрасила волосы в красный цвет — это круто.

Я бы отдал всё на свете, чтобы так поступила моя матушка.

Или папенька.

Хотя папенька лыс, а с крашеной лысиной ему не пройти по улице и двух метров. Или ужокошат, или заберут в милицию.

Я не видел Симбу вблизи уже несколько лет — с того момента, как она начала жить отдельно.

Сняла квартиру и свалила от нас.

Сказав матушке на прощание всё, что о ней думает.

Матушка же заявила, что отдала ей столько лет жизни, что Симба могла бы быть более благодарной.

Именно тогда, между прочим, Симба сменила имя и стала Симбой.

По паспорту.

Всё это она провернула сама и когда пришла, гордая, домой и показала паспорт матушке, той стало плохо.

Через неделю Симба ушла.

Мне тогда было лет восемь или чуть больше, но я хорошо помню, какая Симба красивая.

Может быть, надо сказать — была.

Была красивая, хотя если была, то и есть.

И ещё я знаю, что Симба вполне обеспечивает себя сама.

Она делает сайты для всяких там фирм и контор, сидит в своей полуторакомнатной квартире и сутками не вылезает из-за компьютера.

Но матушка считает, что она не из-за этого сдвинулась, а из-за того, что у неё были все предпосылки.

Матушка так и говорит: предпосылки.

Мне трудно сказать, что она под этим подразумевает, может быть то, что Симба росла без родителей, со старшей сестрой.

То бишь с моей матушкой.

Я сижу на подоконнике и смотрю в окно, на гору.

Когда матушка родила меня, Симба должна была возиться со мной маленьким.

Помогать матушке.

Полный бред.

Она убирала за мной какашки и недовольно морщилась, когда я орал.

И никто тогда не знал, что придёт время, и она покрасит волосы в красный цвет.

Мне страшно хочется посмотреть, как это выглядит.

Хотя я был бы не прочь остаться один, но одного они меня всё равно не оставят.

Они всё ещё ругаются насчёт того, что же им делать, ведь Симба — сумасшедшая, матушка в этом убеждена и сейчас убеждает в этом папеньку.

Окончательно мать уверовала в сумасшествие своей сестры, когда Симба влюбилась в того хряка, с которым я один раз видел её на улице, в центре, прошлой осенью.

Если мне не изменяет память, в конце сентября.

Погода была прекрасная, дождями ещё и не пахло.

Есть такое дурацкое выражение: «бабье лето».

Гора стояла покрытая золотом с проблесками чего-то яркого, почти алого.

Гора у нас видна отовсюду, так уж расположен город — у самого её подножия.

Она нависает над ним, иногда кажется, что она руководит всеми нами.

Когда над её верхушкой висят чёрные, клочковато-угрюмые тучи, мы все ходим пришибленные, ведь это значит, что гора впала в мрачное настроение и скоро пошлёт дождь.

Ливень, грозу, а если это поздняя осень или зима, то — снег.

Но когда над горой солнце, всё совершенно иначе и мы довольны.

Самое смешное, что я никогда не поднимался на гору, как, впрочем, и остальные горожане.

Если мы ездим отдыхать, то в противоположную сторону.

На горе реликтовый лес, и отдыхать в нём отчего-то запрещено.

Но смотреть на него разрешается, и в тот сентябрьский день были видны даже отдельные кроны деревьев — настолько чист был воздух.

Я вышел из «Макдональдса», где сжевал гамбургер.

Гамбургер как гамбургер, хотя кетчупа можно было положить побольше.

И ещё я пил колу, а потому стоял довольный и оглядывал улицу.

А по улице шла Симба, рядом с ней тащился какой-то дядька.

Хотя на самом деле он не тащился, а шёл довольно уверенно, но мне показалось, что тащился.

А Симба подпрыгивала и скакала вокруг него козочкой.

И выглядела очень даже счастливой.

И волосы у неё были покрашены в жгуче-чёрный цвет.

Такие волосы бывают у японок: глянцево-чёрные.

Блестящие.

Как панцирь большого жука.

Я подумал, подойти к ней или нет, и решил, что не надо.

Ведь при виде меня она сразу вспомнит, как убирала моё детское говно.

И это воспоминание ей явно будет не в радость.

Вернувшись домой, я сообщил матушке, что видел Симбу, и мать сказала, что у той стало совсем плохо с головой и она завела роман а) с женатым мужчиной, б) намного старше её и в) ничего хорошего из этого не выйдет, потому что мать твёрдо знает — он никогда не женится на Симбе.

— А ей это надо? — спросил папенька.

— Не знаю, — сказала матушка и добавила: — Но вообще-то это всем бывает надо!

А через два месяца Симба порезала себе вены, хотя не сильно.

У неё не хватило порезать их как следует.

И матушка пошла к ней в больницу, а вернувшись, сказала, что Симбе совсем плохо и она вообще не разговаривает.

Ни с кем.

— А чего ты хотела? — спросил папенька. — Чтобы она, лёжа на больничной койке, рассказывала тебе, как ей было хорошо, когда она пускала себе кровь?

— Ты дурак, — ответила матушка. — Она ведь мне сестра...

— Сумасшедшая сестра, — сказал отец, — всё-таки лучше, чем никого дома, так, по крайней мере, он будет под присмотром...

— Клиническим... — вставила мать.

— Всё равно каким! — воскликнул отец. — Мы сможем ей позвонить...

— Мы не сможем ей позвонить, — возразила мать, — у неё нет телефона. У неё нет ни телефона, ни пейджера, ни мобильного, у неё есть только интернет, так что придётся писать письма, а ты терпеть этого не можешь...

— Тогда вот сядь и напиши ей, — сказал отец, — прямо сейчас...

— О чём? — спросила мать.

— Боже! — взмолился отец. — О том, что нам надо уехать на две недели. И что Михаил не может ехать с нами. И что мы просим её, чтобы он это время у неё пожил, поняла?

— Моя сестра — сумасшедшая, — очень медленно, по слогам, произнесла мать, — и оставлять с ней своего сына...

— Ты хочешь, чтобы он остался один?

Я слез с подоконника и направился к компьютеру.

Препираться таким образом они могут очень долго.

Это такая игра у них, в слова.

Слово за слово, подача, ещё одно слово, ещё подача.

Я включил компьютер и запустил почтовую программу.

— Что писать? — спросил я.

Молчание было мне ответом, они даже не посмотрели в мою сторону.

Мать всё убеждала отца в том, что Симба — сумасшедшая, а мне хотелось добавить, что при этом ещё — и очень красивая сумасшедшая.

В тот сентябрьский день, когда я увидел её напротив «Макдональдса», она была шикарна.

Роскошна, потрясающая, обалденна!

А сейчас, с красными волосами, — ещё круче!

Я вызвал бланк письма и тупо посмотрел на незаполненное поле.

Адрес Симбы был в адресной книге, в этом я не сомневался.

Но какие выбрать слова, чтобы было похоже на то, как могла бы написать мать?

Конечно, две недели можно прожить и одному, но мне хотелось провести их рядом с Симбой.

И прежде всего потому, что она была ни на кого не похожа.

Мать это прекрасно знала, потому и называла её сумасшедшей.

Знал это и отец.

Она жила какой-то абсолютно особой жизнью, и дело даже не в том, что она постоянно перекрашивала волосы и полгода назад пыталась порезать себе вены, последнее, между прочим, совсем не оригинально.

Однако ещё с той поры, когда мы жили вместе, я сохранил ощущение, что она не просто не такая, как все.

Мне всегда казалось, что Симба знает нечто, о чём никто из нас не имеет представления.

Она редко говорила со мной — повторю, когда она ушла, мне было лет восемь-девять, так что говорить нам было не о чем.

Но я помню, как она смотрела вечерами в окно, и взгляд её то ли мутнел, то ли — устремлялся на обратную сторону.

Хотя скорее всего это лишь мои галики.

Я не знаю, что такое обратная сторона, и, может, матушка права и Симба просто — молодая сумасшедшая женщина.

Я просмотрел адресную книгу, адрес Симбы нашёлся быстро.

simba@simba.inf

В поле «тема» я набрал «привет», постеснявшись что-либо добавить.

А потом начал письмо.

«Здравствуй, сестра! — написал я, невольно обернулся к родителям, они всё спорили, и я продолжил: — Так вышло, что мы с мужем получили внезапную возможность (я убежден, что маменька использовала бы именно такой оборот) уехать в отпуск, но проблема в том, с кем оставить Михаила. У него сейчас сложный возраст (это бы маменька написала непременно!), а уже начались каникулы, и одного его оставлять мне не хочется — не знаешь, что найдёшь дома по возвращении... Не могла бы ты согласиться на то, чтобы эти две недели он пожил у тебя?»

Я подписался матушкиным именем.

И отправил письмо.

— Нет! — сказала мать. — Я категорически против, мне проще вообще остаться дома, поезжай один...

— Ты устала, — сказал отец, — тебе надо отдохнуть, мы уже два года никуда не ездили, там море, там солнце и тепло...

— У нас тоже тепло, — возразила мать, — даже жарко, посмотри в окно!

За окном действительно было жарко, гора как бы двоилась в раскалённом мареве, над ней покачивался только что появившийся убывающий месяц, и — что самое странное — одновременно с месяцем на небе играли красные отблески заходящего солнца.

— Так жарко давно не было, — продолжала матушка, — а море...

— Ты ведь любишь плавать! — механически произнёс отец.

— Я не хочу оставлять его с Симбой! — взорвалась мать. — Из этого ничего хорошего не выйдет!

— Боже! — сказал отец. — Ты что, думаешь, что она его соблазнит?

И тут вдруг матушка засмеялась.

Только как-то нехорошо, нервно.

Она смеялась долго, и отец налил ей стакан воды.

Я на всякий случай зашёл в «Отправленные письма» и удалил то, что отправил Симбе.

Как говорится, от греха подальше.

Мать выпила воду и успокоилась.

— Я так не думаю, — сказала она. — Моя сестра пусть и сумасшедшая, но не извращенка! Просто — я боюсь!

И в этот момент компьютер подал голос.

Такое негромкое, мелодичное «блямк».

— Почта пришла, — спокойным тоном сказал я, — кто посмотрит?

— Посмотри, — попросила мать отца, — у меня сил нет...

— Вот я и говорю, — сказал отец, — тебе надо отдохнуть, забыться, расслабиться...

— Лечь под пальмой, — стараясь подладиться под его тон, продолжила мать, — смотреть на море, на то, как оно лениво плещется о берег...

— Песчаный берег, — как-то неуверенно подхватил отец, — такой золотистый, такой...

— Хватит! — оборвала его мать. — Посмотри почту!

Отец подошел к компьютеру и уставился на монитор.

Я не знал, от кого пришло письмо, но догадывался.

Мне не было стыдно, однако я чувствовал, что уши у меня покраснели.

Хотя они могли покраснеть и от жары.

Окна были распахнуты, но с улицы тянуло чем угодно, только не прохладой.

— Бред! — сказал отец, прочитав письмо, и внимательно посмотрел на матушку. Та так и стояла посреди комнаты с пустым стаканом в руке.

— Она что, ясновидящая? — добавил отец.

— Кто — она? — спросила мать.

— Твоя сестра! — размеренным тоном произнес отец и ткнул пальцем в экран монитора.

Матушка молча протянула мне стакан, я безропотно взял его с тем, чтобы отнести на кухню, но не пошёл, а остался понаблюдать, что будет дальше.

Мать подошла к компьютеру и начала читать письмо.

Вслух.

Как-то очень странно шевеля губами.

«Я согласна, — прочитала мать, — пусть Михаил поживёт у меня эти две недели. Только пусть ведёт себя хорошо, а то у меня много работы и мне некогда с ним возиться. Симба».

— Бред! — сказала мать и посмотрела вначале на отца, а потом на меня.

— Как она узнала? — спросил отец.

Теперь они оба смотрели на меня, и я понял, что если признаюсь, ничего хорошего из этого не выйдет.

Они просто не поймут, а то и вообразят себе что-нибудь...

Например, что я только и мечтаю о том, чтобы Симба меня соблазнила.

На самом деле я об этом не мечтаю, я об этом даже не думаю.

Мне просто хочется две недели смотреть на неё каждый день.

Не более того.

И я постараюсь ей не мешать.

— Что будем делать? — спросила матушка.

— Собираться, — ответил отец. — Сегодня у нас какой день, пятница?

— Пятница! — подтвердила мать.

— А самолёт когда, завтра?

— Завтра вечером, — сказала мать.

— Значит, — заявил отец, — мы до вечера должны собраться сами и отправить Михаила к Симбе...

— Она ведь сумасшедшая, — неожиданно вставил я.

— Это не страшно, — заверил меня отец, — она ведь не буйная, а тихая, и потом — ты что, забыл, как она жила с нами?

— Забыл, — без запинки ответил я, — это ведь давно было...

— Вот и вспомнишь, — сказал отец, давая понять, что мне пора ложиться, потому что завтра надо будет собрать вещи и отправиться к Симбе.

На другой конец города.

И ехать туда на трамвае не меньше часа.

Можно и на автобусе, только автобусом мне не хочется.

В такую жару в автобусе плохо — слишком душно и пахнет бензином.

— Море, — мечтательно протянул отец, глядя в потолок, — как я хочу на море...

— Бедный мальчик, — сказала мать с патологической нежностью, — целых две недели...

Я сказал им «спокойной ночи», зачем-то подмигнул компьютеру, ушёл в свою комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

В окно медленно, как волны, вползали пласты горячего ночного воздуха.

«Ты кто?» — прочитала Симба и засмеялась.

Вариантов ответа у неё множество.

Надо лишь перестать смеяться и забегать пальчиками по клавиатуре.

Точнее — одним пальцем. Средним пальцем правой руки. Симба всегда набивала текст именно этим пальцем, будто остальных не существовало в природе. Будто остальные были то ли ампутированы, то ли кем-то откушены.

Например, серебристым переливающимся существом со странными волосатыми ушками.

Ухмыльнувшись, Симба ткнула пальцем в клавиатуру.

«Я — Симба!» — написала она и отправила сообщение.

На то и придумана «аська»: обмен репликами, расслабуха, лёгкий флирт, как в общественном транспорте. Ничего серьёзного, для серьёзного существует почта.

Почта — это уже отношения.

Порою радостные, порою — мучительные.

Ты ждёшь писем, ты на них отвечаешь, а можешь и не отвечать.

А «аськами» ты перебрасываешься.

Моментально пришло ответное сообщение.

«Ты — лев?»

Симба оттопырила нижнюю губу. Иногда ей очень хотелось метнуть дротик в компьютер. Прямо в центр экрана. Чтобы вначале раздался негромкий хлопок, а потом всё это крякнуло бы. Разлетелось на мельчайшие кусочки. Вакуумная бомба. Ведь где-то там, в трубке монитора, должен быть вакуум?

«Лев — в мультике!» — написала она ответ и заслала его в сеть.

И принялась за работу.

Уже не одним пальчиком, а всеми.

Но «аська» не унималась.

На этот раз вопрос звучал предельно просто:

«Какого ты цвета?»

«Идиот!» — буркнула Симба и потянулась за соком.

Сок был тёплый и противный, надо было встать и пойти на кухню.

Открыть холодильник, достать пакет и долить в стакан холодного сока.

А ещё лучше — выплеснуть остатки этого в мойку и наполнить стакан заново.

Но прежде следовало ответить, и Симба написала: «Красного!»

Взяла стакан и пошла на кухню.

Окно на кухне было открыто, и Симба подумала, что это зря.

В окно может кто-нибудь залететь.

Шмель. Или оса.

Или странная серебристая тварь из тех, что живут в лесу на вершине горы.

Симба ополоснула стакан, открыла холодильник, взяла пакет и налила себе холодного сока.

Жаль, что апельсиновый закончился, остался только персиковый, а он такой сладкий, что от него ещё сильнее хочется пить.

Но холодный персиковый лучше, чем тёплый персиковый, хотя апельсиновый был бы более кстати.

Симба закрыла холодильник и зачем-то посмотрела в окно.

Убывающий месяц болтался над горой, кое-где посверкивали бледные звезды.

«Завтра приедет племянник, — вспомнила Симба, — вот дурдом!»

Это значит, что она больше не сможет ходить по дому в одной майке, как не сможет делать и многого другого.

Например, смотреть по вечерам в бинокль.

На окна дома напротив и на гору.

Симба подтаскивала кресло к подоконнику, садилась и направляла бинокль вначале — в окна, затем — туда, где жили существа.

В окнах редко попадалось что-нибудь интересное, но всё равно было забавно.

Дамочки выясняют отношения с мужьями, дети вопят, только воплей не слышно.

В общем-то, почти то же самое, что веб-камера, но не так предсказуемо.

А если смотреть на гору, иногда можно различить даже отдельные листья на деревьях — бинокль был очень мощный, с насадкой ночного видения, хотя ночью в нём жили лишь какие-то отчётливые тени.

Серые, серо-чёрные, чёрные.

Цвета, которые Симба ненавидела.

А впрочем, почему племянник должен помешать ей смотреть в бинокль?

Симба решила, что закрывать окно не будет, залпом выпила сок, поставила стакан в мойку и пошла обратно к компьютеру.

Естественно, там болталось ответное сообщение.

«Красного — это как?»

«Уроды...» — подумала Симба и быстро настучала ответ:

«Крашенная... В красный цвет... Ещё есть вопросы?»

И снова принялась за работу.

Но у этого сумасшедшего, видимо, было полно свободного времени.

Ему не надо было через неделю сдавать работу заказчику. И писать скрипты, что всегда приводило Симбу в бешенство — она любила делать сайты, но писать скрипты ненавидела.

У сумасшедшего возник новый вопрос, и он поторопился его задать:

«А как ты покрасилась?»

«Бред...» — подумала Симба и вдруг решила, что если она сейчас честно напишет о том, как покрасилась, от неё отстанут. Когда ты что-то говоришь честно, все решают, что ты дура, и перестают тебе надоедать. Можно было, конечно, написать о бабочках-мутантах, но тогда пришлось бы объяснять очень многое, например то, почему Симба верит в их существование. Пришлось бы рассказывать о себе. А Симбе не хотелось рассказывать о себе.

Гораздо лучше — о парикмахерской.

Только вот сообщение получится длинное, но это ничего, в конце концов скрипты подождут до завтра.

Симба посмотрела на свой средний палец и вдруг нежно его облизала.

«Мы писали, мы писали, — подумала она, — наши пальчики устали...»

Эту поговорку она помнила со школы.

Пальчик подмигнул и сказал, что готов.

«Вперед и с песней!» — сказала пальчику Симба.

«Как, как... — написала она. — В парикмахерской я покрасилась. Пошла утром в парикмахерскую, высидела очередь среди каких-то безумных теток, сидела в кресле и листала журнал — это я хорошо помню. Помню, что сидела, а какой журнал — не помню. Там на обложке ещё была какая-то грудастая девица с большим декольте. Так вот — сидела я так с полчаса, а может, минут сорок, а потом подошла моя очередь. Вначале меня подстригли. Да, должна сообщить, что я специально сидела так долго, чтобы попасть к мальчику, мальчики-стригуны — они почти всегда педики, а меня прикалывает, когда меня педики стригут и красят, у них это как-то особенно нежно получается, они к тебе так странно прикасаются и стараются дышать в сторону, чтобы не оскверниться... Смешно... Стрижку сначала сделали, а потом начали красить. А красят так: мальчик-стригун взял в одну руку широкую кисточку, а другой начал выбирать на моей башке пряди. Берет он одну прядку и красит, от корней — знаешь, где у волос корни? — до кончиков, одна прядка, вторая, пока всю голову не намазал. А потом меня посадили под колпак, надели на голову такую полиэтиленовую штуку, из которой тёплый воздух идёт. И я сидела, долго-долго... А потом колпак сняли и стали голову мыть, потом меня сушили феном — ты знаешь, что такое фен? А потом я заплатила какие-то сумасшедшие деньги и пошла домой. Вот. Доволен?»

Симба отправила отчёт о походе в парикмахерскую и вновь посмотрела на средний палец.

Ему явно больше ничего не хотелось.

Он писал, он устал.

Симба тоже устала.

Пора расстелать постель и заваливаться спать.

А утром придётся идти в магазин — племянника нужно кормить.

Вообще-то сестра могла бы позаботиться об этом сама и отправить с племянником сумку еды.

А лучше — две.

Один племянник и две сумки еды.

Одна — на первую неделю, другая — на вторую.

«Расслабь свой мозг, — вдруг услышала Симба, — я расскажу тебе про странную игру...»

Такое случалось, хоть и нечасто.

Компьютер начинал жить своей жизнью, и в нём появлялись призраки.

Точнее, не появлялись, они в нём жили все время, стоило зайти на какую-нибудь страничку в сети и посмотреть на какое-нибудь лицо, как это лицо становилось призраком и поселялось в компьютере.

Призраков Симба не боялась, хотя не любила, когда они принимались разговаривать.

Или ругаться. Или петь. Или читать стихи.

Призраки должны быть молчаливы и степенны — как в старых шотландских замках.

Домашние привидения, которых любят все чада и домочадцы.

«Ну же, — вновь раздался голос, — расслабь свой мозг...»

— Расслабила! — каким-то прерывистым басом ответила Симба. — Что дальше?

«Это игра, — сказал голос, — другая игра...»

— Слушай, — попросила Симба, — оставил бы ты меня в покое, а?

Голос недовольно хрюкнул и умолк.

Симбе внезапно стало не по себе.

Призраки в шотландских замках так себя не ведут, так ведут себя только компьютерные призраки: нагло и по-хамски!

— Эй, — мирно произнесла Симба, — ты что, обиделся?

Ответа от голоса она не дождалась, зато дождалась ответа по «аське».

«Пришли фотографию!» — прямо какой-то приказ.

На такие послания отвечать не принято.

Симбе опять захотелось разнести монитор, метнув в него дротик.

«Я тебе пришлю!» — подумала она и огляделась: что бы такое ей заслать в сеть?

Чашку с засохшими следами кофе, валяющийся под столом тапочек?

Дротик. Дротик и ещё раз дротик.

Наглуую харю с выпученными губами, прилепленную в самый центр мишени.

Взять харю, покрасить ей башку в красный цвет и послать в файле jpg.

Но это она уже проделывала — на прошлой неделе, когда к ней прикопался один турок.

Он настырно звал её отдыхать — к себе в Анталию.

«Аськи» писал по-русски, но латиницей.

И прислал фотографию: толстый такой, грузный дядька, уже не то что с двойным, а с тройным подбородком.

В белой рубашке с коротким рукавом, при галстукке.

Сидит за столом и смотрит печально в бумажки.

В глазах — турецкая тоска.

Мол, если ты приедешь, я сразу повеселею и попрошу тебя станцевать танец живота.

Между прочим, у турка были жена и сын, так что Симба просто взяла и отправила ему письмо с вложенной харей.

И больше турок не писал, ни по мейлу, ни по «аське».

[mailto: simba@simba.inf](mailto:simba@simba.inf)

Симба открыла папку со своими фотографиями.

Иногда надо говорить правду и посылать правду.

Все фотографии делились на четыре категории:

Симба на улице,

Симба дома,

Симба крупным планом,

Симба как она есть.

Последняя папка была запаролена — так, на всякий случай.

Чтобы какой-нибудь племянник невзначай не наткнулся на изображения Симбы без трусов и лифчика.

Симба открыла папку «Симба на улице».

Выбрала одну из фоток — в полный рост, в короткой юбке и белой маечке без рукавов, рядом с фонтаном. Фонтан работал, и на фотке было видно, как струи воды бьют в небо.

Прошлогодний снимок: на ее запястье ещё не было шрама.

Она стоит у фонтана и ждёт харю.

И улыбается.

Симба ослабилась, глядя на фотку, потом подумала и запустила «Фотошоп».

Работа сегодня пошла насмарку, но можно поразвлекаться.

А потом — лечь спать.

Симба открыла файл с фоткой и стала пририсовывать себе зубы.

Большие вампирские клыки и острые передние резцы.

И чтобы с клыков капала кровь — красные волосы и алая кровь в уголках рта.

Полчаса возни, зато какое удовольствие, ощущение, что эти клыки — всамделишные.

Симба даже встала из-за компьютера и подошла к зеркалу.

Клыков нет, хотя если посмотреть подольше, можно увидеть, что они уже начали расти.

И скоро вырастут, и будут такие, как на фотографии.

Большие вампирские клыки и острые передние резцы.

Бедный мальчик, что с ним станет, когда он это увидит!

Или он уже — далеко не мальчик?

Впрочем, это Симбе было всё равно.

Все они — козлы, если не сказать хуже.

Симба их ненавидит, Симба желает только одного: чтобы они все сдохли!

И никогда к ней не приставали!

У неё есть компьютер, в котором временами оживают призраки, и этого ей достаточно.

Ей хватит того, что было.

Внезапно Симба схватила дротик и резко метнула в харю.

Дротик воткнулся рядом с предыдущим — всё в тот же мерзкий, далеко высунутый язык.

Два дротика покачивались рядышком, и Симба заплакала.

Ей было жалко харю, но ей хотелось её уничтожить.

Исколоть дротиками, натравить на неё всех мыслимых призраков.

Наслать бабочек-мутантов.

Она представила, как огромные их стаи поднимаются над горой и летят в сторону города.

Как небо темнеет и как они начинают биться в её окна.

А потом влетают в квартиру, и становится невозможно передвигаться — вместо воздуха месиво из волосатых крыльев.

Симба вытерла слёзы и быстро дорисовала клыки.

Потом прикрепила файл и отправила, так ничего и не написав.

Он просил фотографию — он её получит.

И пусть ему снятся кошмары!

Часы в правом нижнем углу монитора показывали второй час ночи, точнее — 01.23.

Двадцать три минуты второго.

Симба с окровавленными клыками неслась где-то в недрах сети.

Настоящая Симба без пририсованных клыков встала из-за компьютера и пошла в ванную: чистить зубы.

Если он и ответит ещё сегодня, она прочитает это лишь завтра.

Почистить зубы и лечь спать.

Сказать всем «спокойной ночи»: харе, компьютеру, горе за окном.

И даже среднему пальцу — ему тоже надо хорошенечко выспаться!

Симба открыла дверь в спальню и пошла к кровати.

Но в компьютере что-то в очередной раз блямкнуло.

Опять почта, опять кому-то не спится.

[mailto: simba@simba.inf](mailto:simba@simba.inf)

В письме не было ничего, кроме ссылки.

www.compghost.net

Три дабью. Точка. Компьютерный призрак. Точка. Сеть.

Часы в правом нижнем углу монитора показывали ровно один час тридцать минут.

Симба скопировала ссылку и запустила браузер.

За окном скоро начнет светать, но выспаться она успеет — племянник придет только к вечеру, да и вообще: завтра — суббота.

Три дабью. Точка. Компьютерный призрак. Точка. Сеть.

www.compghost.net

В субботу можно подремать подольше, а потом, высунув мордочку из-под одеяла, прикинуть, на каком ты свете.

Главное — спать без снов и проснуться без крика.

Доползти до душа, затем — до холодильника.

Допить оставшийся сок и подумать, что приготовить на завтрак.

Скорее всего это будет яичница.

Страница загрузилась быстро, она была скромная — просто неяркий фиолетовый тон.

Без надписей, без фреймов, без каких-либо иных наворотов.

Вот только чем пристальней Симба всматривалась в страницу, тем более странной она ей казалась.

Страница мерцала неярким светом, и это мерцание становилось все интенсивнее и интенсивнее.

А потом в глубине появились буквы, вначале совсем маленькие, будто какие-то случайные точки.

Вот только эти точки росли, и — наконец — Симба смогла прочитать:

«Тебя зовут Симба?»

— Да, — послушно произнесла Симба.

«Входи!» — пригласила следующая надпись.

Симба помедлила, а потом решительно нажала на Enter.

Те, кто прилетает во сне

Я ненавижу спать. Даже в те времена, когда мать заходила ко мне в комнату, чтобы подоткнуть одеяло и поцеловать на ночь, я только прикидывался, что сплю, а на самом деле просто лежал, крепко стиснув зубы и плотно зажмурил глаза, стараясь дышать так, как дышат люди во сне.

То есть намеренно громко, пыхтя, как игрушечный детский паровозик.

Уже тогда мне казалось, что во сне я более чем беззащитен; сон был особым местом, куда я вынужденно уходил каждую ночь: не в поле, не в холмы, — отчего-то этим местом был лес, а ещё в нем текла река, вот только река эта была вовсе не похожа на спокойную речку, текущую неподалеку от города, куда отец брал меня с собой на рыбалку.

Это была река с тёмной, глубокой, стремительной водой, и чем ближе я подходил к ней, тем круче становился берег, и вот я уже катился вниз, сначала пытаюсь хоть как-то удержаться, но в конце концов кубарем летя в бурную холодную воду, которая накрывала меня с головой, и я просыпался...

Тогда Симба ещё жила с нами; я хорошо помню это потому, что именно она первой догадалась: со мною происходит что-то не то — у меня под глазами появились круги, я стал бледным и каким-то дёрганым.

— С ним что-то не то, — однажды зимним утром сказала матушке Симба, — ты посмотри, как он выглядит!

— Нормально, — ответила матушка, — вот только побледнел, что ли...

— И под глазами, — сказала Симба, — смотри, какие круги...

— Миша, — спросила мама, — что с тобой?

И я заплакал.

Заплакал, убежал в свою комнату, рухнул на постель, уткнулся лицом в подушку.

Мальчики не плачут — так говорит отец.

Значит, у этих мальчиков другие сны.

В них нет страшной реки, в которую я падаю почти каждую ночь, и вода накрывает меня с головой, и я чувствую, что уже не могу дышать...

Почти не могу, потому что когда не смогу совсем — я умру.

Симба подошла к кровати, она не села рядом и не стала гладить меня по голове, она стояла, глядела на меня сверху вниз и вдруг сказала:

— Ну и дурак ты, Мишка!

Я ничего не ответил, но плакать перестал.

Просто продолжал лежать, уткнувшись лицом в подушку.

Мне было стыдно — и прежде всего перед Симбой.

Она была красивая. Очень красивая. Самая красивая.

Может быть, по-настоящему это понимал только я, хотя поклонники у Симбы не переводились, и все они, скорее всего, считали так же.

— Ты кончил реветь? — уточнила Симба. — Тогда расскажи, что случилось.

Я сел и посмотрел на нее. В комнате царил полумрак — свет падал лишь из открытой в коридор двери. Симба была в брюках и свитере, свитер был ей маловат, так что ее обтянутая вязаной шерстью грудь сразу бросалась в глаза. Я вздохнул и облизал губы.

— Ну, — сказала Симба, — я жду...

— Сны, — ответил я, — из-за них я и не сплю, я боюсь...

— Дурачок, — сказала Симба, — зачем бояться снов, они ведь даже если и страшные, всё равно это только сны...

— Нет, — возразил я, — ты не понимаешь, то, что мне снится — это совсем другое...

— Мне тоже снятся сны, — сказала Симба, — и в них тоже происходит чёрт знает что, хочешь, расскажу?

— Хочу! — ответил я.

— Подвинься! — сказала Симба и села рядом со мной.

Я почувствовал рядом её тёплый бок и прижался к ней.

Я был ещё маленький, настолько для неё маленький, что она не мешала мне устроиться таким образом, что моё лицо почти вплотную прикило к её обтянутой тесным свитером груди, и мне даже казалось, что я слышу, как бьётся её сердце.

— Мне снится лес... — начала Симба.

— Мне тоже снится лес! — гордо отозвался я, размышляя, стоит ли рассказывать ей про реку, чьи воды почти каждую ночь накрывают меня с головой.

— Не перебивай, — сказала Симба. — Мне снится неправильный лес. Не такой, как на самом деле!

— А какой тебе снится? — тихо спросил я.

— Скорее всего тот, что на вершине горы, — ответила Симба. — Там очень высокие деревья, и растут они очень густо...

— Какой породы деревья? — спросил я, прижимаясь к ней ещё теснее.

— Там много сосен, — сказала Симба, — но они не совсем сосны, кора у них почти чёрная, а ветки растут с самого низа, так что если карабкаться, можно добраться до вершины, где небо и солнце...

— Это — хороший сон! — сказал я.

— Нет, — возразила Симба, — это плохой сон, потому что долезть до вершины тебе не дадут!

— Кто? — спросил я.

— Знаешь, — сказала Симба, — в некоторых снах я начинаю лезть на эти сосны, вначале я берусь обеими руками за самую нижнюю ветку, затем подтягиваюсь...

Я закрыл глаза.

Сердце у Симбы билось часто-часто.

Она взялась руками за нижнюю ветку — большую и разлапистую.

Взялась аккуратно, чтобы не уколоть ладони.

Она умела лазить по деревьям — я это видел.

Вот она уже держится за вторую ветку, потом ухватывается за третью.

А лезть до вершины ещё очень долго, сосна высокая, может быть, метров двадцать, если не больше, просто гигантская сосна, чуть ли не самая высокая в этом лесу.

Симба хватается за четвертую ветку, за пятую...

Шестая. Седьмая. Восьмая.

Она уже на высоте метров пяти. Если упадёшь — можно сильно разбиться.

И тут я понимаю, почему Симба рассказывает мне всё это.

В моём сне есть река, которая желает лишь одного — накрыть меня с головой и сделать так, чтобы я умер.

Во сне у Симбы реки нет, но когда она берётся за девятую ветку, я слышу шелест.

Непривычный, потрескивающий, будто летят стрекозы.

Я выглядываю из-за плеча Симбы и вижу, что возле покрытого мощной корой ствола кружатся какие-то существа.

Большие, размером с футбольный мяч.

Я не могу понять, какого они цвета, но они похожи на отвратительных огромных бабочек, которых никогда не существовало на свете.

И вот оказывается, что они существуют.

Они атакуют Симбу, они пытаются ударить её крыльями, они издают странные, неприятные звуки.

Симба пытается покрепче взяться за следующую ветку, но у неё не получается — существа не дают ей это сделать, она разжимает руки и падает вниз с отчаянным и громким криком.

— Понял? — спрашивает меня Симба.

— Да, — отвечаю я, с сожалением отстраняясь от её теплой груди.

— Но я ведь всё равно сплю! — говорит Симба и вдруг проводит ладонью по моим волосам, легко и небрежно, стараясь то ли просто успокоить, то ли — снять ужасное наваждение сна.

— Я постараюсь, — обещаю я.

— Ты не постарайся, — серьёзным тоном говорит Симба, — ты просто усни.

— Поцелуй меня на ночь, — вдруг решаюсь попросить её я.

Симба начинает смеяться, но негромко и как-то ласково.

А потом наклоняется ко мне и целует своими мягкими губами в лоб.

— Нет, — говорю я капризно, — не в лоб!

— Хорошо, — соглашается Симба, наклоняется снова и легонько касается моих губ, чуть-чуть, только касается и сразу же отводит лицо.

— А теперь спать, — говорит она, — утром доложишь, что тебе снилось, хорошо?

— Хорошо, — отвечаю я и смотрю, как Симба выходит из комнаты, а потом раздеваюсь и ныряю под одеяло.

И — засыпаю.

И сплю почти без снов; по крайней мере река той ночью мне не снилась.

Мне снилась Симба, о чём утром я ей честно и сказал.

А через несколько месяцев она уехала от нас, и сны вернулись.

И в этих снах к моей реке стали прилетать её существа.

Я их не боялся так, как боялся чёрной, бездонной, холодной и быстрой воды.

Существа кружились над водой, будто предупреждая, что к берегу лучше не подходить, что я не удержусь, сорвусь с него, и вода накроет меня с головой.

Я останавливаюсь, не доходя до береговой кромки, и начинаю считать, сколько этих странных существ кружится над водой.

Пять... Шесть... Семь... Восемь...

Они замечают меня, сбиваются в шар и летят в мою сторону.

Каждое — размером с футбольный мяч, как и во сне, рассказанном мне Симбой.

И все эти футбольные мячи соединяются в один большой шар.

И летят в мою сторону, и мне ничего не остаётся, как повернуть обратно и побыстрее уйти прочь от берега.

Даже не уйти — убежать, цепляясь ногами за толстые узловатые корни, тут и там

торчащие из земли.

Но я больше не падаю в воду, и она не накрывает меня с головой, я могу дышать, мне уже не так страшно.

Хотя и теперь я всё равно ненавижу спать.

Я говорю родителям «спокойной ночи», зачем-то подмигиваю компьютеру, иду в свою комнату и плотно прикрываю за собой дверь.

В окно медленно, как волны, вползают пласты горячего ночного воздуха.

Я решаю накрыться одной простыней — под одеялом будет слишком жарко.

И ещё я решаю послушать музыку.

Через наушники, чтобы не мешать родителям.

Я забираюсь в постель, надеваю наушники и включаю радио.

Нахожу любимую волну и сразу попадаю на ночной хит-парад.

Делаю потише, чтобы не так било в уши, и закрываю глаза.

Обычно я не вслушиваюсь в текст песен, я просто слушаю музыку.

Вот и этой ночью мне абсолютно всё равно, о чём поёт мне милый женский голос.

О том, что её надо любить, или о том, что любить её больше не надо...

Она просто поёт, а я лежу, закрыв глаза, и думаю, что завтра уже плавно превратилось в сегодня и через сколько-то часов я поеду к Симбе.

В принципе, я даже могу подсчитать, через сколько.

Мне надо выйти ближе к вечеру, когда родители поедут в аэропорт.

Сейчас начало первого.

Я открываю глаза и смотрю на музыкальный центр.

Циферки на светящейся шкале показывают ноль часов двадцать две минуты. Хорошо, будем считать, половина первого — для простоты. Не знаю, когда я усну, может, через полчаса, может — через час, но спать я буду часов до девяти минимум, а может, и до половины десятого, скорее всего до половины десятого, то есть девять часов сна.

Предположим.

А самолёт у родителей в семь вечера.

И в пять они уедут в аэропорт.

Мы вместе выйдем из дому, они сядут в машину, а я отправлюсь к трамвайной остановке.

Я проснусь в половине десятого, а в пять часов вечера сяду на трамвай, чтобы поехать к Симбе. То есть это будет через семь с половиной часов после того, как я проснусь.

И через шестнадцать с половиной часов после того, как я усну, к примеру, в половине первого.

А ехать мне на трамвае чуть меньше часа и ещё немного идти пешком, так что для ровного счёта пусть будет именно час, то есть шестьдесят минут.

Шестнадцать с половиной часов плюс еще один час.

Это значит, что через семнадцать с половиной часов я увижу Симбу.

Я слушаю уже третью песню, а спать мне всё ещё не хочется.

Даже под простыней становится жарко — я скидываю её с себя и лежу на кровати в одних плавках.

Обливаясь потом и думая о том, в какой комнате я буду спать у Симбы.

Скорее всего в большой, хотя там у неё стоит компьютер, а работает она ночами.

Так что она может поместить меня в свою спальню.

Я буду спать на её кровати и дышать её запахом.

Целых две недели, всё то время, пока родители будут на море.

Они будут купаться и загорать, ездить на экскурсии и гулять вечерами по набережной.

А я буду дышать запахом Симбы.

Больше я пока ничего не знаю, да и не хочу знать.

Мне немного стыдно, что я сам отправил Симбе письмо.

Надеюсь, она ничего не расскажет родителям.

Но они бы так и не сделали этого, хотя мать навряд ли оставила бы меня одного на две недели.

Четырнадцать дней или триста тридцать шесть часов.

Когда хочется уснуть, надо считать — этому меня научил отец, он говорит, что это помогает.

Может быть, это помогает ему, а мне вот нет, хотя я сосчитал, через сколько часов я буду у Симбы и сколько часов буду жить у нее. Через семнадцать с половиной и триста тридцать шесть.

Отец бы, наверное, давно уснул, а я слушаю уже седьмую песню и уснуть пока не могу.

Песня на английском языке, в школе я учу английский, но со слуха понимаю плохо.

Разбираю лишь, что поют мне сейчас не о любви.

Into deep forest...

В глубине леса...

Скорее всего, надо перевести — в чаще.

В чаще леса...

Under the trees...

Под деревьями...

Near the river...

Около реки...

So warm breeze...

Такой теплый ветерок...

No birds, no flowers...

Нет ни птиц, ни цветов...

In this hot summer night...

Этой жаркой летней ночью...

But your eyes full of sounds...

Но твои глаза полны звуков — бред какой-то!

Flying big butterfly!

Большой летящей бабочки...

Летящей большой бабочки...

Я вырубая музыку и лежу, тупо уставясь в ночь.

В чаще леса под деревьями, около реки, где дует теплый ветерок и где этой жаркой летней ночью не видно ни птиц, ни цветов, глаза твои полны звуков от полета большой бабочки...

Наверное, размером с футбольный мяч, не меньше.

А потом эти бабочки объединяются в стайку и начинают кружиться возле того дерева, на которое пытается залезть Симба.

Я не знаю, зачем ей понадобилось лезть на него.

Между прочим, когда-то давно, лет пять назад, мне было десять, не больше, я попытался влезть на большую разлапистую сосну, что росла возле дачного участка, принадлежавшего покойному деду.

Я хорошо помню то лето, потому что именно тем летом дед зачем-то показал мне большую книжку с незнакомыми иностранными словами на переплете.

Там было написано «Amour & Sexualite».

Сейчас-то я знаю, что написано было по-французски и что надпись означала «Любовь и секс».

Видимо, дед считал, что чем раньше я что-то узнаю, тем будет лучше.

Про любовь и про секс.

До сих пор помню, какое впечатление на меня произвели рисунки в той книжке — интересно, где она сейчас, когда со смерти деда прошло уже четыре года?

Скорее всего у отца, хотя я её у него не видел...

Но как-то я взял книжку и решил залезть вместе с ней на дерево, устроиться поудобнее между двух больших веток и спокойно пересмотреть картинки — почему-то мне казалось, что на дереве будет спокойнее всего.

Книга была большая, я засунул её за пазуху и полез.

Но залезть не смог, так что книгу смотрел на дальней поляне, забравшись в какие-то душно пахнущие кусты.

А вот зачем Симбе надо было лезть на дерево?

Хотя — зачем надо было мне так много лет подряд почти каждую ночь ходить к одной и той же реке?

Я чувствую, что начинаю засыпать.

Циферки на панели музыкального центра мерцают, но я ещё могу различить, что сейчас почти два...

И уже не через семнадцать с половиной часов, а через шестнадцать я увижу Симбу.

Всего лишь через шестнадцать...

Если, конечно, мне удастся сегодня ночью не нахлебаться холодной речной воды.

Симба прекрасно знала, что на самом деле всё это — бред.

Что такого просто быть не может.

Пусть она и странная особа с красными волосами, но волосы — это так, мгновенно пришедшая в голову дурь, захочет, перекрасит в фиолетовые или снова в зелёные.

А вот то, что она сейчас нажала на Enter, было не по правилам.

Правила гласили: компьютер — просто машина, пусть даже кто-то и считает, что она умная.

Но это машина, всё прочее — из того же разряда, что призраки в шотландских замках.

То есть это только считается, что они, призраки, существуют, на самом деле их нет и быть не может, они если и были, то когда-то давно, да и замки уже частично превратились в развалины, а те, что остались невредимы, отданы на растерзание туристам и состоятельным персонам.

Так что голос, призвавший Симбу нажать на Enter, — её собственное наваждение.

Скорее всего, она сегодня переработала, да и история с племянником радости ей не доставила.

Племянник в своё время был милым мальчиком, вот только из милых мальчиков вырастают отвратительные подростки.

Он будет томно смотреть на неё и пытаться подстеречь возле ванной: в пятнадцать лет у них только одно на уме.

Интересно, у него есть прыщи?

На мониторе появилась очередная фраза.

Её Симба встречала частенько, и ничего омерзительного она с собой не несла.

Wait... I'm loading...

Подождите... Идёт загрузка....

Только здесь всё чуть по-другому: подождите... я загружаюсь...

Интересно, кто это — «я»?

Даже интереснее, чем есть ли у племянника прыщи, это она увидит завтра, точнее, уже сегодня — через каких-то пятнадцать-шестнадцать часов, можно подсчитать точнее, но лень.

Я загружаюсь...

www.compghost.net

Отчаянно зачесалась левая нога, Симба потёрла её правой пяткой: смешно. Левая нога, правая пятка. Сидишь, обливаясь потом, почти голая, смотришь в монитор и чего-то ждёшь. Нога чешется, ты её почёсываешь. А завтра приедет племянник, точнее, уже сегодня, с прыщами ли, без, но приедет и начнёт подстергать тебя у ванной, на кой фиг сестрица надумала этот отпуск — одна сестрица знает.

Ну, скоро там?

И что, собственно, должно произойти?

Скорее всего, это просто шутка какого-нибудь сумасшедшего любителя шотландских замков и прочей ерунды, Симба сидит у монитора уже пять минут, и ничего не происходит, wait... I'm loading... Ну и что?

Внезапно надпись исчезла, и начало светлеть, будто всходило солнце.

А больше ничего пока не происходило.

Пока.

Может, снова нажать на Enter?

Симба ткнула в клавишу и вдруг поняла, что она идёт.

Солнце заливало лесную тропинку — утреннее солнце.

Тропинка была узкая, по обе стороны, чувствовала Симба голыми локтями — красная майка лишь закрывала плечи, — стояла густая стена леса.

Идти было просто: нажимаешь на клавишу со стрелочкой вверх и идёшь вперёд по тропинке, если нажать на стрелочку вниз, то — скорее всего — пойдёшь обратно, Симба ткнула в стрелочку, которая указывала вниз, и сразу же пошла обратно, но пока обратно ей не хотелось.

Она давно не играла в компьютерные игры, после первого месяца, проведённого за машиной, от компьютерных игр у неё болела голова.

А вот сейчас её странным образом втравили в это занятие, и она идёт, только надо бы знать куда и зачем.

И почему вокруг именно лес, а не луг, поле, пустыня, в конце концов.

Симба всегда мечтала побывать в пустыне, но ещё не побывала.

Даже на море она была всего один раз, и то — в таком туманном детстве, что об этом уже и не вспомнить.

Внезапно лес закончился.

И Симба почувствовала, что по спине у неё опять течёт струйка пота, только ощущение от этого не совсем то...

Пот, который не от жары, пот, который от страха...

Потому что за лесом начиналась улица, но то была мёртвая улица с мёртвыми домами.

Если в лесу ещё время от времени чирикали птички, то тут царил тишина, улица была пуста, окна в домах разбиты, ветра нет, солнце, небо, улица, дома, струйка пота добралась до копчика. Симба заёрзала в кресле, решая, что делать дальше.

Можно нажать клавишу со стрелочкой вниз, и так и держать её, не отпуская, и быстро-быстро побежать обратно.

А можно рискнуть.

Опять выкрасить волосы в красный цвет.

Но ещё ярче, чтобы голова пылала.

Или вообще — обриться наголо, многим это не нравится, а Симбе кажется очень ничего, временами же — очень сексуально. То есть супер!

Только волосы все равно отрастут, а что будет здесь и сейчас — непонятно.

Симба прошла мимо одного дома и подошла к следующему.

Самое смешное, что этот дом был ей хорошо знаком.

Более того, она чуть ли не полгода входила вон в тот подъезд, крайний слева.

Поднималась на четвёртый этаж на лифте и звонила в дверь.

Звоночек там ещё такой, с мелодией, па-пара-па-пам, па-пара-па-пам...

Она нажимала и ждала, а на лице у неё появлялась дурацкая улыбка.

Дурацкая, идиотская, дебилная.

Улыбка влюблённой дуры.

Влюблённой идиотки, дебилки и тому подобное.

Как бы ей себя еще назвать?

Дегенератки, вот!

Ей открывали дверь, и она проскальзывала в квартиру.

Она не знала, чья это квартира, ей было всё равно.

Просто квартира, в которой она была счастлива и в которой её любили.

Затылок заломило, Симба поняла, что вспомнила обо всём этом зря.

Есть вещи, которые положено забывать раз и навсегда, пусть даже от них и остаются следы — например, на запястье левой руки.

До сих пор она не может себе простить, что сделала это.

Оказалась такой маленькой, такой слабой, что взяла и...

Гораздо лучше брать дротики и кидать в мужское лицо.

Замечательное, красивое.

Лицо человека, который открывал ей дверь.

Подъезд был распахнут, Симба подошла к нему и задумалась.

Можно войти, подняться на четвёртый этаж и позвонить в дверь, хотя наверняка ей никто не откроет.

А можно и пройти мимо, но надо решаться.

В жизни всегда надо решаться на что-нибудь.

Нажать на Enter и ждать, что будет.

Майка стала мокрой, Симба стянула её с себя.

Она сидела в кресле перед компьютером, голая, обливающаяся потом, и хотела одного: чтобы всё это скорее закончилось.

Но выйти из игры она не могла.

Что-то ей мешало.

Wait... I'm loading...

Симба вошла в подъезд. В доме явно никто не жил.

Давно, очень давно, полгода, год, может и больше.

Когда она сама была здесь в последний раз?

Симба подошла к лифту — естественно, тот не работал.

Лестница была грязная и такая же безжизненная, как и весь дом.

Почтовые ящики на площадке второго этажа слабились как-то совсем уж мерзко, будто у них выбили зубы и выдавили глаза.

Ещё одна струйка пота потекла по спине Симбы — от основания шеи.

Вот она достигла лопаток, Симба миновала третий этаж и стала подниматься на четвёртый.

Струйка спустилась ниже лопаток, Симба поднялась на один пролет, четвёртый этаж совсем рядом.

Кожаное кресло становится мокрым от пота, капельки видны даже на груди.

Надо ухаживать, улепётывать.

Бежать со всех ног.

Симба поднимается на площадку четвёртого этажа, нужная дверь — слева.

На площадке три квартиры, и все двери открыты.

Всё такая же тишина, в лесу хотя бы чирикали птички.

Пели, чего-то там насвистывали.

Давали понять, что они живы, а значит — жива и ты.

— Эй, — почему-то очень громко говорит Симба, — тут кто-нибудь есть?

Странное лёгкое эхо отвечает ей:

— Есть... есть... есть...

Когда она приходила в эту квартиру прошлым летом, на улице стояла такая же жара, и она первым делом шла в ванную.

Долго принимала душ, плескалась, поливала себя, пока тело опять не становилось тем телом, которым Симба гордилась.

Дверь в ванную из коридора налево.

В прихожей нет света, но всё и так хорошо видно: вот здесь было зеркало, но сейчас его нет, лишь квадратный след на обоях.

Хотя мебель в комнате есть, видна, например, кровать.

Симба заглядывает в ванную и видит, что здесь учинён полный разгром.

Ванна на месте, но душ выломан, выломан и унитаз.

И шкафчики, и даже кафель.

Интересно, кому всё это понадобилось?

Wait... I'm loading...

Она закрывает дверь, из окна начинает тянуть ветерком, голая Симба чувствует, что её слегка подмораживает.

Занятно, только что было жарко, а теперь подмораживает, но она не может встать — что-то её не пускает.

Наверное, надо снова нажать на Enter, и всё это закончится.

Какой дурак так над ней подшутил, кто прислал ей эту бредовую ссылку?

«Ненавижу, — думает Симба, — нашла бы — яйца оторвала!»

Она идёт дальше, заходит на кухню, тут разрухи меньше, но на полу какое-то большое, засохшее, бурое пятно.

Ей опять не по себе, холодильник на месте, в нём обычно были сок и шампанское, за то лето она выпила столько шампанского, что сейчас смотреть на него не может, пила его на кухне, в комнате, на балконе, в постели.

На той самой большой кровати, что до сих пор стоит на своём месте.

У правой стены, изголовьем к окну.

А рядом должна быть тумбочка, надо проверить, жива она или нет.

Склад ненужных вещей, который когда-то был почти что домом.

И вещи были необходимы для жизни.

Симбе становится совсем холодно, она поднимает с пола брошенную красную майку и опять натягивает на себя.

Самое мерзкое, что при племяннике ничего такого позволить себе она не сможет.

Ни раздеться, когда захочется, ни снова одеться.

Ладно, всего две недели, перетерпит.

Пусть только он постоянно не торчит на глазах, надо будет его чем-нибудь занять.

Но — чем?

У неё дома один компьютер, второй ей как-то ни к чему.

Нет даже телевизора.

Телевизор — он тоже в компьютере.

И музыкальный центр — там же.

Симба входит в комнату, в дальнем углу, в большой чёрной напольной вазе, стоит знакомый букет.

Засохшие мелкие хризантемы, сейчас они блёкло-бурые, а когда-то были жёлтыми, интересно, они всё это время здесь?

Кровать заправлена всё тем же покрывалом, но на нём слой пыли.

Надо снять покрывало, выйти во двор и выхлопать его.

А потом вымыть пол.

И протереть окна.

«Это полная дурь, — думает Симба, — то, что лезет мне в голову, на кой чёрт мне всё это мыть и хлопать, надо уносить ноги, скорее, как можно скорее...»

Покрывало ей, между прочим, никогда не нравилось — слишком уж яркое.

Да ещё с рисунком: большая, ощерившаяся морда тигра.

Ладно бы там слон или какой другой травоядный, а тут — тигр.

Хотя могло быть и хуже.

Серебристые переливающиеся существа со странными волосатыми ушками.

Они сейчас там, за разбитым окном.

Надо только подойти к нему, высунуться наружу и позвать.

Как-нибудь так: фьюить, фьюить...

И тогда они прилетят.

И что-то будет, но пока ей не дано знать — что!

Симба идёт к окну, хотя и понимает, что делать этого не надо.

Эти дурацкие существа, с чего она взяла, что они действительно есть и должны водиться именно там, в лесу на вершине горы?

Гора хорошо видна из этого окна.

Была видна.

Когда Симба появлялась здесь несколько раз в неделю.

Иногда он уходил раньше, а Симбе уходить не хотелось, и она садилась у окна и смотрела на гору.

Не через бинокль, просто так, — бинокль она завела себе позже, уже после того как пометила своё левое запястье.

«Интересно, а вообще-то они показываются на глаза?» — думает Симба.

«И что, они действительно такие — серебристые и переливающиеся?»

«А волосатые ушки — это крылья?»

«И они поют, самое забавное, что они действительно поют, раз в году, скажем, в ночь на Ивана Купала...»

Симбе опять становится тепло — наверное, потому, что надела майку.

Ей больше нечего делать в этой квартире, однако уходить, судя по всему, рано.

Она ещё раз оглядывает кровать, а потом идёт к окну.

Сейчас на улице ночь, но здесь утро, раннее такое утро, и всё залито ослепительным солнечным светом.

На подоконнике толстый слой пыли, даже облакачиваться не хочется.

Хочется другого.

Желание возникает внезапно, и Симба начинает понимать, для чего она здесь.

Она должна встать на подоконник, подняться на цыпочки и взмахнуть руками.

Подпрыгнуть и шагнуть в воздух.

И полететь — туда, в сторону горы.

Где её уже ждут — серебристые, переливающиеся, самые замечательные на свете

существа.

Она не должна произносить их название, она просто должна долететь до них, спрятаться в чаще леса, ухватившись покрепче за одну из толстых сосновых веток, и ждать того сладостного момента, когда раздастся ни на что в этом мире не похожее пение.

Так не поют люди. Так не поют птицы.

Это не свист дельфинов.

Это что-то совсем иное...

И если ты услышишь это, жизнь твоя перевернется и всё станет совсем, совсем другим.

«Эта комната опять станет жилой, — думает Симба, — и блёкло-бурые цветы окажутся живыми и жёлтыми. Но для этого надо решиться — встать на подоконник, подпрыгнуть и полететь!»

Она снимает с себя майку и вытирает пыль с подоконника — ведь всё равно, летишь ты в майке или нет, а вставать босыми ногами на такой слой пыли ей противно.

И выбрасывает майку в окно.

Желание полета становится просто нестерпимым.

Гора маняще нависает над горизонтом, совсем скоро Симба окажется там, на вершине, и — кто знает, вдруг ей повезет? — всё же услышит загадочное пение.

«Скорее, скорее!» — будто кто-то подталкивает Симбу в спину.

Она опирается о подоконник, потом ставит на него одно колено, затем другое, затем резко встаёт на ноги, держась руками за края окна, и невольно бросает взгляд вниз, на землю.

И понимает, что так же сглупила, как и тогда, когда полоснула себя по левому запястью.

Лететь вниз намного ближе, чем туда, к горе.

Всего лишь с четвёртого этажа.

Вон на те камни, наваленные прямо под окном.

Ей надо резко соскочить с подоконника обратно в комнату и как можно быстрее уносить ноги.

Держа палец на клавише со стрелкой вниз.

Однако ноги приросли к подоконнику, и Симба не может спрыгнуть обратно.

Пот заливает глаза, пальцы рук начинают неметь, ей хочется разжать их, но тогда она не устоит и полетит вниз...

Или всё же туда, к горе?

Может, стоит попробовать?

Wait... I'm loading...

«Я бы убила этого козла!» — думает Симба и из последних сил нажимает на три заветные клавиши.

Ctrl.

Alt.

Delete.

Именно в такой последовательности.

Слева направо.

Два пальца левой руки на Ctrl и Alt, один палец правой — на Delete.

Затем откидывается на спинку кресла и злорадно смотрит на экран монитора, который начинает темнеть, а затем становится абсолютно чёрным.

И тут она чувствует, что кожа кресла опять холодит ей спину, вот только Симба

прекрасно помнит, что совсем недавно натягивала на себя красную майку, и с ужасом понимает, что больше никогда её не наденет.

Потому что не сможет найти.

Дистенциальный коблоид

Когда просыпаешься с готовой фразой в голове, чувствуешь себя последним дураком.

Хуже чем дураком — идиотом. Дурак — это что-то вроде домашних тапочек, носишь их или не носишь, но в хозяйстве они необходимы. Идиот же — совсем другое дело, он с тапочками не ассоциируется...

А фразочка была та ещё: дистенциальный коблоид.

Я открыл глаза и посмотрел в потолок.

На нём бесновались солнечные блики.

От сновидения, в котором я, по идее, должен был нахлебаться воды, не осталось и следа. Что уже хорошо! А то лежал бы сейчас в постели утопленник, руки сложены на груди крест-накрест, на закрытых веках — водоросли. И не зелёные, а мерзко-бурые, склизкие. И такие же водоросли обвивают шею. А тут дверь открывается и матушка входит в комнату: мол, пора вставать, день сегодня...

И никакого дня больше нет!

Так что остаётся радоваться, что я вышел из сна сухим, вот только фразочка эта ничуть не лучше, чем возможность нахлебаться воды во сне.

Дистенциальный коблоид.

Откуда такой бред лезет в голову?

Между прочим, фразочка возникла не сама по себе, не так чтобы лежу это я, лежу, сплю, а тут фразочка. Ведь где-то я ее увидел. Где?

Ответ приходит быстро. Стоит лишь пристальнее всмотреться в беснующиеся на потолке солнечные блики и потянуться пару раз да подумать, что пора вставать, а то матушка действительно начнёт колотиться в дверь с воплями: у них-де с отцом дел по горло, и мне тоже собираться надо, ведь не поеду я к Симбе голым...

Я представляю, как прусь через весь город в чём мать родила, и мне на самом деле становится смешно. Из подъезда я, может, и выйду, но дальше двора точно не уйду. Бдительные соседи вызовут милицию и «скорую помощь». Зачем «скорую помощь» — понятно, а милицию — так, до кучи. И вместо Симбиной квартиры отправлюсь я совсем в другое место, отпуск у родителей, естественно, к чёрту, наденут на меня грязно-лиловый халат огромного размера и уложат на койку. А родители вместо того, чтобы гулять по набережной и дышать морским воздухом, будут носить мне передачи. Вернее — возить. Больница для идиотов у нас за городом, где-то с той стороны горы.

А я сегодня точно идиот, потому что ко мне прицепилась дурацкая фразочка.

Но за одно это меня никто никуда не увезёт, если, конечно, я сейчас встану, и оденусь, и начну собирать вещи.

А фразочку эту я видел на майке.

Мне навстречу шёл какой-то придурок в чёрной майке. А на ней было крупными белыми буквами написано: дистенциальный коблоид.

Как на визитной карточке. У отца вот куча разных визиток. И на каждой — какая-нибудь смешная надпись. Его имя, отчество, фамилия и буквами помельче: директор по продажам. Это на одной. А на другой — мерчандайзер. Понятия не имею, что это такое. Есть ещё и «авторизованный дилер», что, на мой взгляд, ничуть не лучше дистенциального коблоида.

Причём если хорошенечко подумать, слово «коблоид» можно расшифровать. Бывают ведь, например, гуманоиды. То есть не люди, но вроде бы чем-то на нас похожие. В таком случае коблоиды — это от кобеля; у нас была собака — кобель. Отца на улице спрашивали: у вас мальчик? А он гордо так отвечал: у меня — кобель!

Кобель — коблоид, очень даже логично.

Видимо, я всё-таки не совсем идиот, так что можно прекратить подсчёт солнечных бликов и встать.

Встаю.

И тут в дверь стучат.

Матушка.

С недавних пор она всегда стучит, видимо, боится, что войдёт в комнату, а я занимаюсь чем-то не тем, лежу скинув одеяло и делаю нечто такое, что может её смутить. Она прекрасно знает, что это делают все подростки моего возраста, но видеть ей этого не хочется. И правильно — если я это и делаю, то лишь тогда, когда твёрдо убежден, что родители спят. Ну пусть не спят, но всё равно не войдут ко мне в комнату, хоть и будут шарашиться по коридору из своей спальни в ванную и обратно. Хорошо, когда вход в ванную прямо из спальни, а у нас обычная трёхкомнатная квартира с совмещённым санузлом. Вход в ванную из спальни я отлично помню — совсем маленьким родители брали меня с собой на отдых в Эмираты, отцовский друг жил там на вилле. Вилла была трёхэтажная, на втором и третьем — жилые комнаты. И в каждой — отдельная ванная. Родители жили на втором этаже, я — на третьем, им ванная досталась большая, а мне — крошечная, да и кровать у них была намного больше моей. Я иногда пытался к ним в эту кровать нырнуть, но они меня прогоняли...

Матушка уже одета и даже покрашена.

Матушка, покрашенная в субботу с утра, — такого я не припомню, обычно она начинает мазаться ближе к обеду — в выходные, естественно. Когда ей не надо на работу.

Сегодня ей на работу не надо, но они с отцом улетают в отпуск.

А идиот, то есть дистанционный коблоид, едет к Симбе.

Матушка в джинсах и майке, хорошо заметно, что она не надела лифчик.

Когда я был маленький, она загорала при мне без лифчика и не стеснялась.

Правда, в Эмиратах она загорала так только на вилле, у бассейна, чтобы никто, кроме меня, не видел.

А вот в Анапе — на пляже. Я тогда тоже был маленький, хотя и постарше, чем в Эмиратах. Анапа мне понравилась меньше, даром что там было не так жарко. А вот матушка там лежала на пляже без лифчика и хоть бы хны, мужики идут, плятятся, а она и бровью не ведёт — типа того что продвинутая она у меня...

— Можно? — спрашивает матушка.

— Можно, — говорю я и начинаю заправлять постель.

Солнечные блики внезапно исчезают с потолка.

Коблоид — явно от кобеля, с этим словом я разобрался, а вот что такое дистенциальный?

— Что ты с собой возьмешь? — спрашивает мать.

— Не знаю, — говорю я, — ещё не думал.

— Ты ведь сам стирать не будешь, — заявляет мать, — я тебя знаю...

— А может, буду! — возражаю я, представляя, как замачиваю у Симбы в ванной свои

трусы и носки.

— А от Симбы не дождёшься, — продолжает мать.

Майка на ней розовая, без рукавов, в обтяжку. И хорошо заметны соски.

Слово «дистенциальный» можно, конечно, вывести из слова «дистанционный», есть ведь дистанционное управление, тот же пульт от телевизора, и от музыкального центра, и от видика... Всё это размещено в гостиной, и пульты всегда разбросаны, никто их не может найти. Отец вечно ищет пульт от телевизора, потому что страдает заппингом, это такая новомодная болезнь. Он приходит домой после работы, ужинает, ложится на диван и болеет. Лежит и переключает каналы, давит на кнопки и перелистывает картинки. Иногда мне кажется, что ему всё равно, что смотреть, главное — чтобы мельтешило, а когда он заканчивает листать, начинает храпеть, недолго, минут пятнадцать-двадцать, но очень громко. А потом его будят.

Это называется — папа отдыхает.

Он сегодня много работал.

Директором по продажам.

Мерчандайзером.

Авторизованным дилером.

И устал.

И теперь погрузился в прострацию, чуть-чуть поболеев заппингом.

Он даже в отпуске этой болезнью страдает.

Забавно смотреть, как он пялится в телевизор, в котором нет ни одной русской программы, а сам ведь понимает только по-русски.

Но всё равно с умным видом переключает каналы.

Лучше бы рыбу ловил или запускал воздушных змеев.

Я начинаю смеяться, представив, как папенька запускает воздушного змея.

Даже в моём далёком детстве он этого никогда не делал.

Воздушных змеев я запускал с дедом на даче.

Дед их делал из деревянных реек и тонкой папиросной бумаги, змеи получались маленькие и неказистые, но мне они до сих пор кажутся очень красивыми.

Сейчас змеи продаются в магазинах, и можно выбрать всё что душе угодно: змея в форме акулы, дракона, птеродактиля или огромной, странной, серебристой бабочки.

И сделаны они не из реек и папиросной бумаги — они прочные, на каркасе из специальной проволоки, и обтянуты легчайшей тканью.

Наши с дедом змеи, как правило, застревали в соснах, что росли возле дачного участка, иногда они запутывались в ветвях так высоко, что приходилось перерезать бечевку, и тогда змей пропадал.

Он был виден снизу, но снять его было нельзя.

И он торчал там и торчал, а потом начинались дожди, и бумага рвалась, и он падал на землю — груда почерневших склизких реек и какие-то мятые, грязные лохмотья.

Дистанционное управление змеем, между прочим, тоже возможно — через бечеву, нитку, верёвку.

Но мне всё-таки кажется, что слово «дистенциальный» происходит от какого-то другого, вот только я никак не соображу, от какого.

Точнее, я что-то чувствую, но не могу вспомнить.

Нечто похожее я слышал на уроке в самом конце последней четверти.

Во второй половине мая.

Тогда ещё было не так жарко, тогда ещё шли дожди.

Мать начинает собирать мои вещи.

Вначале она достаёт из шкафа сумку — её мне купили в прошлом году, когда отправляли в лагерь на Азовском море.

Лагерь оказался полным дерьмом, про море я вообще молчу. Впрочем, кое-что хорошее там всё же было.

Она мне потом написала несколько писем по мейлу, но после третьего отвечать я перестал — заленился, хотя целоваться с ней было прикольно, а больше она ничего не разрешила, даже потрогать грудь.

Сумка большая, её надо таскать на плече, бывают ещё сумки с колесиками, но такую мне не купили.

— Что ты возьмешь с собой? — опять спрашивает мать, и я опять говорю, что не знаю, что мне, в принципе, всё равно.

Мать выгребает из шкафа мои майки и начинает сортировать.

Эта — в сумку, эта — обратно.

— Наоборот, — говорю я, — положи вот эту, а не ту!

Мать свирепеет.

Она всегда заводится сразу, но и быстро отходит.

Отец — наоборот.

Мать говорит, что у отца толстая кожа и её трудно пробить. Но уж если пробьешь, это надолго!

Как-то отец не разговаривал со мной целую неделю.

Я ничего такого не сделал, я не таскал его сигареты — я вообще не курю, я не смотрел его видеокассеты с порнухой. Они у него правда есть, это не шутка.

Я всего лишь потерял компакт-диск.

Точнее, не потерял, у меня его украли.

В школе, из сумки, какой-то козёл — узнал бы кто, набил бы морду.

Но диск пропал, отец устроил кипеж и не разговаривал со мной целую неделю.

Мать выгребает из шкафа джинсы.

Синие, голубые, белые, чёрные.

Зачем мне столько штанов всего-то на две недели?

Хватит двух пар, синей и голубой, для чёрных сейчас слишком жарко, а белые быстро пачкаются, и их надо постоянно стирать.

Не Симба же будет это делать, а мне самому в лом!

Я всё пытаюсь понять, откуда взялось слово «дистенциальный», и — наконец — что-то нащупываю.

Дело было действительно в школе, на одном из последних уроков литературы. Нам объясняли смысл термина «экзистенциальный» — что это значит, я так и не понял, но само слово мне запомнилось.

— Положи голубые и синие, — прошу я матушку, — мне хватит!

— Сам бы положил, — ворчит мать, а потом спрашивает: — А поедешь в каких?

Правильно, нужно выбрать, в каких штанах я поеду, а вторые положить в сумку. То есть класть надо не голубые и синие, а только голубые. Или только синие.

Голубые мне нравятся больше, поэтому я решаю ехать в них.

В голубых джинсах и белой футболке с надписью «Don't touch».

Футболку мне откуда-то привёз отец в прошлом году.

По-моему, из Испании, хотя надпись на английском.

«Don't touch».

«Не трогай!»

То бишь не замай, не лапай, отвали, убирайся.

Я иду по улице и меня не стоит трогать.

В лагере на Азовском море у меня была другая любимая майка, с надписью «Who is my girl?».

Кто моя девушка?

Девушка нашлась на второй вечер, ей тоже было четырнадцать, и она в первый раз в жизни приехала на море.

Ей жутко не повезло: море было Азовское, а это просто чахлая, мутная лужа.

Я гордо рассказывал ей, что такое настоящее море, а сам смотрел на её грудь.

Хотя назвать это грудью было трудно.

Если судить по тому, что творится под майкой у матушки.

Интересно, какая грудь у Симбы, наверняка меньше, чем у матушки, но больше, чем у той девчонки из лагеря.

Девчонка прочитала надпись на майке, засмеялась и сказала:

— Я!

Дистенциальный коблоид самодовольно улыбнулся и решил, что пришла пора вдвоём прогуляться вдоль моря — отчего-то мне захотелось сделать это так, как показывают во всяких глупых фильмах, на которые отец натывается во время ежевечернего заппинга.

В этих фильмах парочка берётся за руки и бредёт по мелководью навстречу закату.

Или, ближе к полуночи, — в сторону картинно нависающей над морем луны.

Я взял её за руку, и мы потащились по азовскому мелководью, от воды несло не свежестью, а гнилью, и была она чересчур тёплая. Я бы даже уточнил — отвратительно тёплая.

Временами под ноги попадались то ли камушки, то ли ракушки, хорошо ещё, что ни один из нас не порезал себе пятку.

Мы шлялись так по воде минут пять. А потом вернулись обратно на берег.

— Свитер, — сказала матушка, — надо обязательно взять свитер, вдруг погода испортится.

Дай ей волю, она засунет мне ещё и куртку, и шапку, и осенние ботинки.

— Хорошо, — сказал я, — положим свитер, и хватит.

— А на ноги? — спросила мать.

— Сандалии, — сказал я.

— Возьми кроссовки, — сказала мать.

— Зачем? — удивился я. Кроссовки-то были старые, потрёпанные. — Жара вон какая стоит, что я в них ноги парить буду, ещё грибок заведётся!

Грибковый аргумент, похоже, показался матери убедительным, но свитер она мне всё-таки всучила.

Ещё я положил в сумку несколько компакт-дисков, пару любимых видеокассет, одну с «Люди в чёрном», другую — с последними «Звёздными войнами».

— Почитать возьмёшь что-нибудь? — спросила мать.

Она явно намекала на то, что надо взять почитать что-нибудь из школьной программы.

— Нет, — сказал я, — ничего пока не хочу читать...

— Всё, — сказала матушка, — застёгивай!

Я застегнул сумку и поднял ее с кровати.

Она получилась лёгкой, намного легче, чем тогда, когда я отправлялся в лагерь.

До моего отбытия к Симбе оставалось ещё почти семь часов.

— Завтракать, — сказала мать, — теперь пойдём завтракать, а потом нам с отцом надо самим собираться...

Дистенциальный коблоид потащился завтракать, послушно уставясь в розовую матушкину спину.

Как на поводке: мать впереди, я — за ней.

Отец уже был на кухне и мешал салат.

Отец всегда ест один и тот же салат: помидоры со сметаной и майонезом.

И желательно — без лука.

К салату сегодня прилагались сосиски.

Мы сели за стол, дистенциальный коблоид взял в руку вилку и потянулся к салату.

— Сосиски, — грустно сказал отец, предвидя, что две недели ему придется есть всё что угодно, но только не молочные сосиски из ближайшего магазина.

— Две недели, — протянула мать, — мы вернёмся через две недели!

— Как бы твоя сумасшедшая сестра, — сказал отец, — и его за эти две недели не превратила в сумасшедшего!

Я умолчал о том, что и так проснулся сегодня в полной уверенности, что я даже не дурак, а клинический идиот марки «дистенциальный коблоид».

— Возьми кетчуп! — посоветовала мне матушка. — С кетчупом вкуснее.

Видимо, она давно смирилась с тем, что сумасшествие — заразно, иначе не объясняла бы мне элементарные вещи, которых не понимают разве что больные на голову!

История бабочек

Симба в очередной раз повернулась на другой бок и подумала, что вряд ли вообще уснет. Ни на правом боку, ни на левом.

Ни на спине, ни на животе, слишком жарко.

Симба лежала под простыней голая и мокрая, за открытым окном уже скоро должен был начаться рассвет. Симба закрыла глаза и приказала себе:

— Спать!

Сон в ответ ухмыльнулся и показал язык.

Симба попыталась представить, что за окном — море, и оно шумит, и этот шум ее убаюкивает.

Но моря за окном не было, Симбе захотелось опять нажать на Ctrl — Alt-Delete и вновь загрузить эту ночь, с самого начала, только уже так, чтобы программа не дала сбой.

И чтобы пришел сон.

Самая левая клавиша-Ctrl.

Правее — Alt.

Еще правее, надо нажимать правой рукой, — Delete.

Но сколько ни нажимай, ночь ты заново не загрузишь.

А значит, остаётся ворочаться с боку на бок и с ног до головы покрываться потом.

Если б за окном было море, с него дул бы прохладный ветерок — Симба хорошо помнила этот ветер, как и само море, хотя была лишь однажды, очень давно, перед рождением племянника.

Симба вспомнила, что племянник явится уже сегодня, и поморщилась.

Когда наступит очередная ночь, так, голой, в постель уже не завалишься.

Правда, можно закрыть дверь на задвижку.

Но если ночью захочется пить или в туалет, придётся что-то на себя надевать.

Симба встала с кровати и пошла на кухню.

На кухне был постелен линолеум, он приятно освежал ноги.

Симба открыла холодильник, достала бутылку минералки и начала пить из горлышка.

За спиной раздался шорох, Симба вздрогнула и поперхнулась, вода потекла по подбородку, по шее, по груди, смешавшись со струйкой пота.

Симба вдруг лизнула себя и засмеялась: пот и минералка были одинаково солёные, только минералка — холодная, а пот — тёплый.

Шорох раздался опять, и Симба обернулась.

На подоконнике сидела большая ночная бабочка, она как-то очень аккуратно взмахивала крыльями, но не взлетала.

— Убирайся! — сказала Симба.

Бабочка ничего не ответила, она даже не посмотрела в сторону Симбы.

— Я кому говорю! — разъярённо прошипела Симба.

Она боялась этой бабочки, она боялась всех бабочек, а в особенности — странных серебристых существ с вершины горы.

Симба никогда их не видела, но совершенно точно знала — они существуют.

По крайней мере, так утверждал отец.

Тогда, на море, вечером они пошли гулять по набережной к маяку.

Они каждый день по два раза ходили к маяку, туда и обратно.

Утром и вечером.

Утром они купались — отец говорил, что у маяка вода чище.

Маленькая Симба смотрела в воду, потом — на отца, потом — на небо.

Утром небо было голубое и безоблачное, и в нём отражалось море.

Хотя тогда она ещё не была Симбой...

— Ну, — сказала Симба бабочке, — ты свалишь или нет?

Бабочка вновь взмахнула крыльями, опять раздался резкий шуршащий звук.

Можно было кинуть в неё тапком, но тапки остались в спальне.

Ещё лучше — дротиком для дартс, только они в комнате, в коробке рядом с компьютером. Пока сходишь — совсем обнаглеет!

Бабочка подмигнула, и Симба попятилась.

Как и в тот вечер, когда по дороге к маяку одна из бабочек вдруг сорвалась с большого и яркого цветка и сильно ударила Симбу в грудь.

Маленькая Симба попятилась, а потом заплакала.

Большая Симба взяла из коробки пару дротиков и на цыпочках пошла обратно на кухню.

Маленькая Симба села на каменный бортик, за которым далеко внизу шумело море, и продолжала плакать.

Бабочки от неё не отставали — их становилось всё больше и больше, они нарезали вокруг неё круги, случайно тыкаясь в плечи, лицо, грудь, Симбе хотелось вскочить и побежать прочь от моря, от этой уютной дорожки, ведущей к гордому маяку.

Падающий из открытого холодильника свет тоскливо поблёскивал в луже разлитой на полу минералки.

— Не плачь, — сказал отец, — эти — они не опасные...

— А какие опасные? — спросила Симба, сглатывая слёзы.

— Другие, — сказал отец, — они здесь не живут...

— А где живут? — всё так же сквозь слёзы спросила Симба.

Бабочка продолжала сидеть на подоконнике, её крылья отбрасывали большую, чёрную, угрожающую тень.

Симба прицелилась и метнула дротик.

Рука дрогнула, дротик исчез в открытом окне.

Симба приказала себе успокоиться.

Она глубоко вдохнула тёплый, распаренный ночной воздух и медленно выдохнула.

Руки перестали дрожать, бабочка всё сидела на подоконнике, она была странной расцветки — чёрные крылья с зелёными прожилками и такие же чёрные усики, которыми бабочка сейчас нагло покачивала.

— Я потом тебе расскажу, — сказал отец, — когда ты успокоишься...

— Нет, сейчас! — капризно потребовала Симба и слезла с парапета. Бабочки отстали от неё, но по-прежнему вились над большими яркими цветами, которыми была усажена вся набережная.

— Так мы идем к маяку? — спросил отец, протягивая Симбе руку.

Симба вцепилась в его ладонь и засемила рядом, чуть подпрыгивая, чтобы поспеть за размашистым отцовским шагом. Она шла ближе к парапету, за которым шумело море, — отец заслонял её от ярких кустов и странных существ, что напугали её до слёз, хотя раньше такого никогда не случалось, ведь в их городе тоже летали бабочки: каждое лето, точнее — с

первых тёплых дней весны и до конца сентября, а то и до начала октября, если осень выдавалась солнечной.

Симба взяла второй дротик и привычно подбросила его в правой руке, а потом стала в стойку, прищурила правый глаз и начала целиться.

Бабочка опять взмахнула чёрными крыльями, Симба сделала шаг вперёд и вдруг поскользнулась — нога попала в лужу минералки, Симба попыталась удержаться, но не сумела и шмякнулась на пол.

Больно, голой спиной, голой попой о холодный кухонный линолеум.

Хорошо, что головой не ударилась.

Дротик всё ещё оставался в руке. Симба со злости метнула его в сторону окна, хотя метать дротики лёжа — это не по правилам.

Дротик упал на подоконник рядом с бабочкой, та испуганно взлетела и скрылась в темноте за окном.

— Ну, — спросила Симба отца, — так где они живут?

— Дело не в том, где они живут, — ответил отец, — дело в другом: какие они...

— И какие? — продолжала допрашивать отца Симба.

До маяка было совсем недалеко, а там придётся развернуться и пойти обратно по набережной, мимо ярких цветов с кружащими над ними существами.

— Хочешь к морю? — внезапно спросил отец.

— Да, — сказала Симба.

Отсюда они ещё никогда не спускались к морю — оно шумело далеко внизу, узкая лестница, сбегавшая с высокого берега, исчезала в сумраке, и не было никакой гарантии, что, прилежно пересчитав её ступеньки, ступишь на прохладный вечерний песок, а не окажешься сразу в рокошущей прибрежной воде.

— Не испугаешься? — спросил отец.

— Нет, — храбро ответила Симба, подумав, что это в любом случае гораздо лучше, чем идти обратно мимо кустов и мельтешащих в воздухе бабочек.

Симба встала с пола, чертыхнулась, достала из-под мойки тряпку и затёрла пол.

А потом подошла к окну и плотно закрыла створки, чтобы больше ни одна тварь не влетела сюда.

Ушибленная спина болела, но Симба вдруг развеселилась.

Она взяла с подоконника дротик, захлопнула холодильник и плотно задёрнула шторы.

Пусть лучше будет жарко, очень жарко, но даже если кто-то сядет на стекло с той стороны, Симба его не увидит!

До моря надо было спускаться метров сто, если не больше.

Сто десять, сто двадцать — по деревянным ступенькам, держась за железные поручни. Сейчас они прохладные, а днём к ним, наверное, невозможно прикоснуться — днём они становились раскалёнными, и люди просто разжимали ладони и сыпались вниз, на камни, тут и там торчавшие на узкой песчаной полоске пляжа.

Отец спускался впереди, Симба — за ним.

Ветер с моря бил ей в лицо, насквозь продувая легкую разноцветную маечку и развевая волосы.

Тогда они у неё были длинные, и отец любил сам заплетать ей косички.

Они спускались очень осторожно, временами отец оборачивался и говорил:

— Ну, ты как?

— Хорошо, папа! — отвечала Симба, и они продолжали спуск.

Лестница вплотную прижималась к скале, от неё пахло холодом и ещё чем-то, что Симба никак не могла определить.

Но ей не было страшно, ей отчего-то стало весело и хорошо.

Симба вернулась в спальню и нырнула в постель.

Дротик остался лежать там, где ему и положено, — в коробке рядом с компьютером.

Если она сейчас не уснёт, то проклянёт всё на свете.

Тем более что сегодня приезжает племянник.

Она была дура, что согласилась.

Она вообще — дура.

Промахнулась по бабочке, и та улетела.

А ведь могла бы попасть, и сейчас держала бы в кулаке её мерзкое чуждое тельце.

Предварительно оборвав чёрные с зелёными прожилками крылья.

Выдернув длинные чёрные усики с угрожающими утолщениями на концах.

Отец спрыгнул на берег первым, повернулся и подхватил Симбу на руки.

А потом плавно поставил на песок, и они пошли к воде.

От лестницы до моря было всего несколько метров, песок был мокрый, волны, разбиваясь о камни, окатывали их брызгами.

— Мы пойдём обратно вдоль моря! — сказал отец.

— Хорошо, — согласилась Симба и пошла рядом, сняв сандалии и с удовольствием чувствуя, как солёная вода лижет ей ноги.

Симба легла на правый бок, подтянула колени к груди и вдруг подумала, что сейчас она, наверное, напоминает большой рыболовный крючок.

Большой голый рыболовный крючок, мокрый от пота.

Интересно, кого ловят на такие крючки?

Самый примитивный ответ — конечно, мужчин.

Симба поморщилась, харя в соседней комнате наверняка ослабилась.

Ненавистная харя, надо бы её чем-нибудь заменить.

Например, прикрепить к мишени изображение бабочки.

Найти в интернете картинку с разрешением получше, скачать на жёсткий диск, обработать в «Фотошопе» и распечатать на цветном принтере. Дело двадцати минут, если сейчас встать и войти в сеть.

Симба решила, что не хочет быть рыболовным крючком, и выпрямила ноги.

Пляж стал шире, нависающая справа скала закрыла собой полнеба — по крайней мере, так показалось маленькой Симбе.

Отец молчал, хотя обещал кое-что рассказать.

— Папа, — напомнила она, — ты хотел...

— Что? — спросил отец.

— Про бабочек, — сказала Симба, — про тех, которых надо бояться, и тех, которых не надо...

— Их вообще не надо бояться, — сказал отец. — Они все красивые и безобидные...

— Нет, — возразила Симба, — не все, ты сам мне говорил, там, наверху!

— Хорошо, — сказал отец, — сейчас расскажу...

Симба повернулась на спину и посмотрела в потолок.

Обыкновенный потолок с красно-синим плафоном посередине.

Если щёлкнуть выключателем, в плафоне загорится лампочка.

— Надо спать! — громко сказала себе Симба и начала медленно считать: — Раз...

Два... Три...

— Помнишь нашу гору? — спросил отец.

— Какую? — заинтересованно спросила Симба.

— Ну, нашу... — сказал отец. — Там, дома...

— Помню, — сказала Симба, вспомнив гору, которая нависала над их городом.

— Так вот, — сказал отец, — я сам не видел, но говорят, что на вершине горы, в лесу,

живут совершенно особенные бабочки...

— Как эти, на берегу? — спросила Симба.

— Нет, — ответил отец, — они большие, размером с футбольный мяч...

— Больше моей головы? — спросила Симба.

— Да, больше! — сказал отец.

— Четыре... Пять... Шесть... — говорила вслух Симба, всё так же глядя в потолок. Она

перестала считать и подумала, что лучше перевернуться на живот и обнять подушку.

Обнять подушку и уткнуться в нее лицом.

Уткнуться в нее лицом и зареветь.

Дурацкая ночь, всё полный бред, и ещё эта жара.

И племянник, который явится вечером.

Она повернулась на живот, обняла подушку и заплакала.

Тихо, жалобно поскуливая.

И поняла, что начинает засыпать.

Наконец-то засыпает, уткнувшись в мокрую от слёз подушку.

— Они больше твоей головы, — сказал отец, — и даже больше моей. И ещё — говорят, что они умеют петь!

— Как это? — спросила Симба. — Как птицы?

— Не знаю, — ответил отец, — но говорят, что они умеют петь...

— Я боюсь! — пожаловалась Симба.

— Ты не бойся, — успокоил её отец, — мало ли что говорят...

— А что будет, если их услышишь? — спросила Симба.

— Кто говорит — счастье, — сказал отец, — а кто-то, наоборот, что конец света...

— Это как? — спросила Симба.

— Что — как? — переспросил отец.

— Конец света... — очень тихо проговорила Симба.

Она уснула, и самое замечательное, что ей ничего не снилось.

Симба спала на животе, яростно обнимая подушку.

Потом она отпустила её и повернулась на бок.

Но уже во сне, и поэтому ей было всё равно, на что она сейчас похожа.

Пусть даже на рыболовный крючок — плевать.

За окном начало светать, солнце выкатилось из-за горы, сосновый лес стал бледно-розовый, какой-то игрушечный.

— Это — когда ничего не будет, — сказал отец, — никого и ничего...

— Я боюсь! — повторила Симба.

— Не бойся, — опять успокоил её отец, — считай, что это просто сказка... А бабочки-мутанты...

— Что такое мутанты? — спросила Симба.

— Это когда вместо одного существа на земле появляется совсем другое, — объяснил отец, — под влиянием радиации или чего-то ещё, слишком яркого солнца, к примеру...

— А что такое радиация? — спросила Симба.

— Это долго объяснять, — сказал отец, — ты не поймёшь, маленькая...

— Хочу мороженого! — сказала Симба, увидев, что они уже почти пришли.

— Хорошо, — сказал отец, — сейчас куплю, а дома сразу — спать, ты очень устала!

Она съела мороженое по дороге к тому хлипкому строению, которое отец назвал домом, послушно вымыла ноги, почистила зубы и залезла в постель.

Перед сном отец вышел покурить под большим, старым, угрюмым сливовым деревом, что росло у порога, а Симба закрыла глаза и уснула.

И тогда ей навстречу впервые вспорхнуло с сосновой ветки серебристое существо со странными мохнатыми ушками. Симба заплакала, не открывая глаз, но когда отец вернулся в комнату, существо уже улетело и Симба спала крепким — как и положено уставшей восьмилетней девочке — сном.

Симба вновь повернулась на спину, подушка упала на пол, но Симба этого не почувствовала — она ровно дышала во сне, вытянув ноги и аккуратно сложив руки на голой груди, сон её становился все крепче и крепче, и — что самое главное — он был абсолютно лишён сновидений...

Трамвайные глюки

Я сбегаяю по лестнице в своих новых кроссовках и ныряю прямо в жару.

Подъездные торчки что-то гаркают мне вслед, но я уже испарился.

Кроссовки мне подарили несколько часов назад. В качестве приманки — или отмазки.

— Чтобы тебе не было грустно, — сказала мать, наблюдая за тем, как я тупо прибираю на столе, — мы тут с отцом решили...

«Мобильник, — подумал я, — наконец-то дозрели!»

Но чтобы родители дозрели именно до того, что мне требуется, — такого ещё не бывало.

Кроссовки, хотя и крутые.

Но всё равно — не мобильник!

Я напялил новьё на ноги и расшаркался. Спасибо, матушка, спасибо, папенька, оттягивайтесь на побережье, а мне пора. Да и им — пора. На две недели они избавятся от меня, я избавлюсь от них. Никто не будет смотреть мне в рот и требовать: покажи, как ты почистил зубы. Разглядывать подошвы ног и особенно внимательно — пятки. Чуть ли не под увеличительным стеклом. Мыл или не мыл. Естественно, мыл, но доказать это невозможно. Надо мыть при матушке. Навряд ли Симбу будет интересовать чистота моих ног.

— Ты это, — сказал отец, — веди себя прилично!

— Он не умеет! — добавила матушка. — Надо было его с собой взять!

— Будем надеяться, — продолжал отец, — что он не натворит глупостей! Ты не натворишь глупостей?

— Нет, — покорно пообещал я и подумал, что едва ли он сам понимает, что имел в виду. Каких это глупостей я могу натворить?

— Ладно, — сказала мать, — нам тоже пора, веди себя хорошо!

Я взял сумку, закинул ее на плечо и вышел в подъезд.

Почти ровно в пять.

Прорыв через подъездных торчков отнял считанные мгновения. Лифт, как водится, не работал, так что пришлось спускаться по лестнице. Я понёсся вниз. Первая группа торчков даже не поняла, кто это летит через их головы, а вторая попыталась меня задержать, но скорость я набрал изрядную, и им только и осталось, что орать мне вслед.

Новые кроссовки очень хорошо подходят для быстрого бега по лестничным пролётам — ногам в них удобно, и подошвы приятно пружинят.

Я оказываюсь на улице и ныряю прямо в жару.

До трамвайной остановки бегу не сбавляя скорости, и только когда появляется знакомая афишная тумба, останавливаюсь — дальше бежать нет никакого смысла.

И вдобавок — я уже мокрый от пота, да и сумку лёгкой не назовёшь. Мать всё-таки заставила меня захватить какие-то дурацкие книжки для чтения по программе.

Хотя прекрасно знает, что читать их я всё равно не буду!

Я ставлю сумку на асфальт и осматриваюсь.

На остановке никого, солнце печёт как на экваторе.

Все умотали за город, к подножию горы, где ручьи, и водопады, и спасительная тень.

На остановке тени нет, мне хочется пить, я покупаю в киоске бутылочку пепси и залпом выпиваю.

И тут из-за поворота появляется трамвай.

Он двухвагонный, обычно я езжу в первом: удобнее выходить, получается метра на три ближе к дому.

Но сейчас я еду не домой, а к Симбе, и понятия не имею, из какого вагона выходить удобнее, то есть — ближе.

Сажусь во второй.

И вдруг понимаю, что я даже не дистенциальный коблоид, а просто козёл.

Обычно в трамвае я слушаю плеер, но сейчас он лежит в сумке. Причём — на самом дне, под свитером, рубашками, майками, трусами, носками и идиотскими книжками, которые надо читать по программе.

И которые я читать не буду.

Которую или которые?

Их две, но название одно.

Какой-то «Тихий Дон».

Трамвай трогается с места, и моя остановка скрывается за поворотом.

В вагоне лишь я и кондуктор, он уже продал мне билет. Как обычно — несчастливый.

Между прочим, недавно мы с матушкой сделали открытие. По поводу счастливых и несчастливых билетов.

Как-то вечером по телевизору прошла реклама о том, что некий магазин объявляет конкурс. Вы приносите счастливые билеты, они запускают лототрон, и если из барабана выпадают те же шесть цифр, что и на вашем билете, вы получаете приз. Телевизор.

— Нам нужен второй телевизор, — сказала матушка, — я бы поставила его в спальне. — И поинтересовалась: — У кого-нибудь есть счастливый билет?

Я полез в карман, обнаружил там кучу билетов, накопившихся за первые летние дни (в школу я езжу с проездным), но счастливого среди них не оказалось.

— Пролетели, — сказала матушка, — в этой семейке не найти ни одного счастливчика!

— Сейчас, — сказал отец, — подождите...

И пошёл на кухню.

— Вот, — объявил он, вернувшись в гостиную, — это вся моя коллекция!

— Какая коллекция? — недоумённо спросила матушка.

— Моя, — гордо ответил отец. — Это мои сорок счастливых билетов, я их с прошлого сентября собираю...

— Их есть надо! — сказала матушка.

— Коллекционные вещи не едят! — возмутился отец.

Трамвай подошёл к следующей остановке, до Симбы оставалось ещё одиннадцать.

Сорок билетов отвезли в магазин, но розыгрыш должен быть через месяц.

Предки уже вернутся, и отец начнёт собирать коллекцию заново.

Он терпеть не может ездить по городу на машине, ездил он на машине, собирал бы что-нибудь другое.

Мы с кондуктором всё ещё вдвоем, кондуктор — сухонький пожилой мужчина в тёмных брюках и рубашке с коротким рукавом. Если я не могу слушать музыку, то могу смотреть. Но пока — только на кондуктора, а это не так интересно. Интереснее всего разглядывать женщин, хотя женщин-кондукторов разглядывать тоже неинтересно, они все какие-то громоздкие и на женщин не похожи. Скорее уж на слоних.

Женщина садится за десять остановок до Симбы, но это не женщина, а сумасшедшая

старуха, я её знаю. Она вечно что-то выкрикивает, грозит всем кулаками, а через остановку выходит. Мне её жалко, но я не люблю ездить с ней в одном вагоне. Впрочем, в такую жару она вопит не так громко, просто бубнит себе под нос.

Мы въезжаем в старую часть города.

То есть в центр.

Трамвай опять останавливается, и в вагон заходит сразу несколько человек.

Пятеро.

Женщина, мужчина, ребёнок, снова мужчина и ещё одна женщина.

Если ты не можешь слушать в трамвае музыку, тебе надо чем-то себя занять.

Можно читать рекламные объявления, но это скучно.

Можно смотреть в окно, но что нового я там увижу?

А можно разглядывать людей, которые садятся в вагон.

Первые трое — явно семья. Толстый мужик, прихлёбывающий пиво из бутылки — понятно, что ему жарко, рубашка вся намочена, ему противно таскаться в такую жару со своим семейством, интересно, откуда они едут?

Мне почему-то кажется, что из зоопарка.

Ходили смотреть, как звери подымают от жары.

И чуть не подошли от жары сами.

Мужик плюхается на сиденье, рядом с ним садится ребёнок, а мамаша — напротив.

И, между прочим, под майкой у мамыши явно нет лифчика!

Я пялюсь на её выпирающие груди, понимаю, что это наглость, но ничего не могу с собой поделать.

Майка ярко-красная и очень тесная, так что хорошо видны не только груди, но и вспыхнувшие под тканью соски.

Папаша толстый, мамаша худенькая, а ребёнок у них какой-то замызганный — видимо, устал смотреть на зверей.

Наконец я нахожу в себе силы оторвать взгляд от красной майки и переключиться на другие трамвайные экспонаты.

Но не успеваю, потому что вагон снова останавливается, мужчина и женщина выходят, а в трамвай заваливается шумная компания. До Симбы остаётся девять остановок, родители уже едут в аэропорт, компания располагается посреди вагона, я пересчитываю их по головам, получается семь человек, три парня, четыре девицы, одна из которых мне очень даже нравится. И, судя по всему, её парня тут нет.

Но она старше меня, ей лет восемнадцать.

Я для неё — сопляк.

Вновь смотрю на ярко-красную майку, перевожу взгляд на девицу. Грудь под майкой намного больше, но девица — гораздо симпатичнее. У неё длинные чёрные волосы, и она в очень короткой юбке. И в белой просвечивающей кофточке, под которой отчётливо виден лифчик. Тоже белый.

У меня хорошее зрение, но порою мне кажется, что я всегда вижу что-то не то.

Зимой мне попался в руки журнал для мужчин, где я прочитал рассказ про такого же придурка, как я.

С очень хорошим зрением, вот только видел он всегда не то.

Хотя может быть, именно то, иначе бы этот рассказ в таком журнале не напечатали.

Журнал, между прочим, припёр с работы папаша и бросил на кофейный столик в

гостиной.

Это он только так называется — кофейный. На самом деле он и обеденный, и чайный, и ещё бог знает какой! Папашу просто жаба давит новую мебель покупать, но это мы с матушкой так думаем. Сам же он говорит, что сильно привязан к своему прошлому.

Меня приколело, что в журнал был вклеен презерватив — скорее всего, рачительный папаша именно поэтому и притащил журнал домой. Хотя мог бы презерватив отодрать и положить в карман, а журнал оставить на работе, сомневаюсь, чтобы он его покупал, — наверное, сослуживцы подсунули.

Журнал с кофейного столика я, естественно, прибрал и утащил к себе в комнату: посмотреть картинки.

Картинки оказались как картинки, женщины одетые, полуодетые и совсем не одетые.

Одна была с такой же большой грудью, как и эта, в ярко-красной майке, которая как раз сейчас идёт мимо меня к выходу из вагона. За ней тащится ребёнок, за ребёнком — папаша с недопитым пивом и большими кругами пота под мышками.

Я посмотрел картинки, а потом наткнулся на рассказ.

Там было про то, что один мужик изменил своей подруге. Даже не так. Подруга эта возвращается домой, открывает дверь и слышит подозрительные звуки из спальни. Заглядывает туда и видит, что её друг в кровати с какой-то девкой. Она выбегает на улицу и, зарёванная, отправляется к своему дяде, у которого неподалёку магазинчик с разными товарами. Дядя её успокаивает, говорит, чтобы она не выла белугой, что мужиков на её долю хватит, и пусть она идёт домой и выгоняет этого своего придурка. И дарит ей очки — чтобы никто не видел, что у нее глаза зарёванные!

Она напяливает очки и идёт.

Компания, между прочим, тоже линяет, последней выходит красотка с длинными волосами, а ей на смену в вагон заваливает абсолютно безумная парочка!

Дамочка в возрасте моей мамы, в длинном белом платье и шляпке.

И бородатый мужичонка в шортах и майке без рукавов.

Лысый и в тёмных очках!

Так вот, та девчонка идёт обратно домой, в очках, подаренных дядей, поднимается, девицы уже никакой нет, один только её бойфренд, которому она и даёт по морде.

И у того — фингал под глазом.

Ей становится его жалко, и она предлагает ему выметаться, но отдаёт ему очки. Чтобы фингала никто не видел.

Парень надевает очки и вдруг краснеет.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ничего! — лепечет тот и уходит.

Оказывается, что это такие странные очки, что если их надевает женщина — всё нормально, а если мужчина, он начинает видеть женские лобки.

Сквозь одежду.

Не представляю, что бы со мной было, если бы у меня появились такие!

Я бы, наверное, с ума сошёл, хотя я и так — немного сумасшедший.

Но когда я прочитал этот рассказ, несколько дней боялся выходить на улицу. Мне всё казалось, что даже под шубами и пальто я увижу то, чего мне не полагается видеть.

И что мне это не понравится.

Или наоборот — понравится очень сильно, и крыша у меня съедет окончательно.

Хорошо ещё, что на следующее утро я проснулся с температурой, и матушке пришлось вызывать врача.

Между прочим, рассказ заканчивался дерьмово — тот парень так загляделся на одну девицу прямо на улице, что попал под машину. А его бывшая подруга стояла в это время на балконе и всё видела. И улыбалась, когда его увозили на «скорой» — сильно, наверное, обиделась.

Лысый мужичонка в тёмных очках пристально смотрит на меня, и мне становится неуютно.

Дамочка в шляпке, кстати, не с ним, а сама по себе.

Она покупает билет и садится у окна.

А мужчина показывает водителю какие-то корочки и не садится, а торчит рядом со мной.

Я сбился со счёта, сколько остановок осталось до Симбы.

То ли пять, то ли шесть.

Лысый и бородатый вдруг ухмыляется, и мне хочется встать и прямо сейчас выйти из вагона.

Или надеть тёмные очки, но после того как мне зимой попался в руки этот дурацкий журнал, я тёмных очков не ношу.

Вдруг они окажутся с таким же секретом, я засмотрюсь на лобок какой-нибудь девицы и попаду под машину?

Родители, наверное, уже подъехали к аэропорту и выгружают багаж из машины.

Дамочка в шляпке встает с места и идёт к выходу. Лысый и бородатый — за ней. Смешно смотреть на его толстые ягодички под обтягивающими шортами.

Он выходит, а я говорю ему вслед:

— Ку-ку!

Он, слава богу, не слышит.

Мы снова остаёмся вдвоём с кондуктором, трамвай стремглав несётся по рельсам — так и в аварию недолго угодить!

Хотя будь у меня такие темные очки, я обязательно таскал бы их с собой в школу.

И насмотрелся бы вволю! До блевотины!

Особенно если бы мне на глаза попались директор, классная и завуч.

Директор и классная ещё туда-сюда, а вот завуч — могу себе представить.

У меня бы сразу перекосило рожу!

Трамвай снова останавливается, и садится ещё одна дамочка.

В джинсах и майке — они сегодня почти все в майках.

И с большой сумкой, наверное, по магазинам ходила.

Хотя какая мне разница — откуда и куда она едет.

У этой под майкой тоже нет лифчика, они меня просто забодали!

Все стремятся показать мне свои соски, не спросив, хочется мне этого или нет.

Я отвожу глаза и смотрю в окно.

Отсюда хорошо видно гору и покрывающий её густой лес.

Главное — не пропустить остановку, а то придётся потом возвращаться.

Будь на мне сейчас очки, как в том рассказе, интересно, что бы я увидел?

Такой же густой лес или что-то другое?

Типа коротко стриженного газона на обочине?

И какого цвета?

Дамочка крашенная, её естественный цвет непонятен.

Так что там может быть всё что угодно.

От рыжего подлеска до чёрных зарослей.

Или пустыни телесного цвета.

Я постоянно перевожу взгляд от окна на неё и чувствую, что краснею.

Терпеть не могу краснеть, когда я краснею, мне кажется, что надо мной все смеются.

Вот и эта, в джинсах и майке, как-то подозрительно улыбается.

К счастью, мне пора выходить — двенадцатая остановка уже показалась впереди.

Я встаю, беру сумку и плетусь к выходу.

На улице всё так же жарко, хотя трамвай ехал больше получаса. Но прохладней за это время не стало.

Родителям пора проходить таможду.

Дамочка в джинсах и майке остаётся наедине с кондуктором. А вдруг он — маньяк?

Я вешаю сумку на плечо, гляжу по сторонам и вдруг понимаю, что забыл дома бумажку с нужным мне адресом.

Адресом дома, в котором живёт моя сумасшедшая тётка!

Симбу разбудило недовольное ворчание компьютера.

Что-то происходит, вернее — что-то произошло.

Произошло, пока она спала, а её компьютер, по обыкновению, бодрствовал, хотя монитор был чёрен, как — порою — бывали черны её сны.

Но компьютер не отключался от сети, и что-то происходило — может быть, в этот самый момент.

Симба вскочила с кровати и направилась к машине. Компьютер заворчал громче, будто ему делали больно, а он сопротивлялся. Или терпел, как Симба терпела в кресле зубного врача, даже под уколom, ей кололи заморозку, и она ничего не чувствовала, но сознавала, что ей всё равно больно — где-то там, внутри, даже не в том месте, где копался врач, а ещё дальше, то ли в душе, то ли в сердце, хотя про первую Симба никогда не думала, а про второе...

Ей часто говорили, что сердца у неё нет.

Однако оно, естественно, существовало и давало о себе знать размеренными, чёткими ударами — пульс у Симбы всегда был ровный.

Симба подошла к компьютеру, монитор оставался чёрным, но там, внутри, что-то было явно не в порядке.

Надо ткнуть в Enter, и монитор оживёт, и Симба узнает, в чём дело.

Сердце стучало ровно, как всегда.

Сердце, которого не было.

Об этом ей постоянно говорили мать и сестра.

Симба начинала плакать и закрывалась в туалете. Или в ванной. Если свободен был туалет — то в нём, а если ванная, то, соответственно, в ней. В туалете она садилась на унитаз, закрывала лицо руками и редела, пока слёзы не иссякали сами собой. А в ванной включала воду и долго-долго умывалась. Вода мешалась со слезами, слёзы с водой попадали в сток раковины и исчезали внутри таинственных, невидимых труб. Иногда Симба прикидывала, где могут обнаружиться её слёзы, и понимала, что везде, в любой части города, в любой квартире...

Симба склонилась над клавиатурой. Компьютер ворчал, будто просил о помощи. Симба уже собралась ткнуть в Enter, как вдруг в низу живота схватило, она состроила компьютеру гримасу и понеслась в туалет — почти что прыжками.

Когда она вошла обратно в комнату, экран монитора был всё так же чёрен.

И компьютер всё ворчал, будто жалуясь, что его бросили и забыли.

Симба плюхнулась в кресло и подтянула к себе клавиатуру.

Кожа сиденья неприятно прилипла к голой попе, но Симбе совершенно не хотелось одеваться.

Сердце стучало размеренно, надо бы сварить кофе, но пока не до того.

— Ты никого не любишь, — говорила ей мать, — только себя!

— Неправда! — отвечала Симба.

— Нет, правда! — говорила мать.

И Симба опять начинала плакать, хотя всё это было давно. Тогда отец ещё жил с ними. И она жила с отцом. И с матерью. И с сестрой. Но это было давно, и Симба не любила

вспоминать об этом.

Сейчас она живёт одна и вполне может позволить себе сидеть голой за компьютером и хищно смотреть на клавиатуру. Как зубной врач присматривается к больному зубу, прежде чем начать лечение. Клавиатура — бормашина. Симба всегда попадала к врачу-мужчине, и ей казалось, что чем ближе он наклоняется к ней, тем непристойнее это выглядит со стороны. Что он её вот-вот или поцелует, или укусит. Вампир. Обыкновенный вампир, даром что клыков не видно.

Компьютер возвысил голос.

Недовольное, страдальческое ворчание.

Или поскуливание.

Похныкивание.

Симба улыбнулась и нажала на Enter.

Экран ожил, на нём появились окна загруженных с вечера программ.

Симба просмотрела почту и ничего особенного не нашла.

Почта как почта, что-то от клиентов, спам плюс ещё пара писем.

Спам можно удалить не читая, её не интересуют ни способы зарабатывания денег в сети, ни великолепные возможности очередной поисковой системы.

Она и так знает возможности всех поисковых систем.

А деньги в сети способны заработать только пришельцы из космоса, при условии, что они, пришельцы, существуют.

Симба хмыкнула и активизировала одно из двух писем.

Компьютер недовольно хрюкнул.

Скорее всего, в письме содержался вирус, и компьютеру это не понравилось.

Очередной филиппинец сотворил очередного трояна. Они там, на Филиппинах, только этим и занимаются. И ещё — в Малайзии. Наверное, им скучно. Особенно летом, когда начинается сезон дождей.

Симба подумала, что если сейчас пойдет дождь, она даже обрадуется.

Можно будет натянуть майку и шорты и выйти на улицу.

Промокнуть до нитки, вернуться в квартиру, стать под душ.

И почувствовать себя свежей.

И хоть кем-нибудь, да любимой.

Хотя бы самой собой.

Напрасно мать считала, что Симба никого не любит.

Она любила многих, но по-настоящему — только отца.

И она до сих пор не может понять главного: куда он делся.

Растворился, исчез, пропал, не оставив даже смутного намёка на то, где он и что с ним.

По идее, надо было удалить заражённое письмо нажатием клавиши.

Или щёлканьем мышки.

Симбе нравилось смотреть, как элемент на экране бесследно исчезает: был и — нету!

Исчезает не только с экрана — из памяти компьютера, из его сердца.

Есть ли у компьютера сердце?

Симба опять хмыкнула и открыла письмо.

Так и есть, вирус. Уроды.

Она в который раз подумала, что нужно поставить защиту. Впрочем, она всё равно этого не сделает, и не потому что лень.

Просто отлавливать вирусы — это игра. Как чёт — нечет, любит — не любит, повезёт — не повезёт. Если в машину инсталлирована защита, отлов происходит автоматически. И тогда ясно понимаешь, что у машины нет сердца.

Компьютер опять заворчал, хотя опасного послания уже не существовало. Как и вируса. Филиппинский троянец растворился в неизвестности. Симба открыла последнее письмо и присвистнула.

В письме был текст.

Они достали её письмами с текстом.

Ночное письмо со ссылкой привело к тому, что она уснула только под утро.

Теперь уже третий час дня, скоро заявится племянник.

А ей по-прежнему приходят письма, и компьютер этим недоволен.

Порою Симбе казалось, что компьютер считает её своей собственностью.

И когда она с кем-то общается по «аське» или получает от кого-то письма, он попросту ревнует.

Наверное, временами ему даже хочется заняться с ней любовью, бедный, он страдает оттого, что не знает, как к этому подступиться.

Он смотрит на неё голую и исходит желанием.

Симба улыбнулась компьютеру и высунула язык.

— Нравлюсь? — спросила она.

Компьютер ничего не ответил, лишь скорбно вздохнул.

— Дурак, — сказала Симба, — ничего ты не понимаешь в женщинах...

Компьютер мрачно засопел, и Симба опять состроила ему рожицу.

Письмо болталось на экране, письмо, вызвавшее ревность компьютера.

И это письмо надо было прочесть.

Вирус Симба уничтожила, сообщения её пока не интересовали.

И вообще — ей хотелось кофе.

Когда ещё она сможет пойти на кухню и сварить себе кофе вот так: абсолютно голая, никого не стесняясь?

Разве что через две недели, снова оставшись одна.

Письмо подождёт, а ревность компьютера не стоит внимания.

В случае чего можно и в монитор метнуть дротик, вот только это удовольствие ей дорого обойдётся. Баксов в триста, не меньше.

Симба отправилась на кухню и принялась молоть кофе.

Растворимый кофе плохо влияет на поджелудочную железу — это она вычитала в сети.

На самом деле растворимый кофе ей просто не нравится.

В нём нет гущи, он какой-то ненастоящий.

Он даже не он, а — оно.

Растворимое кофе.

Отец всегда пил настоящий кофе и приучил к нему Симбу.

А харя любила растворимый кофе, и за это харю полагалось казнить.

Совсем не за то, что она с Симбой сделала, — такое делают со всеми, и это можно перетерпеть. Тебя уверяют в том, что тебя любят, но в действительности любят не тебя. Тобой пользуются. Харя попользовалась Симбой, а потом Симба ей надоела. Ну и что? А вот растворимый кофе — это уже преступление, за которое харя каждый день получает дротиками в лоб. Если бы у Симбы была фотка голой хари в полный рост, можно было бы

выбрать и другую часть тела, но такой фотки у Симбы не было...

Симба налила кофе в чашечку и пошла обратно к компьютеру.

С чашечкой случилась странная история: она как-то приснилась Симбе, примерно полгода назад.

Точнее, не сама по себе чашечка, а сервиз, китайский фарфор ручной работы с драконами и пагодами.

Шесть чашечек, шесть блюдец. Кофейник, сливочник плюс сахарница.

Тёмный фон, чёрно-синий с серовато-голубым оттенком.

И драконы, парящие над малюсенькими пагодами.

В то утро Симба проснулась с ощущением не то чтобы счастья, но какого-то физического кайфа.

Во сне чашечки стояли на столе, и она наливала в них кофе.

Наяву стол, естественно, оказался пуст, ни чашечек, ни всего остального на нем не было.

Симба вошла в сеть и сразу наткнулась на дурацкое предложение — принять участие в конкурсе.

Требовалось написать пустяковую программку.

Кто напишет лучше — тому приз.

Неизвестно какой, но ценный.

Симба написала программку, послала ее организаторам конкурса и выиграла.

О чем ей торжественно сообщили по мейлу, а приз пришел аж через месяц.

В посылке был тот самый сервиз.

Факт, не подлежащий комментариям.

Те же драконы и пагоды, что и во сне. Те же шесть чашечек, шесть блюдец, кофейник, сливочник плюс сахарница.

Полный маразм, если не сказать больше!

Симба отхлебнула кофе, оставилась в письме.

И поперхнулась.

Первая фраза звучала вот как:

«Меня зовут Симба...»

— Бред! — сказала компьютеру Симба.

— Это не бред, — возразил компьютер, — читай, кто знает, что там дальше написано!

— Ладно, — согласилась Симба, — читаю...

«Мне двадцать три года, и я живу в городе возле большой горы...»

Гора возвышалась за окном, Симба это знала, знала и то, что вся гора покрыта лесом, даже не надо отдёргивать шторы.

«Гора покрыта лесом, но я никогда в нём не была...»

— Ещё бы, — кивнула Симба, — я тоже туда не очень-то хожу!

«Я живу одна и сутками просиживаю за компьютером — ну, почти сутками, если не сплю...»

— Не только ты, — сказала Симба, — и я вот сутками торчу за компьютером, если не сплю... — И добавила: — Ну и что?

«Иногда меня это достаёт так, что хочется повеситься или утопиться, но такие мысли быстро проходят...»

— Но-но, — рассердилась Симба, — полегче, это ты уже идиотизм пишешь...

«У меня сейчас нет друга. Мой прежний друг меня бросил...»

— Я тебя выключу! — пригрозила Симба.

— Не выключишь, — возразил компьютер. — Если ты меня выключишь, то не дочитаешь...

«Сегодня ко мне приедет племянник, — читала Симба дальше, — сын моей старшей сестры...»

Уже четвёртый час дня, племянник должен вскоре объявиться, часа через два, не больше...

«Понятия не имею, что он будет тут делать, я его давно не видела и вообще — недолюбливаю мужчин...»

— Он не мужчина, — заметил компьютер, — он ещё мальчик.

— Знаю! — огрызнулась Симба. — Не мешай!

«Не знаю, зачем я пишу всё это...»

— Вот именно, — сказала Симба, — несёшь всякую чушь!

«...но когда я пишу, мне становится легче!»

— А мне — нет! — рявкнула Симба.

«А вот моя фотография в аттачменте...»

Симба посмотрела на приаттаченный файл и решила его открыть.

— Может, не надо? — спросил компьютер.

— Тебя не спросили! — отрезала Симба и дважды щелкнула мышкой.

С экрана монитора на неё смотрела... Симба.

Это была фотография из запароленной папки.

Снимки делал харя, летом, в такую же жару, как и сейчас.

Они поехали на озеро, взяли напрокат лодку и поплыли на остров.

Харя мощно грёб, демонстрируя Симбе, какой он крутой и клёвый и как у него красиво играют мускулы.

Он сидел без рубашки, рубашка лежала у Симбы на коленях.

До острова они плыли час, а потом сразу пошли купаться.

И занимались любовью прямо в воде — харя держал Симбу на руках, и она чувствовала себя невесомой.

Кроме них на острове никого не было, и после любви и купанья они бродили по берегу нагишом, а потом харя начал её фотографировать.

Но впоследствии она почему-то попросила отдать пленку ей, и харя отдал.

Она сама отнесла её в проявку, а затем в печать.

Харя никогда не видел этих фотографий, их никто не видел.

Их больше не существовало в природе, потому что Симба отсканировала снимки, а сами фотки и пленку уничтожила.

Они хранились в запароленной папке на жёстком диске Симбиного компьютера.

И одна из этих фоток пришла ей сейчас по мейлу.

Симба сидит на большом камне, камень громоздится посреди песчаного пляжика, Симба немного откинулась назад и выпятила грудь.

Хорошо видны её маленькие соски, которые незадолго до этого харя долго мял и жамкал своими сильными пальцами.

И хорошо видно, какое у Симбы довольное лицо — что поделать, она тогда сильно любила харю.

Симба ещё раз пробежала глазами текст.

Всё правильно.

«Меня зовут Симба. Мне двадцать три года, и я живу в городе возле большой горы. Гора покрыта лесом, но я никогда в нём не была. Я живу одна и сутками просиживаю за компьютером — ну, почти сутками, если не сплю. Иногда меня это достаёт так, что хочется повеситься или утопиться, но такие мысли быстро проходят. У меня сейчас нет друга. Мой прежний друг меня бросил. Сегодня ко мне приедет племянник, сын моей старшей сестры. Понятия не имею, что он будет тут делать, я его давно не видела и вообще — недолюбливаю мужчин. Не знаю, зачем я пишу все это, но когда я пишу, мне становится легче! А вот моя фотография в аттачменте. Кто хочет, пишите мне по адресу...»

И дальше шел её, Симбы, адрес.

mailto:simba@simba.inf

Симба посмотрела адрес отправителя.

Сетевой ящик с уже знакомыми доменом и расширением.

compghost.net

Ничего подобного с ней никогда в жизни не случилось.

Но дело не в этом.

Дело в том, что это письмо должна была написать она.

И прикрепить свой снимок — тот, что сделал харя давно, еще прошлым летом, на маленьком и уютном острове.

И заслать в сеть.

И ждать ответов, пусть даже их содержание ей заранее известно.

«Ты крутая тёлка, давай как-нибудь потрахуемся...»

«Я не хочу трахаться, — написала бы в ответ Симба, — я хочу хоть с кем-нибудь поговорить...»

Но чтобы написать такой ответ, надо отправить первое письмо.

То, что сейчас свалилось ей в ящик — непонятно откуда и неизвестно от кого.

От какого-то compghost.net.

Она уже заходила на этот сайт ночью и больше не хочет.

Еле унесла ноги.

С помощью трёх клавиш.

Ctrl.

Alt.

Delete.

«Меня зовут Симба...»

Симба минуты полторы прикидывает, какие адреса ввести в поле «кому», но затем щёлкает на кнопку ответа и вводит странную фразу — «reply to all senders», «ответить всем отправителям».

Трудно поверить, но письмо уходит.

Симба нажимает на кнопку доставки почты — возврата нет.

Она встаёт из-за компьютера и идёт в душ, чтобы смыть пот. Потом надо будет одеться.

И ждать, когда появится племянник.

Она залазит под холодную струю и вдруг замирает от мысли: неужели ей действительно кто-нибудь ответит?

Экран монитора в комнате опять становится чёрным, будто там, в сети, наступила

непроглядная ночь.

Конфликт адресов

Бумажка с адресом должна лежать на столе около компа.

Папенька вырвал из какого-то навороченного блокнота листочек, разлинованный странными сине-зелеными клеточками. Одна часть клеточки — синяя, другая — зеленая.

И оба родителя диктовали мне адрес Симбы: нависли надо мной, как два привидения, и забухтели.

Папенька — голосом низким, с каким-то даже подвыванием:

— Записывай, улица... Какая там улица?

И тут вступает матушка, уже таким щебечущим призраком: вот улица, вот номер дома, а там тебе надо будет идти так, чтобы не потеряться, ты ведь сумеешь не потеряться, надеюсь...

И снова папенька:

— С чего это он потеряется, если тебе кажется, что этот оболтус в свои пятнадцать...

Собственно, потому-то я и забыл листочек на столе рядом с компом.

Они сцепились, им было уже не до меня, и оставалось одно: побыстрее уносить ноги.

Но вот что мне делать сейчас, неужели разворачиваться в обратную сторону?

Снова трамвай и двенадцать остановок, только в ином направлении?

Передо мной тенистая улица с большими белыми домами. Улица явно та самая. Но домов много, а нужный номер напрочь вылетел у меня из головы. То ли три, то ли двадцать три...

А впереди ведь ещё — подъезд и квартира.

И кодовый замок на двери подъезда.

Можно бы спросить, вот только о чём и у кого?

Сумка всё сильнее оттягивает плечо, я весь взмок — солнце палит нещадно, хотя времени уже почти шесть. И Симба должна меня ждать. Сумасшедшая тётка бродит по квартире и дожидается племянника, который заблудился неподалёку от её дома. Ау, Симба, ты где?

Симба не отвечает, я скидываю сумку на асфальт и сажусь на неё — видела бы меня матушка!

Надо вспомнить, что она говорила, когда ругалась с папенькой. Им уже пора было собираться и выходить, а матушка ещё толком не начинала одеваться, в тот момент её это бесило, бесили её и мы с отцом.

Матушку всегда что-то бесит, иногда я не понимаю, как отец прожил с ней столько лет.

А порой не понимаю обратного — как это она столько лет живёт с таким занудой, ведь иногда нуднее папеньки нет никого на свете. У него каждый день расписан по минутам. И не дай бог, если что-нибудь нарушит график. Если куда-то запропаستится чашка, из которой он собирался пить свой утренний кофе. Или вечерний чай. Ну а где его пепельница? Кто посмел прикоснуться к его пепельнице? На самом деле матушка просто вымыла её и поставила на холодильник сушиться. Но зачем идти на кухню и заглядывать на холодильник, если пепельнице положено находиться на своём месте? Папенька начинает орать, в ответ орёт матушка, всем, кроме меня, становится страшно весело.

Впрочем, мне вот сейчас весело.

Сижу на тротуаре и веселюсь.

И, самое интересное, — никто не проходит мимо.

Хотя это как раз понятно — тётушка обитает на такой отдалённой улице, что я вообще не представляю, кто здесь может жить. А сегодня ещё и суббота, так что если тут кто и живёт, все умотали за город — а что остаётся делать в такую жару? Но даже пройди кто-нибудь мимо, я не сообразил бы, как сформулировать вопрос. Так что там говорила матушка, ругаясь с папенькой?

— Ты выйдешь из трамвая! — говорила она и была права: я действительно вышел из трамвая.

Кондуктор-маньяк и дама поехали дальше.

Мне нравится слово «дама», сам не знаю почему.

Так вот, они поехали дальше, а я вышел и...

— И перейдёшь на другую сторону! — продолжала матушка.

Умей я снимать кино, снял бы про то, как кондуктор-маньяк и дамочка едут в одном трамвае.

А вот на другую сторону я не перешёл.

Это точно.

Я встаю, поднимаю сумку с асфальта и смотрю, где лучше перейти улицу.

Она сейчас такая пустая, что всё равно где.

Можно дойти до перехода, можно не ходить.

Я выбираю второе и перебегаю дорогу, таща сумку в руке.

Снова ставлю сумку на асфальт и сажусь на нее, но уже напротив того места, где сидел только что.

— Ты выйдешь из трамвая и перейдёшь на другую сторону!

— Тут всё написано, — вклинился папенька, — что ты ему объясняешь, как идиоту?

— Вдруг он потеряет бумажку?

Матушка оказалась дальновиднее, я не потерял бумажку, я её просто забыл.

Ау, Симба, где ты?

Ответа опять нет, дома тянутся влево и вправо, точно такие же, как на той стороне.

Большие, белые, похожие один на другой.

И хорошо видна гора, до неё отсюда рукой подать. Стоит пройти в глубь жилого массива, и окажешься прямо у подножия. А потом начнёшь подниматься вверх. Продираться через лес, меж странных сосен с большими ветвями.

Идиот забыл бумажку и не знает, что ему делать дальше.

Если б предки не сцепились, этой беды не случилось бы.

Они сейчас, наверное, уже в самолёте, хотя нет, им ещё проходить таможеню, а потом — ожидать посадки. Но скоро они так или иначе будут в самолете, а вот когда я доберусь до Симбы — неизвестно.

Надо перейти на другую сторону.

Перешёл. И что дальше?

— Дальше пойдёшь налево.

— Ты уверена? — Это папенька.

Изредка компьютер выдаёт предупреждающую надпись: «Конфликт адресов». Это значит, твой временный интернет-адрес вступил в конфликт с ещё каким-то адресом, который отчего-то совпадает с твоим. У двух разных пользователей адреса одинаковые. Бред полный. И машина сообщает: конфликт адресов.

У меня в мозгах сейчас именно такой конфликт.

Пойдёшь налево — никуда не попадёшь, пойдёшь направо — то же самое.

Точно на одной улице расположились два дома под одним номером.

И почтальон растерян, он не понимает, куда нести письмо, налево или направо.

Скоро появится трамвай с знакомым кондуктором, я сяду в вагон и потащусь обратно домой, любопытно только, что маньяк сделал с дамочкой.

Папенька обожает фильмы про маньяков. Он их покупает пачками и смотрит по субботам и воскресеньям.

В связи с чем матушка говорит, что он никак не может выйти из подросткового возраста. Версия помрачнее: он обдумывает, как избавиться от матушки. Она ему надоела, и он изучает эти фильмы, мечтая зажить новой жизнью — одинокой и свободной!

Папенька ничего не отвечает, лишь смотрит на матушку и облизывается.

Та краснеет и опускает ресницы.

Я понимаю, что мне самое время свалить, но не сваливаю, а наблюдаю за развитием событий.

Папенька превращается в кота, который охотится на матушку как на муху.

Между тем на экране маньяк маньячит очередную жертву.

Папенька становится похож на него, улучает момент и набрасывается на матушку. Та верещит, и тут я сваливаю — остальное для моих глаз не предназначено.

Хотя не скажу, чтобы мне очень хотелось увидеть, как они этим занимаются.

Раз в детстве я напоролся на это зрелище — пыхтящий папаша, навалившийся на голую мамашу.

Матушка увидела, что я вошёл в комнату, и пискнула: «Ой!»

По крайней мере, так мне помнится: она пискнула «Ой», а папенька велел мне проваливать.

И я послушно убрался, а что оставалось делать?

Трамвай действительно появляется у остановки, и мне кажется, что это — тот же самый трамвай.

Только я не вижу, что происходит в вагоне, жива ли дамочка и где маньяк-кондуктор.

Так налево или направо?

Конфликт адресов продолжается, высоко-высоко над головой гудит самолёт. Наверное, на нём-то папенька с матушкой и летят в свой долгожданный отпуск. Сослав меня на две недели к тёте Симбе, интересно, я так и буду её звать: тетя Симба?

Животики надорвёшь!

Матушка говорила, что надо идти налево, значит, надо идти налево.

Номера домов тут нечётные и по нарастающей. Одиннадцать, тринадцать...

Бедный почтальон, куда ему доставить письмо?

Улица всё так же пуста, хотя в этих домах должна жить прорва народу.

Но сейчас все за городом.

Впрочем, не все: из-за угла появляется бабулька, которая пристально смотрит на меня, а потом исчезает в ближайшем магазинчике.

А из магазинчика выходит бородатый мужичонка в шортах и майке без рукавов, лысый и в тёмных очках, тот, что ехал со мной в трамвае, но сошёл за пару остановок до моей.

Интересно, как он тут очутился быстрее меня?

Или это просто человек, очень похожий на того типа? Легко спутать лысину с лысиной

(по папенькиной сужу) и бороду с бородой (он её тоже носил, пока мать не взбунтовалась), но уж майку с майкой спутать сложно, если только они не из одной партии. Фиолетовая майка без рукавов и рэперские тёмные очки. Неприятный мужик, такие у меня доверия не вызывают.

Он глядит на меня и ухмыляется, как тогда, в трамвае. Но в трамвае ехала ещё дама в шляпке. Наверное, не кондуктор маньяк, а этот мужчина. И труп дамочки покоится в близлежащих. А шляпку мужик прихватил с собой: папенькины фильмы не прошли для меня бесследно, в голове полнейшая дурь!

Тип в тёмных очках переходит улицу в неполюженном месте и направляется к одному из домов, а я продолжаю вспоминать, что говорила матушка.

Она говорила, что надо идти налево до продуктового магазина.

Наверное, до того самого, куда нырнула бабулька и откуда вынырнул лысый и бородатый.

А от продуктового магазина до дома тётушки останется ещё три.

Три девятиэтажных дома, Симба живёт в четвёртом.

Но это если я вспомнил правильно.

Дурацкая бумажка, и как меня угораздило её забыть!

Вся проблема в том, что раньше я ни разу не был у Симбы в гостях. И папенька, кстати, не был, не пускали его.

Иногда мне кажется, что матушка ревнует папеньку к Симбе. Потому что Симба моложе матушки, а папенька так любит фильмы про маньяков, что и сам уже — практически маньяк.

Вот будет идиотизм, если я заявлюсь не туда. Дошагаю до нужного дома, отыщу нужную квартиру, а Симбы там нет. И никогда не было.

Между прочим, Симбе двадцать три года, а четвёртый по счёту дом — как раз под двадцать третьим номером.

И он последний на улице.

За ним начинается гора.

Я устал переть сумку, мне жарко, я решаю посидеть ещё немного на асфальте.

И вспомнить, куда идти дальше.

В доме четыре подъезда. Вход в них со двора, но с улицы видно, что подъезда именно четыре, а не три или пять.

Кинул бы мне кто-нибудь клубочек, а я б ухватился за ниточку.

Ау, Симба, ты где?

Моя сумасшедшая тётка по-прежнему не отвечает.

И я абсолютно не помню, что ещё говорила матушка, — скорей всего, она просто побежала одеваться, чтобы не опоздать на самолёт.

Мне становится тоскливо, я могу просидеть здесь не то что до позднего вечера, но и всю ночь, до завтрашнего утра.

Пока Симба не вздумает выйти на улицу и не наткнется на меня.

Может, лучше действительно вернуться домой, а к Симбе поехать завтра?

Загодя положив бумажку с адресом в карман.

Это уже не конфликт адресов, гораздо хуже.

Дистенциальный коблоид оказался круглым идиотом.

В поле зрения внезапно впархивает крупная, странно серебристая бабочка. Я никогда

таких не видел, хотя вообще-то я не большой специалист по этим тварям. Знаю, что они зовутся чешуекрылыми, — рассказывали на биологии. Но там о многом рассказывают, от скелета до сперматозоида.

Бабочка садится на краешек сумки и сидит, медленно подрагивая крыльями.

Её длинные чёрные усики шевелятся, будто она к чему-то принюхивается.

А потом она взлетает и начинает кружиться надо мной, и я вдруг встаю и скидываю сумку на плечо.

Бабочка летит к дому номер двадцать три, и я иду вслед за бабочкой.

Мне кажется, я знаю, как быть дальше.

Какой подъезд мне нужен — третий.

Бабочка летит впереди, я иду вслед за бабочкой, хотя даже не смотрю на неё.

Во дворе поворачиваю к третьему подъезду.

Бабочка поворачивает туда же.

Матушка с папенькой уже совершенно точно в воздухе, мне становится грустно, на самом деле я бы хотел искупаться в море.

А мне придётся две недели торчать у сумасшедшей тётушки, покрасившей волосы в красный цвет!

Всё бы отдал, чтобы такое проделала матушка! Вот было бы прикольно!

Бабочка уверенно летит к третьему подъезду, а потом взмывает вверх.

Я стою посреди двора, задрал голову, и считаю этажи.

Первый. Второй. Третий...

Четвёртый. Пятый. Шестой...

Бабочка еле различима, я шурю глаза, и мне кажется, что она на уровне восьмого этажа.

Видно даже окно, возле которого она машет серебристыми крылышками. Да нет, это глюки, на таком расстоянии ворону ещё можно рассмотреть, а бабочку — нет!

И всё же мне надо подняться на восьмой этаж, а для этого проникнуть в подъезд.

На двери кодовый замок, но дверь, по счастью, открыта.

Остальные подъезды накрепко заперты.

Кто-то шёл в магазин и не захлопнул входную дверь.

Наверное, та бабулька, что нырнула в продуктовый.

Я вхожу в подъезд и направляюсь к лифту.

Лифт исправен, и меня это радует, несмотря на то что лифтов я боюсь — раз застрял в собственном подъезде и торчал там два часа. Постоянно нажимал на кнопку, и мне говорили, что скоро меня выпустят. Похоже, у диспетчеров был обед, и выпустили они меня лишь после того как всё доели. А я последние полчаса лез на стенки — жутко хотелось в туалет...

Я выхожу на восьмом этаже и тупо оглядываюсь по сторонам.

Здесь четыре квартиры, можно, конечно, трезвонить во все по очереди и повторять: «Извините, я ошибся!»

В какой-нибудь из квартир обязана обнаружиться тетушка.

Эта глупая бабочка могла бы влететь в подъезд и помаячить перед нужной дверью, да только бабочки уже и след простыл.

Мне предстоит выкручиваться самому.

Я подхожу к правой двери, прислушиваюсь.

Тишина полная, но я вдруг чётко осознаю, что это именно то, что мне нужно. Дверь без

номера.

— У неё дверь без номера! — напоследок сказала мать.

Я ставлю сумку на пол и нажимаю на кнопку звонка.

Звонок работает, за дверью что-то монотонно дребезжит.

И становятся слышны очень лёгкие, какие-то воздушные шаги.

Когда матушка идёт открывать дверь, она шлёпает тапочками, словно напялила ласты.

А папенька — тот вообще топчет, как стадо слонов...

А тут шаги лёгкие и воздушные, затем раздаётся звук открываемого замка.

Но дверь неподвижна: видимо, открыли внутреннюю дверь и смотрят на меня в глазок.

Я сам всегда смотрю в глазок, прежде чем отпирать.

Но вот дверь распахивается, и я вижу в проёме красный причесон.

— Тебя как зовут? — настороженно спрашивает Симба.

— Меня зовут Михаил! — отвечаю я, так же настороженно вглядываясь в тёмные и огромные глаза моей тётки.

Она как-то странно, прерывисто дышит, волосы у неё и впрямь выкрашены в ярко-красный цвет, но на сумасшедшую она совсем не похожа.

Не забыть бы сказать об этом матушке.

А уж что они с папенькой подумают — их дело!

Весь вечер Симба учила племянника метать дротики. Мишенью служила всё та же харя. Служила, служил, — Симба уже сама не знала, как следует обращаться к этому наглому типу, постоянно истекающему кровью, но такому живучему.

Харя — он?

Харя — она?

Метнула в него дротик.

Метнула в неё дротик...

Метать дротики вдвоём веселее. Один дротик бросает Симба, следующий — Михаил, потом Симба, затем в стойку опять встаёт племянник...

Между прочим, она не ожидала, что он так вымахал. Намного выше среднего роста, со смешным лицом. И похож на сестру, на которую сама Симба совсем не похожа. Сестра похожа на мать, Симба — на отца, племянник похож на сестру и совсем не похож на Симбу — забавно.

И ещё — она поняла, что совсем его не стесняется.

С первых же минут, как этот прыщавый лох вошёл в дверь.

Прыщей у него немного, нормальное для вьюноши пятнадцати лет количество. А то, что лох, — все они в этом возрасте лохи. Симба убедилась в этом, когда ей самой исполнилось пятнадцать, и она сообразила, чего им от неё надо. Потому и лохи, что надо им только одного.

Но если и племяннику чего-то надо, пусть ищет не здесь.

Да, голой она ходить не сможет, но натянуть лифчик под майку её никто не заставит. И, кстати, ещё — его явно прикалывали её волосы, она это видела, и ей это нравилось.

Вылупился на неё и мигом обомлел. Стоит с сумкой через плечо и млеет. Будто в жизни не встречал девушек с красными волосами.

— Проходи, чего ты на пороге торчишь, Михаил? — говорит Симба, отступая в глубь коридора, чтоб этот юный верзила мог пройти. Хотя верзила — не то слово. Рост соответствующий, а комплекция подкачала. Худенький, плечи совсем ещё мальчишеские. В племяннике есть что-то от ботаника, так и хочется погладить его по голове и поинтересоваться: «Ботан, где очки потерял?»

— Это моё полное имя, — говорит племянник, — но мне оно не нравится...

— А какое тебе нравится? — спрашивает Симба, заранее зная ответ.

Так и получается: что хочешь услышать, то и слышишь.

— Майкл! — гордо говорит племянник.

— Пусть будет Майкл, — соглашается Симба, — не племянником же мне тебя звать!

«И не ботаником!» — но этого она вслух не произносит, скользнуло в голове и пропало, а племянник уже протопал в квартиру и осматривается.

И — стесняется. Поставил сумку посреди комнаты, торчит рядом с ней, не зная, куда себя приткнуть. И смотрит на Симбу безмятежным сестриным взглядом. Сестра всегда так: посмотрит-посмотрит, а затем что-нибудь сморозит, хоть стой хоть падай. Когда Симба в первый раз вернулась от мужчины, сестрица окинула её этим своим безмятежным взглядом и брякнула:

— Ну что, оттрахали?

Симба тогда заревела и неделю с ней не разговаривала, хотя вопрос был по существу и заключал в себе правильный ответ.

— Где я буду жить? — осведомляется племянник.

— Здесь, — говорит Симба, — здесь и будешь, вот прямо в этой комнате. Кресло видишь?

— Вижу! — отвечает племянник.

— Оно раскладывается, — говорит Симба, — и получается кровать. Узкая и твёрдая, но спать можно.

— А компьютер? — интересуется племянник.

— Что — компьютер? — переспрашивает Симба.

— Мне можно?

— Когда я не работаю, — говорит Симба. — Я с его помощью вообще-то деньги зарабатываю...

Племянник краснеет, и Симбе становится смешно. Давненько она не испытывала такой уверенности в себе.

— А это что? — Племянник тычет пальцем в харю.

— Умеешь играть в дартс? — вопросом на вопрос отвечает Симба.

Естественно, ботаник играть в дартс не умеет. А ещё Майкл называется. Любой Майкл играть в дартс должен с детства, а этот в детстве наверняка играл в другие игры, например в Quake.

— А в Quake умеешь? — спрашивает Симба.

— Я чемпион школы! — кичливо заявляет эта худая прыщавая жердь. Всё ясно, теперь ей предстоит воевать за место под солнцем. Играющие в Quake безумны по определению. Только она отойдёт от машины, племянник сразу же — за клавиатуру. Может, подключить второй компьютер?

Тот, что в спальне. Пылится в коробке на платяном шкафу, где развешана одежда — зимняя, осенняя, весенняя. Летняя сейчас просто свалена в углу. Чтобы не лазить в шкаф каждый день. Покопаешься в кучке — и готово!

Старый её комп с простеньким четырнадцатидюймовым монитором, взяла новую машину, а прежнюю отчего-то не выкинула. Проблема в другом.

Куда его ставить?

Если эту машину перенести в спальню, Симба не сможет работать в сети — когда эти козлы её подключали, притащили с собой мало кабеля, она всё собирается прикупить и переделать, да руки не доходят.

А подключать в спальне ту машину...

Тогда что получится? Она будет спать, а он рядышком играть в Quake?

Симба поёжилась.

Племянник всё торчал посреди комнаты и застенчиво переминался с ноги на ногу, бедняга.

— Есть хочешь? — спрашивает Симба.

В пятнадцать лет и при таком росте могла бы и не спрашивать, тем более что его папенька поест горазд — помнит это с тех пор, как жила с ними.

— Хочу! — отчего-то почти шёпотом говорит Михаил.

— Значит, так, Майкл, — говорит Симба, — сначала мы едим, а потом я учу тебя играть в дартс, понял?

— Понял!

— Вот и хорошо! — восклицает Симба и идёт на кухню.

Племянник топает за ней, и она советует ему помыть руки.

Смешно, ну прямо как его мамочка!

В холодильнике есть пицца, даже не одна.

Симба всегда держит пиццу про запас, больше всего она любит пиццу с салями, но с салями пиццы сейчас нет — она съела её вчера. Значит, будет лопать с чем-нибудь другим.

Есть с ветчиной и сыром, а есть с сыром, грибами и маслинами. Вроде бы диетическая.

— Тебе какую? — спрашивает она.

Естественно, ему с ветчиной и сыром.

Симба суёт пиццу в микроволновку.

Племянник с вымытыми руками сидит за столом, всё ещё стесняясь, и правильно — чем больше стесняется, тем приличнее будет себя вести. По крайней мере, не станет подсматривать за ней в ванной.

А вот что касается компа...

Микроволновка дзинькает, пицца готова.

— Ты будешь чай или кофе?

— А сок есть? — спрашивает племянник.

Симба достаёт из холодильника пакет сока.

Второй комп надо перетащить в большую комнату. И поставить рядом с первым. У неё завалился кусочек кабеля, так что можно организовать локалку, хотя возиться ей неохота, впрочем, ботаник на это должен быть способен...

— Ты умеешь делать локальную сеть? — спрашивает Симба у быстро жующего пиццу племянника.

Тот отвечает с набитым ртом:

— Умею... — И, прожевав: — А зачем её делать?

— У меня есть второй компьютер, — говорит Симба, — я тебе разрешу им пользоваться, но к сети подключен мой, зато в том должна быть сетевая плата. Если подключишь, сможешь через меня ходить в интернет...

— А ещё одна сетевая плата у тебя есть?

«Умник! — думает Симба. — Сразу въехал!»

— В моём стоят две, да ты жуй помедленнее, никто ведь тебя не гонит!

— Вкусная была пицца! — благодарит племянник и залпом выпивает стакан томатного сока.

— Тогда завтра и сделаешь, — говорит Симба, — мне с утра по клиентам, так что я тебе не помешаю, ну, идём играть в дартс?

Племянник послушно кивает и тащится за ней в комнату.

Первый дротик он метает слишком слабо, видимо, боится, хотя непонятно, чего.

Но уже второй летит прямо харе в харю.

Харя недовольна.

Симба опять путается, кто висит на стенке: он или она. Но заметно, что харя недовольна, одно дело, когда дротики в неё кидает Симба, и совсем другое — когда какой-то малолетний придурок, худая каланча, водворившаяся в чужой квартире.

— Всё равно неправильно, хоть и попал! — поучает племянника Симба. — Смотри, как надо стоять!

Она встаёт в стойку, вполоборота к мишени.

Прижав левую руку к животу и слегка наклонив вперёд корпус.

Правая рука с дротиком согнута в локте так, чтобы остриё смотрело точно в цель.

— Видишь, как надо? — спрашивает Симба и метает дротик.

Харя болезненно взвизгивает, хотя племянник этого не слышит.

Ну и хорошо, есть вещи, о которых он не должен знать.

И даже — догадываться.

Например, о бабочках.

И о compghost.net.

— Теперь ты! — говорит Симба и уступает племяннику место на линии огня.

Племянник покорно встаёт напротив мишени и смотрит на Симбу с обожанием.

Интересно, о чём он сейчас думает?

Скорее всего о том, что только у него есть красноволосая тетушка, которая ходит дома в обтягивающей майке под цвет волос и обстреливает дротиками харю, висящую на стене.

Это тебе не в Quake играть с друзьями!

— Ну! — командует Симба.

Михаил метает дротик и попадает харе в глаз.

Симба смеется и ждёт, когда племянник запустит в харю следующим.

Следующий дротик втыкается рядышком с первым.

Правый глаз у хари совсем ослеп — Симбу это радует, она смотрит племяннику в спину и думает, что он не так уж плох. Не зануден, как матушка, и не напыщен, как папенька. Нормальный парень, который любит пиццу, хотя две недели на пицце он вряд ли протянет. Придётся готовить что-нибудь другое, но вот что?

И потом — дала ли сестра ему денег?

У Симбы сейчас не то чтобы финансовый кризис, но почему она должна кормить на халяву племянника, гораздого пожрать?

Когда Симба жила с сестрицей, её мужем и совсем ещё маленьким племянником, её постоянно попрекали куском. Сестрица не упускала возможности заявить, что вот опять кофе закончился, сахара на доньшке осталось, колбасу кто-то слопал...

Имея в виду, что во всём этом виновата Симба.

Выпила сестринский кофе, съела сахар, слопала колбасу.

А что могла ответить Симба, если у неё тогда не было денег?

Она ведь не работала, откуда ей было их взять?

Если б отец оставался с ними, сестра вела бы себя приличнее, вот только про отца лучше не думать, приказывает себе Симба и опять смотрит на племянника.

Тот аж вспотел, метая дротики.

И от него исходит густой мужской запах.

Наверное, он ещё не знает, что надо брить под мышками и пользоваться дезодорантом. Тогда не будешь вонять, как лесной козёл.

Или степной?

Или горный?

Сестрица могла бы ему это объяснить, сама ведь кичится тем, какая она ухоженная и чистооплотная. Что у неё такие гладкие ноги. Симба смотрит на свои ноги и думает, что они у неё тоже ухоженные, но — другие. Сестра повыше, и ноги у неё длиннее, зато грудь меньше. Даже после того, как сестра родила племянника, грудь у неё не увеличилась, а вот у

Симбы грудь хороша — недаром её так любил мять и целовать харя!

Кстати, истыканный дротиками харя давно уже молит о пощаде.

— Устал? — спрашивает у племянника Симба.

Тот кивает.

— Хочешь в душ? — осведомляется Симба.

Племянник боязливо смотрит на нее, будто чует подвох.

И в самом деле, не может же она сказать: «Слушай, ботан, ты вспотел и воняешь, тебе бы ополоснуться!»

Так что подвох присутствует.

— Так ты хочешь в душ?

— Я забыл взять с собой полотенце! — еле слышно говорит племянник и опять краснеет.

— А что ты не забыл взять? — чересчур громко спрашивает Симба.

Племянник открывает сумку и начинает доставать своё шмотьё.

— Да, — говорит он, — тут матушка конверт просила передать!

И протягивает Симбе запечатанный белый конверт.

Симба открывает его и видит, что там — деньги.

И записка.

— Я тебе дам полотенце, — говорит она Михаилу, не желая читать записку при нём. — Сейчас...

Чистое полотенце в шкафу отыскивается, хотя она давно не стирала. Недели две, а то и три. Необходимости не было. Ведь понятия не имела, что ей подсунут на две недели родственничка. Придётся постирать сегодня, не страшно — стирает-то машина, а не Симба. Сейчас ботаник сползает в душ, а потом она загрузит бельё. Порошок в коробке ещё остался.

Племянник берёт полотенце и топаёт в ванную.

По-прежнему красный — если он будет так краснеть всё время, возникнет пожар.

Симба ждёт, пока зашумит душ, а потом достаёт из конверта записку.

Ничего неожиданного. Спасибо, что согласилась, вот деньги на его проживание, должно хватить, проследи, чтобы он поменьше сидел за компьютером, любящая тебя...

Особо трогает последнее.

Хотя не исключено, что по-своему — действительно любящая.

А насчёт того, чтобы долго не сидел за компьютером...

Кто бы за ней самой проследил!

Симба идёт в спальню и убирает конверт с деньгами в выдвижной ящик под трюмо.

Об этом сестрица подумала — вот и хорошо!

Сама улетела с муженьком на море, а они тут давай оттягиваться, одна за одним компьютером, другой — за другим.

Ей тоже хочется в душ, она плохо спала ночью, надо выспаться хотя бы сегодня.

Раздаются шаги, племянник вышел из ванной.

Интересно, он в состоянии постелить себе сам?

— Хочешь спать? — спрашивает его Симба.

— Нет! — отвечает он.

— Тогда займись чем-нибудь!

Племянник достаёт из сумки видеокассеты, и Симба хихикает.

— У меня нет видика, — заявляет она. — Можно кино посмотреть в компьютере, но

сейчас дома ни одного диска!

Племянник явно расстроен, зато от него не пахнет.

— Теперь моя очередь в душ, — говорит Симба, — а ты, если хочешь, можешь сходить в сеть, только не забывай: я плачу не за время, а за трафик!

— Понял! — покладисто кивает племянник и усаживается за машину.

После душа он напялил на себя майку и штаны, в которых приехал, мог бы дома ходить в чём-нибудь другом, но об этом ему пусть скажет сестра.

Когда вернётся.

В ванной клубы пара, как в сауне, племянник любит горячую воду!

Зеркало совсем запотело — Симба проводит по нему ладонью и смотрит на своё отражение.

А потом показывает себе язык, раздевается и лезет под душ.

Племянник любит горячую воду, Симба же предпочитает холодную, особенно в такую жару.

Сейчас она хорошенько прополощется, а потом загрузит бельё в стиральную машину.

Только вот чем ей заняться, пока машина будет стирать?

За компьютером сидит племянник, он наверняка уже вошёл в сеть, это с модемом могут быть проблемы, а у неё — никаких.

Когда у неё было модемное соединение, она всякий раз ожидала волшебных слов «Вход в сеть».

Появляется табличка, лениво давишь на Escape, табличка пропадает.

И ты чувствуешь себя абсолютно свободной, недаром говорят, что сеть — это добавочное измерение.

Симба закручивает кран, начинает вытираться и вдруг понимает, что вытирается не своим полотенцем, а тем, что дала племяннику.

И чувствует, что сама краснеет, но этого никто не видит — кроме зеркала.

Она надевает халат, тихо выходит из ванной и смотрит, как племянник, низко склонившись над клавиатурой, что-то старательно выстукивает — видимо, набивает адрес.

«Не дай только бог ему набрать compghost.net», — думает Симба и отправляется загружать в машину бельё.

Яичница-глазунья

Спать на раскладном кресле — это, я вам скажу, нечто!

Особенно на том, которое мне выделила Симба. Впрочем, других вариантов у неё попросту не было. Наверное, не найдись в доме кресло, она бы мне бросила надувной матрасик на пол. И, честно говоря, на матрасике было бы лучше!

Во-первых, кресло, даже разложенное, оказалось мне коротковато. Первые несколько минут, уже залегши и накинув на себя простыню, я с огромным любопытством разглядывал собственные ноги — покачивал ими, пробовал шевелить пальцами по отдельности, в общем развлекался как мог, пока не надоело.

Ноги свисали с кресла — жутко неудобно.

Я решил подтянуть их к животу и улечься на бок.

Повернуться удалось без проблем, вот только руки деть некуда — кресло слева, кресло справа, как крепостные стены, а меня решили замуровать в узком проходе между ними. Стоило мне чуть-чуть распрямить руки, как они упирались в спинку. Вниз их не свесишь, вверх не вытянешь, ноги мешаются, попробуй тут уснуть!

Но я уснул, и сны мне снились какие-то не домашние.

Открыв глаза, я даже не смог припомнить, что мне снилось, — мерзость сплошная!

А глаза я открыл потому, что кто-то засвистел мне в ухо.

По крайней мере, так мне почудилось.

На самом деле это Симба говорила, что ей пора к заказчику, а мне пора вставать, ну просто как матушка — та всегда будит в самый неподходящий момент.

Я, конечно, не стал спрашивать, какой заказчик назначает встречу в воскресенье утром. Если моя тётушка сумасшедшая, и заказчики у неё такие же, а сумасшедшие заказчики, наверное, обожают заниматься служебными делами по воскресеньям. Когда нормальные люди уматывают из города, чтобы спастись от жары.

Симба развернулась и была такова.

А я даже не успел спросить, чего бы мне такого съесть на завтрак.

Впрочем, ничего «такого» мне явно не обломится, могу сказать с полной уверенностью, — достаточно вспомнить вчерашнюю пиццу. Я правда, умял её мгновенно, но если в Симбином холодильнике водится только пицца, впору будет повеситься. Матушка вот возмущается, когда я ем что-то подобное, потому пицца и в кайф — как все запретное. А питаться одной пиццей неинтересно, мне быстро захочется чего-нибудь другого...

С этой мыслью я встал.

Точнее — выполз из своего спального места, как зверёк выползает из норы. То ли суслик, то ли тушканчик, хотя почему суслик или тушканчик — понятия не имею. Просто запрыгнули в голову.

А я попрыгал на кухню.

Заскочив по дороге в туалет и заглянув в ванную — почистить зубы и прополоскать шары. Ванная у Симбы, между прочим, очень смешная. Дома у нас матушка в прошлом году сделала какой-то навороченный ремонт, и оттого в нашу ванную надо ходить как на экскурсию. А здесь всё по-простому... например, тазик с кучкой белья. Я невольно уставился на лифчик, лежавший сверху. Вчера мне показалось, что тётушка таких предметов одежды не признаёт. Выходит, я был не прав — лифчики она носит, и очень даже

симпатичные. Этот был бежевый, да ещё с какими-то вырезами...

Я внимательно осмотрел лифчик, а затем принялся чистить зубы. И размышлять о том, чем бы мне заняться.

Хотя чего тут размышлять — надо завтракать и подсоединять один компьютер к другому, вот обе машины, вот кабель, а дальше — применяй свои технические навыки. Об этом думать неинтересно, намного забавнее представить, чем мы займёмся, когда вернётся Симба, хотя я скорее всего останусь тупо сидеть за машиной и буду краснеть, глядя, на то, как тётушка шастает по комнатам, сверкая красной и экстремально стриженной головой.

И трясся под майкой грудями.

Она мне нравится, даже несмотря на то что она — сумасшедшая.

Наверное, мне вообще больше нравятся сумасшедшие женщины, вот только я им вряд ли нравлюсь.

Скорее всего, со временем ситуация изменится, однако я терпеть не могу думать о времени.

Я заканчиваю чистить зубы, умываюсь, ищу, каким бы полотенцем вытереться.

И беру совсем не то, которое мне выделила Симба.

Зачем-то я беру её полотенце, отлично понимая, что это нехорошо и даже — негигиенично, по крайней мере так сказала бы матушка.

Но матушка с папенькой оттягиваются сейчас в своей дурацкой Турции. Нашли место, где оттягиваться. Хотя если бы они взяли меня с собой, я бы вслух этого говорить не стал.

Я топаю на кухню и открываю холодильник.

Мои предчувствия полностью оправдываются.

Холодильник у Симбы — совсем не то же самое, что холодильник у нас дома.

Имеется в виду, конечно, его содержимое.

Я обнаруживаю ещё одну замороженную пиццу, несколько яиц и полупустую бутылку с подсолнечным маслом. Плюс кусочек белого хлеба, который Симба тоже хранит в холодильнике.

И всё!

Так что проблема завтрака — даже не проблема.

Пиццу я сейчас есть точно не буду, остаётся яичница.

Я чувствую, как у меня перекашивается лицо. Больше всего на свете я ненавижу яичницу. У меня на неё аллергия, у меня от неё оскомина. Весь учебный год меня пичкают яичницей по утрам. Иногда я объявляю забастовку, и матушка принимается готовить на завтрак оладушки или ещё что-нибудь вкусненькое, но запал её быстро проходит, и я снова вынужден жрать эту мерзость.

Я гляжу на понуро лежащие в холодильнике восемь некрупных белых яиц и соображаю, как бы сделать так, чтобы завтрак доставил мне хоть какое-то удовольствие. Яйца можно сварить. Это самое простое. Сварить их можно всмятку, вкрутую и «в кошелёк» — этому меня долго учила матушка, но у меня всегда получается всмятку, терпения не хватает ни на вкрутую, ни на «в кошелёк», то есть когда белок как бы вкрутую, а желток — всмятку.

А можно зажарить, тем более что масло у моей хозяйственной тётушки имеется.

И не просто зажарить, а попытаться сделать настоящую глазунью, по крайней мере тогда в завтраке будет смысл.

Что ты ел на завтрак? Вопрос.

Ответ. Я ел яичницу-глазунью!

Для яичницы нужна сковородка, которую я нахожу в ящике кухонного стола.

Сковородка большая, на ней поместится яичница даже не из двух яиц, а из двадцати.

У матушки целая куча сковородок — матушка запасливая.

У Симбы сковородка одна — или, может, вторую я не нашёл.

Но я не ищу дальше, я жутко хочу есть и быстро варганю себе яичницу. Глазунья получается так себе — один глаз подбит, а второй просто вытек. Но есть можно, хоть я и пересыпал соли. Зато затирать остатки корочкой замёрзшего белого хлеба — очень даже ничего!

Я наливаю себе чай и перемещаюсь в комнату, напевая под нос: «Яичница-глазунья, яичница-глазунья, с подбитым правым глазом яичница-глазунья...»

Судя по всему, папенька с матушкой сейчас тоже завтракают, у них примерно восемь утра.

Жуют свой шведский стол, про который потом будут мне долго и нудно рассказывать.

Какие были блинчики. Если они были.

И какой был сок — сок там имеется в любом случае, так что от рассказов о нём мне не отделаться.

У Симбы сок тоже есть, в самом низу холодильника маячит пакет. Но сока пока не хочется.

Мне хочется поскорее увидеть тётушку, но она не сообщила, когда вернётся.

И я наклоняюсь к компьютерам.

Машина, предоставленная мне Симбой, действительно старая. То есть — давно устаревшая. Во всяком случае по сравнению с тем зверем, которым она пользуется сама. Но и эта сойдет, думаю я, привычно подсоединяя один комп к другому. Симбин компьютер стоит на специальном столике, мой — на какой-то дурацкой тумбочке. В голове всё вертится песенка про яичницу-глазунью с подбитым глазом. Один подбит, второй — вообще вытек, яичница-глазунья, яичница-глазунья, теперь надо включить комп Симбы, потом — как бы свой комп. Всё, есть контакт!

На Симбином компе стоит совершенно замечательный браузер, Opera, на моём — дурацкий Explorer, который имеет привычку глючить, как и прочие изделия преподобного Билла Гейтса. Я запускаю Explorer и с тоской думаю о том, что на Симбиной машине всё это шуршало бы побыстрее.

А на этой — что говорить, шуршит еле-еле, но поделаться я ничего не могу.

Мне велено сидеть за этим компом.

Я съел яичницу-глазунью с подбитым глазом и сел за этот дурацкий комп.

Интересно, что за заказчик у Симбы и когда она придёт домой?

Я знаю только то, что она — крутой веб-дизайнер. Я тоже не прочь стать крутым веб-дизайнером, говорят, этим можно неплохо зарабатывать, хотя по Симбиному холодильнику этого не заметно.

Было восемь яиц, осталось шесть.

И одна пицца.

И полбутылки подсолнечного масла, а также совсем немного белого замороженного хлеба.

Если бы матушка с папенькой за своим шведским столом знали, что ел их сын на завтрак, они бы пожалели, что не взяли меня с собой.

Хотя поехал бы я или нет — ещё вопрос.

Скорее всего нет, мне гораздо интереснее с тётушкой, которой сейчас нет дома.

И непонятно, когда она вернётся.

Я смотрю на запустившийся Explorer и размышляю, что предпринять дальше.

Можно, например, поиграть в сетевой Quake, но я придумал занятие получше.

Точнее, я вспомнил, что делал вчера, когда Симба вышла из ванной после душа.

Я сидел за её компьютером и набирал в поисковом окне слово «Симба».

Симба вошла, и я закрыл программу.

Яичница-глазунья вдруг начинает противно бурчать в моём животе.

Бурчать, урчать, ворчать — короче, подавать голос.

Это оттого, что я её терпеть не могу.

И она мне мстит — я съел её без любви!

Понятия не имею, зачем я вчера набрал в окне поисковика её имя. Вообще-то у меня есть такая привычка — временами обращаться к интернету с дурацкими вопросами. Например, когда будет тепло? Или: что делать, если одолевает тоска? А ещё: почему она меня не любит? Такое я спрашивал один лишь раз и ничего хорошего в ответ не получил. Искалка выдала мне всякую ерунду.

Впрочем, интернет на девяносто процентов состоит из ерунды. Папенька так и говорит о нём: помойка!

И тщательно отслеживает, хожу ли я на порносайты.

Сисадмин из него никакой, отследить он ничего толком не может, чем я и пользуюсь.

Я запускаю свой любимый google.com.

Немного пошуршав, поисковик выбрасывает около полутора тысяч ссылок на документы, содержащие слово «Симба».

«...В одной африканской деревне жил человек по имени Симба. Когда он приходил...»

«...Это Муфаса (Цезарь), его супруга Сараби (Сноун), их сын — Симба (Кимба), любимая Симбы...»

«...Гордость Симба. © Компьютерная газета. Строго говоря, вторая часть, продолжение недавно...»

Пока — сплошной бред. Дальше!

«Фотоальбом кавказских овчарок... М — Симба и Миша Карат Ханпир (Каро Карат + Платина Карат) 1,5 месяца. М — Симба...»

Видимо, М — это мать, некая кавказская овчарка Симба стала матерью щенка под неизвестным именем. Ладно, проехали!

«Симбозеро 10 км р. Симба (против течения) 5 км оз.»

«...Той е прекрасно място за Вашата лятна почивка. 8. Частен Дом Симба — гр...»

Это ещё что за идиотизм?

«...Моя Симба — рыжее озорное существо, похожее на игрушечного тигра, с карими умными...»

Наверное, про кошку...

«...Версия для печати Версия для печати Симба. Стихи друзьям. SIMBA Бунгало, замок...»

Даже читать не буду, ясен пень — стихи!

«...Министры Белло из Нигерии, Бивотт из Кении и Симба из Танзании представляли...»

Кажется, я тихо схожу с ума...

«...причиной пожара, на который среагировал один-единственный член семьи — кошка Симба...»

«...и девочка, как я их называю, хотя правильно, по-научному, официально, — это кобель Симба и...»

А это уже они с ума сходят, честное слово!

«...Даты начала тура «Сафари Симба» с русскоговорящим гидом...»

Яичница-глазунья, Симба-кошка и Симба-кобель. Кошка спасла семью от пожара, какую-то неведомую мне семью, моя тётушка Симба где-то встречается с заказчиком, а вот кобель Симба и девочка, как кто-то их называет, — это уже совсем непонятно, если девочка, по-научному она будет — сука, собака женского рода, кобель — собака мужского рода, а вот про сафари — это интересно...

Сафари — крутая охота на крутых зверюг. На каких-нибудь львов или носорогов. Я видел по телеку длинный документальный фильм про сафари, сначала они там долго тряслись на джипе по этой африканской степи, как её? Да, саванна... Так вот, они тряслись по саванне, потом пешком куда-то топали, а потом всё же льва застрелили... Льва мне стало жалко...

Я просмотрел только десятка два ссылок, а всего их около полутора тысяч.

И упоминаний о моей тётушке Симбе среди них, скорее всего, нет.

Но мне абсолютно нечем заняться, и я насилую интернет дальше.

Тыкаю в ссылки и пробегаю документы глазами.

«Отель «Симба»... 50 номеров с видом на море...»

Как называется отель, в который поехали папенька с матушкой? Они мне про него все уши прожужжали. Но точно не «Симба», у них то ли «Орион», то ли «Ориент», Орион — есть такое созвездие, на астрономии рассказывали, «Ориент» — понятно, от «ориентальный», то есть восточный, как-то помог папеньке это слово в кроссворде отгадать, а назвать отель «Симбой»...

Стоп...

Вроде бы приехали.

Ссылка на сервер сетевых дневников.

Есть такой, знаю, заползал случайно несколько раз.

Только так и не понял, зачем выставлять личные дневники на всеобщее обозрение.

Хотя бывает, что пишешь якобы для себя, а сам надеешься, что кто-нибудь на твою писанину наткнётся и прочтёт.

Просто прочтет и что-нибудь о тебе подумает.

Например, что ты — полный кретин. И ещё — дистенциальный коблоид.

Вроде меня...

Дневник, на который я как-то наткнулся, был смешной. Там девица описывала свои приключения на дискотеках, как к ней гости приходят, и про свою кошку очень подробно писала.

Про кошек вообще чаще, чем про собак, пишут.

Почему — непонятно.

Яичница-глазунья опять заворчала, но уже спокойнее.

Видимо, примирилась с тем, что я съел её без любви.

«...Симба... Просто Симба...»

И — всё.

Я смотрю на ссылку, и мне хочется как можно скорее щёлкнуть мышью.

Но рука внезапно стала тяжёлой и плохо слушается.

Я не знаю, кто это такая — просто Симба, но отчего-то убеждён, что это — моя тётушка.

На сто процентов убеждён, если не на тысячу!

Наконец я собираюсь с силами и подвожу курсор к нужной строчке.

Готовлюсь щёлкнуть клавишей, но вдруг понимаю, что сколько ни щёлкай — толку не будет!

Стрелочка курсора прилипла к стеклу монитора, и ни вправо, ни влево.

Компьютер завис, придётся перезагружать.

Между прочим, я твёрдо знаю — если компьютер завис, он просто не хочет выполнять то, что ты ему приказываешь.

Я собираюсь прочесть сетевой дневник Симбы, а компьютер не хочет, чтобы я его читал.

Я ещё раз пытаюсь сдвинуть курсор с места, и у меня снова ничего не получается.

Как приехали, так и отъехали!

Я всегда говорил, что Explorer — дерьмо.

Сбоит в самый неподходящий момент, и приходится начинать всё сначала.

Программа не отвечает, мне предлагается снять задание.

Что же, я готов снять задание, а потом подступить к дневнику ещё раз.

Пока Симба не пришла со встречи с заказчиком.

И пока я не захотел есть — яичница-глазунья перестала урчать, и я чувствую, что скоро опять проголодаюсь.

И попрусь к холодильнику.

Лопать последнюю пиццу.

Но у меня ещё есть время для дальнейших развлечений, я вновь загружаю поисковик и вновь набираю слово «Симба», хорошо помня, на какую ссылку мне предстоит навести курсор.

Вот только будет смешно, если компьютер опять зависнет. Первый раз он мог зависнуть по чистой случайности, но дважды на одном задании — получится уже мистика, хотя я плохо понимаю, что в точности означает это слово!

Зеркальный коридор

Серебристое существо со странными мохнатыми ушками сидело на краешке столика летнего кафе и нагло разглядывало Симбу.

Симба взмахнула рукой, чтобы отогнать его, — существо не улетало. Тогда Симба посмотрела на столик, потом — по сторонам, потом вновь на столик, пытаясь обнаружить что-нибудь, чем можно кинуть в эту тварь.

Столик был пуст, не считая пепельницы.

Большой квадратной железной пепельницы.

Железо блестело на солнце таким же серебристым отливом, как крылья наглой твари, вот только у пепельницы не было ушек.

Симба взяла пепельницу и замахнулась.

Существо внезапно ослабло, и Симбе показалось, что она видит пасть, усеянную мелкими и острыми зубами.

Пусть даже не зубами — зубками, но от этого не легче.

Симбе захотелось закрыть глаза и очутиться дома.

Дома ей ничто не угрожало, дома было уютно, хоть там и торчал ботан племянник.

Который сейчас, скорее всего, мучил её компьютер. Или оказался таким пай-мальчиком, что оперативно подсоединил второй и роется в сети, накручивая на тётушкин счёт рубли и копейки.

Она открыла глаза — ушастой твари на краешке столика уже не было, а вот пепельницу Симба ещё держала в руке.

Можно, конечно, поразмышлять о том, на самом ли деле серебристое существо только что сидело на краешке столика или привиделось ей под влиянием невыносимой и томительной утренней жары, но Симба не любила думать о подобных вещах.

Всё намного проще — она явилась в кафе, где у неё назначена встреча.

Вышла из дому в десять, сейчас почти одиннадцать.

Именно на этот час она и договорилась с заказчиком.

Да, с заказчиком: слово «клиент» Симбе не по вкусу.

«Заказчик» звучит как-то целомудреннее.

Едва Симба села за столик, на его краешке возникло это существо.

Сначала возникло, потом исчезло, и Симбе это не нравилось.

Ей вообще не очень нравилось выходить из дому и уж совсем не нравилось встречаться с заказчиками.

Как правило, они были мужчины и смотрели на Симбу таким же взглядом, как эта только что растворившаяся в утренней жаре тварь.

Нагло, будто желая одного — из заказчика превратиться в клиента.

Симба поёжилась, ей даже показалось, что она зябнет.

Последний заказчик свалился на неё как раз перед тем, как началось всё это безумие — сестрица, её муж и племянник, дурацкие компьютерные глюки на сайте compghost.net. Короче, в четверг никакого заказчика не предвиделось, а в пятницу он объявился.

Они обменялись парочкой писем, а потом он назначил ей эту воскресную встречу.

Вот только сам приходиться не торопиться.

У Симбы пересохло в горле, она пошарила глазами в поисках официанта, однако тот

отсутствовал. Отсутствовала и та — официантки поблизости тоже не было. Пришлось вставить и самой идти к стойке за малюсенькой бутылочкой ледяной колы.

Симба расплатилась и села обратно за угловой столик, на краю которого совсем недавно копошилось серебристое ушастое существо.

Из-за этого столика просматривалась вся улица, и Симба могла наблюдать за прохожими.

По улице в разных направлениях шли по своим загадочным делам утренние люди, но ни один из них не походил на предполагаемого заказчика.

Впрочем, Симба давно поняла, что нет никакого смысла представлять себе внешний облик тех, с кем общаешься по электронной почте или по «аське». Ведь и та, и другая — точно странный зеркальный коридор, который полностью искажает черты человека, идущего тебе навстречу.

Как и твои черты — когда ты идешь навстречу кому-нибудь.

Раз, в Симбином детстве, они с отцом отправились в городской парк аттракционов и забрели в комнату смеха. Вопреки названию, это была не комната, а именно коридор, увешанный зеркалами, и лишь первое из них отражало твоё лицо таким, каким оно было на самом деле. А потом отражения начинали ломаться, искривляться, то скукоживаться, то, наоборот, — расплываться до немыслимых размеров...

Кончилось тем, что маленькая Симба разревелась, отцу пришлось взять её на руки и долго умасливать мороженым и ещё какими-то вкусностями.

Парк этот существует в городе до сих пор, но вот сохранился ли зеркальный коридор? «Навряд ли!» — подумала Симба и вновь выглянула на улицу.

По направлению к кафе уверенно шагал лысый дядька средних лет, только и он был не очень-то похож на заказчика.

Заказчики не ходят в шортах, даже в жару.

И не носят дурацких разрисованных маек.

Если, конечно, они не собираются оттянуться где-нибудь на пляже в неслужебное время.

Туда они могут надеть что угодно, а придя на пляж — снять свою дурацкую майку и натереться кремом для загара.

Дядька был уже почти у входа в кафе — не просто лысый, но ещё и с коротко стриженной бородой. И в пижонских тёмных очках.

Почти такие же очки были нарисованы на майке, что показалось Симбе полным бредом.

Нет, это не заказчик — заказчик должен носить брюки, это первое.

Второе — он должен быть в рубашке, пускай с коротким рукавом. И желательно — в галстуке. А в руках ему полагается нести барсетку или небольшой портфель. Заказчик — существо солидное, он обязан производить впечатление.

А тут какой-то хмырь.

Плейбой в возрасте.

С волосатыми ногами и не менее волосатыми ручищами.

Он вроде бы собирался заплатить ей вперёд — где, интересно, он таскает деньги? В кармане шортов?

Дядька направился прямо к Симбе и навис над столиком.

— Здравствуйте, — сказал он. И добавил: — Какой замечательный красный цвет!

Симба поняла, что если это заказчик, он ей не нравится.

В какой цвет красить волосы — исключительно её дело.

Она опять брела по зеркальному коридору, а со стен смотрели жуткие рожи.

Ей хотелось заплакать, уткнуться отцу в грудь или просто прижаться к нему, но отца давно не было рядом.

Мир состоял из харь, заказчиков и лысых типов, от которых не приходится ждать ничего хорошего.

Даже когда общаешься с ними по мейлу или по «аське».

— Прошу прощения, — проговорил дядька, бесцеремонно усаживаясь за столик как раз с той стороны, где недавно возникла серебристо-ушастая наглая тварь, — я чуть опоздал...

— Ничего, — сказала Симба, не узнавая собственный голос.

Он стал низким и хриплым, слова будто застревали в гортани.

Она хлебнула колы, и ей, кажется, полегчало.

Дядька пристально смотрел на неё, не снимая очков.

— Ну, — грубо спросила Симба, отчего-то опять озябнув, — что у вас за проблема?

Дядька вдруг захохотал, да так, что из-за стойки вынырнул не обнаруженный Симбой официант.

Совсем молоденький, не намного старше племянника.

— Мороженого, — заказал дядька. — Две порции...

— Я не буду! — запротестовала Симба.

— Жарко, — сказал лысый тип в очках, — пусть несёт...

— Ну, — повторила Симба, — так что у вас за проблема?

— Подождите, — ответил человек в шортах, — пусть сначала мороженое принесут!

И Симба поняла, что ничего приятного этот день ей не сулит.

От странного заказчика исходила угроза — Симба пока не уяснила, в чём она заключается, но знала одно: ей надо как можно скорее отсюда уходить.

Домой, к племяннику, к своей машине, которая порою начинает получать идиотские письма.

Но это её машина, её дом и её племянник.

Которого, между прочим, нужно кормить. Холодильник практически пуст, но сестрица подкинула денег, так что зайти в магазин и прикупить еды — не вопрос.

А вот у этого типа денег брать не надо, да и вообще — вставай, извиняйся и уходи.

Прямо сейчас.

— Так вот, — начал дядька, принимаясь за мороженое, — у меня есть сайт...

Вторую вазочку официант поставил перед Симбой, и она машинально взяла в руку ложечку.

После комнаты смеха отец кормил её совсем другим мороженым.

Простым пломбиром в вафельном стаканчике.

Симба съела один стаканчик, отец посмотрел на неё и спросил:

— Хочешь ещё?

Симба молча кивнула, и отец купил ей вторую порцию.

И только после неё из памяти Симбы изгладился зеркальный коридор, где ей было так страшно.

— Это коммерческий сайт, — продолжал дядька, аккуратно лопая мороженое, — и мне надо его раскручивать...

Слова «сайт» и «раскручивать» в устах этого бородатого лысого типа звучали как-то неестественно, хотя дядька произнес их бодрым, мажорным тоном.

Симбе захотелось узнать, сколько ему лет.

— Сколько вам лет? — спросила Симба.

Дядька поперхнулся и снял очки.

Он сразу надел их снова, но Симба успела разглядеть, какие у него глаза — тёмные, почти чёрные, до неприятного чёрные, а взгляд не то чтобы тяжёлый или раздевающий, а...

Даже не безжалостный — абсолютно равнодушный взгляд!

— Это вам зачем? — спросил дядька.

— Интересно, — кося под маленькую девочку, объяснила Симба.

Дядька вдруг обмяк, расслабился и выговорил:

— Сорок шесть...

Симба подумала, что в сорок шесть можно заниматься чем-то более подходящим возрасту, нежели раскрутка сайтов. Если, конечно, сайт не порнушный...

— Сайт не порнушный? — спросила Симба своим обычным голосом двадцатитрёхлетней женщины.

— Нет, нет, что вы! — сказал дядька. — Это не имеет никакого отношения к порнографии, это совсем другое!

— Что именно? — не отставала Симба.

Дядька доел мороженое и достал из кармана шортов сигареты.

— Курите?

— Нет, — ответила Симба, подумала и добавила: — А ещё я не употребляю наркотики и не пью!

Дядька закурил, опять пристально посмотрел на Симбу сквозь очки и проговорил:

— Это ваше личное дело, можете употреблять наркотики, можете пить, можете не употреблять и не пить, а мне надо, чтобы вы сделали для меня работу...

— Какую? — спросила Симба.

— Мне нужны баннеры! — объяснил дядька.

Симба хмыкнула.

Это был очень простой заказ, простой до несерьёзности. И много на нём не заработать. За день она может наваять с десятков рекламных баннеров. Ну, штук пять — точно.

— Сколько вам надо всего? — спросила Симба.

— Пять штук, — сказал дядька. — Пяти хватит...

— Когда? — спросила Симба.

— Чем скорее, тем лучше...

Симба назвала цену с учётом коэффициента за срочность. Дядька ухмыльнулся и вновь полез в карман.

Мороженое в вазочке совсем растаяло — Симба принялась вяло вычерпывать его ложечкой.

Волосатая рука положила на столик перед ней несколько купюр.

— Вот, — сказал дядька, — всё и сразу!

Симба посмотрела на купюры, оставила в сторону вазочку и отложила ложечку. Пересчитала и подняла глаза на тёмноочкастого.

— Здесь больше, — сказала она, — вы ошиблись...

— Нет, — ответил тот, — это за конфиденциальность!

Симба почувствовала, что предательская струйка пота течёт между её грудей.

Что-то явно не так, за простые баннеры не предлагают столько денег!

Да и вообще — подобный заказ можно было обсудить по почте, чего ради он вытащил её на встречу в воскресенье, да ещё и заплатил сразу?

Здесь явно что-то не так, но Симба не могла понять, в чём обман.

Она опять шла по зеркальному коридору и опять видела совсем не то, что было на самом деле.

— Нет, — неожиданно для себя самой сказала Симба, — я не смогу...

И подвинула купюры обратно к дядьке.

— Почему? — спросил тот.

— Мне не нравится! — сказала Симба.

— Что? — удивился лысый и бородатый, неловко поправляя очки.

— Прежде всего то, что вы предлагаете мне столько денег за такую простую работу... И не говорите всей правды...

— Это бизнес, — объяснил дядька, — обыкновенный бизнес... Мне нужны баннеры... Причём хорошие баннеры... А вы, говорят, лучшая...

— Ну и что? — сказала Симба. — У меня сейчас много работы, я просто не успею...

Ей показалось, что возле столика промелькнуло знакомое серебристое существо со странными мохнатыми ушками. Будь у неё с собой дротики, она бы метнула парочку: один в ушастую тварь, другой — в дядьку.

Но дротики остались дома, и дома ждал голодный племянник.

— Мне пора, — попрощалась Симба, — спасибо за мороженое...

— Вы что, на самом деле отказываетесь? — вроде бы совсем не удивившись, спросил дядька.

— Да, — решительно заявила Симба и встала из-за столика. — Извините, что ничем не могу помочь!

— Хорошо, хорошо, — сказал дядька, — но вдруг передумаете... — Покопался в кармане и протянул Симбе прямоугольный кусочек слегка помятого картона: — Вот... Там мой прямой адрес...

Симба взяла визитку и не глядя сунула ее в сумочку.

— До свидания! — бросила она, направляясь к выходу.

— До свидания! — сказал ей в спину дядька.

Симба вышла из-под тента и окунулась в жару.

Улица была всё так же пуста — жара, воскресенье, нормальные люди за городом.

А она — ненормальная!

Ей предложили денег, она не взяла, дура!

Но если она повела себя именно так, на это были причины.

Симба всегда прислушивалась к своим внутренним импульсам.

Когда они приказали ей взять бритву и порезать себе вены, она так и поступила.

Но потом испугалась и вызвала «скорую».

Хотя сделать это ей тоже приказали импульсы.

А сейчас они велели ей убираться из кафе как можно скорее и ни в коем случае не брать денег у бородатого дядьки.

Симба быстро шла по улице, палило нещадно, взмокла не только грудь, но и спина.

Сесть бы побыстрее в трамвай и поехать домой, к племяннику.

Хотя прежде надо зайти в магазин — племянник должен питаться, и желательно не одной пиццей.

Магазин размещался по пути, напротив трамвайной остановки.

Симба поднялась на второй этаж, в отдел самообслуживания.

Замороженные бифштексы, замороженное куриное филе.

Замороженные овощи. Свежие можно купить возле дома.

Сок. Ещё сок. И ещё сок.

Чай, кофе, сахар.

Набирается порядочно, лучше было прихватить племянника — самой тащить тяжело.

Она ненавидит набитые сумки.

Впрочем, сумку она с собой не взяла, только легкомысленную сумочку, в которой кошелек с деньгами.

Куриное филе можно приготовить на ужин, с этим она справится — размораживаешь, солишь, перчишь, обваливаешь в муке и бросаешь на сковородку. Главное — не пережарить, вовремя перевернуть с одной стороны на другую.

То же и с бифштексами, предназначенными на обед. Их даже солить-перчить не надо — успевай переворачивать.

Симба подошла к кассе и полезла в сумочку.

Вместе с кошельком пальцы прихватили чуть помятый прямоугольный кусочек картона, который дядька всучил ей на прощание.

На визитке и впрямь значился только адрес. Ни имени, ни отчества, ни фамилии.

И номер телефона отсутствовал.

Просто сетевой почтовый адрес.

`mailto:owner@compghost.net`

Owner — владелец, обладатель, собственник.

Симба почувствовала, что пакет с едой оттягивает ей руки, и подумала, что зеркальный коридор, в который она случайно забрела сегодня с утра, вряд ли скоро закончится.

«Thursday, 15.

4:01

Люди пухнут от одиночества...

Дурацкая мысль, но особенно занятная ночью. Точнее, уже под утро... Так и представляешь, как они идут по улице и пухнут, пухнут, пухнут... И все вокруг предлагают им сбросить лишние килограммы, причем каждый десятый — бесплатно. А они всё равно пухнут и становятся толще, толще, толще... Я тоже пухну. Скоро перестану влазить во все свои джинсы. И брюки. И юбки. И мне придётся сбрасывать лишние килограммы, только надо бы знать — сколько. Если я буду знать, сколько, то смогу высчитать, сколько потребуется денег, а сколько килограммов я сброшу просто так. Если надо сбрасывать двадцать, платить придется за восемнадцать, два, как и обещано, бесплатно. Хотя если я сброшу двадцать килограммов, то от меня ничего не останется — тень в трусиках, а вот лифчик даже не понадобится...

Но в любом случае лучше пухнуть от чего-то другого...

(3 comments)»

Я тупо щёлкаю на комментарии.

Раз уж я дотопал до этого сайта, надо облазить здесь всё. «Симба... Просто Симба. Сетевой дневник». www.netdiary.inf. Моя красноголовая тётушка на встрече с заказчиком. Мои папенька и матушка — в Турции. А я тупо щёлкаю на комментарии и прикидываю, в какой такой четверг 15-го, в пятом часу утра, точнее, в четыре часа и одну минуту, тётушка выдавала в сеть все эти откровения.

И — главное — зачем она это делала?

Первый комментарий.

«Ты что, и вправду такая толстая?»

Не смешно.

Второй комментарий.

«Лучше чего-нибудь выпей, тогда и люди другими покажутся... Или позвони кому-нибудь... Хотя бы мне... Граф Дракула».

Самое дебильное в сети — подписываться подобными никами. Граф Дракула, леди Дара, баронесса ночи и прочее. А телефончика этот Дракула не оставил...

Третий комментарий.

«: — ((».

Видимо, кому-то тоже было хреново в четверг, 15-го числа, в четыре часа с чем-то. Кто-то тоже не спал и во всём согласился с Симбой. И отправился худеть...

«Thursday, 15.

11:15

Я проснулась

и почувствовала, что опять ненавижу сны.

А когда-то я их любила. Особенно когда ещё могла летать, сейчас это происходит все реже и реже, точнее — почти не происходит, наверное, совсем перестала расти, так и останусь коротышкой.

Если бы я росла, росла, росла, то — наверное — пошла бы в модели. Им хорошо, у них

маленькие титьки и такие же маленькие головки, так что не поймёшь, где мозг. Зато головки — хорошенькие, они ходят по этому своему подиуму, качают головками, как жирафики, да ещё трясут своими маленькими титьками. Мне всегда интересно, о чём они в этот момент думают, навряд ли о том же, о чем думала бы я.

А я сейчас думаю о том, что опять ненавижу сны.

Мне приснился харя, причём — в лифте. Я оказалась в лифте, мне надо было ехать куда-то очень высоко. Вначале я была в нем одна. Потом лифт остановился и вошел харя. Он был в своём полосатом костюме и при галстуке. Расцветку галстука я не запомнила, помню лишь, что он тоже был полосатый...

— Вы на какой этаж, девушка? — спросил харя.

Я ответила, и харя нажал на кнопку.

Это я помню очень хорошо: как он повернулся и нажал на кнопку, лифт пошёл, а я стояла и смотрела ему в спину. И мне вдруг стало страшно. Я вспомнила, что у меня нет с собой дротиков и мне нечем от него обороняться, он может сделать со мной что захочет, а я, если даже и закричу, всё равно подчинюсь — он сильнее, он старше, он мужчина...

И я закричала, не дожидаясь, пока он повернётся ко мне.

Тут сон кончился... И я проснулась!

(4 comments)»

А я, между прочим, сегодня во сне летал... Бедная Симба, надо бы подсыпать этому харе чего-нибудь в питье. Интересно, что он пьёт по вечерам? Папенька, например, пьёт что попало, главное — чтобы матушка не застучала. Хотя «что попало» — это не совсем точно. Когда у него есть деньги, он пьёт виски или коньяк, когда денег нет, пиво, а зимой — водку. Немного, наливает рюмочку — и вперёд! А если пиво, то бутылку поллитровую или банку. Главное — чтобы матушка не вопила, а она вопит, надеюсь, что сейчас, в Турции, у них всё мирно...

А комментарии такие же дебилные. Особенно если читать по порядку.

Первый комментарий.

«Всё бы отдал, чтобы увидеть тебя на подиуме. Вот приколы-то!» Подпись: КиберДок.

Эти сетевые маньяки просто сумасшедшие какие-то.

И ники у них безумные.

Нет чтобы взять себе нормальную кликуху, а то — КиберДок, причём — в одно слово!

Второй комментарий.

«Если снятся плохие сны, надо или пить снотворное, или лучше трахаться, тогда будешь спать без снов, поверь, на себе проверила...»

Без подписи, ну и ладно...

Третий комментарий.

Опять сторонник краткости: «: — ((».

Что, ему тоже плохие сны снились? Или ей?

А вот четвёртый комментарий, самый неприятный из всех.

«Я хотел бы оказаться с тобой в этом же лифте, Симба. Вначале я бы выкинул из него харю — кстати, почему ты пишешь о ней в мужском роде? Я, конечно, понимаю, что Харя — это мужчина, но ведь харя — это она, харя... Надо бы с большой буквы. Как имя, Харя, тогда всё будет правильно. Он — Харя, я беру его и выкидываю из лифта. А потом начинаю заниматься тобой... Согласна?»

И та же подпись: граф Дракула.

Судя по всему, абсолютно мерзкий тип, я таких стараюсь за километр обходить. У них глаза всегда бегают почему-то. Мне раз матушка книжку про настоящего Дракулу подсунула, так я заснул от тоски — нудятина полная. А вот киношку мы с папенькой смотрели по видуку — ничего, потянет. Но всё равно всех их надо осиновым колом или серебряной пулей, а этого — в особенности...

Между прочим, четверг, 15-е, здесь заканчивается. И сразу начинается суббота, 17-е, в пятницу Симба к дневнику не прикасалась.

«**Saturday, 17.**

21:11

Моя сестрица

решила, что я должна развиваться, и ещё с неделю назад подсунула мне одну дурацкую книгу. На самом деле я давно не читаю ничего, кроме разве что необходимого по работе. Когда читаешь — начинаешь жить чужими мыслями и персонажами, а своими ведь намного интереснее.

Но тут она пристала и просто навязала мне эту книгу: мол, тебе это только на пользу пойдет, там про них (про мужчин то есть) вся правда написана, да и про нас, женщин, тоже...

Название у книги — как у справочника для начинающих юзеров, типа «Windows — среда обитания». Но дело не в этом, а в совершенно идиотском сюжете. Там про одну дамочку, которая втемяшила себе в голову, что муж хочет её убить. И все триста с чем-то страниц текста она страдает по этому поводу. И ещё вспоминает, как и когда она с ним трахалась. А когда не вспоминает, то трахается. В общем — жуть. Мне после этой книги захотелось то ли реветь, то ли пойти и руки вымыть, но я не сделала ни того, ни другого, а взяла бинокль и стала в окна дома напротив смотреть. Иногда на меня такое находит. Некоторые думают, что проще — через веб-камеру, там всё крупным планом и в подробностях. Но мне кажется, что веб-камера — это скучно, там всё подстроено и всё делают специально, чтобы видели. А когда смотришь в бинокль, непонятно, на что нарвёшься.

В одном окне я нарвалась на драку. Семейную. Стало противно, и я начала искать что-нибудь другое.

Нашла голую девку, которая пялилась на себя в зеркало и при этом танцевала. Посмотрела немного, и мне надоело.

А потом наша парочку, которая на кухне занималась любовью, сидя на двух стульях, приставленных один к другому. Женщина сидела с широко открытым ртом и закрытыми глазами, а он пыхтел, как бегемотик в зоопарке, очень смешно.

Между прочим, эта дамочка из книги вживляет мужу в грудь какую-то фигню, которая помогает ей видеть, что происходит у него в голове. И у неё в груди такая же. А у меня бинокль, чем он хуже?

(2 comments)»

Я помню, о какой книге идет речь. Она долго валялась у матушки в спальне на тумбочке, и та всё говорила, что мне её читать ещё рано. Я, естественно, прочитал — когда матушки не было дома, брал, читал кусок, запоминал страницу и клал на место. Если в той книге про женщин написана правда, мой папенька — самый несчастный человек на свете. И остальные мужики — тоже, и мне это угрожает... Хотя многого я в книге не понял, а спросить было не у кого, сейчас вот можно спросить у Симбы, но её ещё нет дома, и потом

— как я ей объясню, зачем влез в её сетевой дневник?

Хотя сетевые дневники для того и пишутся, чтобы в них влезали и потом оставляли комментарии.

К этой записи их всего два.

Первый.

«Я тоже читала эту книгу, и она мне понравилась. Только потом жить не хотелось пару дней — не знаю, зачем такие книги пишут, безысходные, лучше читать примитивные любовные романы, там меньше трахаются, зато больше романтики...»

Подпись: Феникс.

У меня, кстати, сетевой ник — Виртуальный Майкл, это вам не КиберДок, намного круче, надо бы что-нибудь Симбе откомментировать...

«Я бы тоже тебя убил, Симба, ты ведь такая красивая!»

И снова — граф Дракула.

Я смотрю на монитор и чувствую, что убить мне сейчас хочется самому. Хотя на самом деле я мирный и драк терпеть не могу. Мне всего-то раз пять за всю жизнь приходилось драться, и не скажу, что очень удачно.

Первый раз это случилось совсем давно, мне было лет десять.

Тогда мне разбили губу, папенька потом с родителями того урода долго разбирался.

Потом — года через два, мне как раз исполнилось двенадцать. У меня во дворе решили отобрать деньги. Ну и побили, потому что отбирать было нечего, а вовремя я не убежал.

Затем — в тринадцать, с одноклассником подрались из-за моей соседки по парте. Он настаивал, что она его любит, а я говорил, что меня, в результате — боевая ничья, у меня подбит глаз, у него разбит нос, нос, между прочим, у него зажил быстрее, чем у меня сошел синяк...

Предпоследний раз — самый отвратительный, у меня опять хотели отобрать деньги. Один козёл с первого этажа, про которого все во дворе знали, что он — наркоман. Если бы он полез в одиночку, я бы его уделал, но он был с парочкой таких же лохов, и уделали они меня. И деньги отобрали. Матушка пришла в ужас, папенька написал заявление в милицию, козёл потом куда-то пропал, его до сих пор не видно, говорят, он уже помер...

А последний раз был этой зимой, я просто шёл по улице, и мне дали по кумполу. Я тоже дал и побежал. Убежать удалось, но голова несколько дней болела. Зато в школу не ходил. Матушка сильно дергалась и кричала, что порядочному ребенку нельзя из дому выйти, а папенька говорил, что порядочный ребенок должен уметь за себя постоять, для чего необходимо:

а) как минимум делать зарядку;

б) ещё лучше — посещать какую-нибудь секцию, к примеру айкидо.

На это матушка сказала папеньке, что в таком случае отец обязан служить сыну примером, а отец ответил матушке, что он упакивается, зарабатывая нам на жизнь, а матушка возразила ему, что мальчик моего возраста нуждается в мужском обществе гораздо больше, чем в женском, а отец отбрил, что он так не думает и желает, чтобы сын его вырос с нормальной ориентацией, мать заревела и ушла в спальню.

А отец — за ней, плотно прикрыв дверь.

Я же остался со своей головной болью, которую усиливали доносившиеся из-за двери крики: интересно, что они там делали?

Но графа Дракулу я бы всё равно замочил, надо только решить — как.

Итого у меня уже два кандидата в жертвы: харя и этот сетевой козёл. Без разницы, кого мочить первым, оба, судя по всему, гнусные и аморальные типы, недаром Симба держит возле компьютера набор дротиков для дартс.

Между прочим, пора бы ей вернуться.

Надеюсь, она притащит пожрать.

Мне жутко хочется есть, а при мысли о повторении утренней яичницы в животе начинается переворот.

Я пялюсь в монитор и читаю следующую запись.

«**Sunday, 18.**

06:21

Мне пора к врачу!

Только вот к какому и что я ему скажу?

Что меня опять преследуют дурацкие сны?

— Расскажите! — попросит врач.

— Хорошо! — отвечу я, послушно сяду на стул напротив него и покорно сложу руки на коленях.

А потом начну подбирать слова — у меня это всегда плохо получается, я долго думаю, как правильно выразить то, что я чувствую.

— Ну, — скажет дядя доктор, пристально глядя на меня своими психиатрическими глазами.

Потому что этот доктор должен быть психиатром, иначе зачем бы я к нему пришла?

Хотя на самом деле это может быть и психотерапевт, и психоаналитик, только психоаналитики, говорят, дорого стоят, да притом ни от чего не лечат... Берут примерно 250 рублей за час. Я столько не зарабатываю!

Интересно, а визит к психиатру стоит меньше?

— Рассказывайте, рассказывайте! — с насупленным видом продолжает врач.

И я начинаю рассказывать.

— Ночью я занималась любовью с компьютером! — говорю я.

— Как это? — спрашивает доктор.

— Очень просто, — отвечаю я, — сначала он нежно обнял меня и притянул к себе...

— Чем обнял? — интересуется врач.

— У него выросли руки, — поясняю я, — как в детской сказке про Мойдодыра, там ведь у умывальника тоже вырастают руки...

— Нет, — говорит доктор, — они у него сразу были! — И начинает что-то писать в блокноте.

— А у этого выросли, — упрямлюсь я и продолжаю: — А потом он положил меня на кровать и велел раздеться...

— И вы разделись? — спрашивает врач.

— Да, — говорю я, — разделась!

— Сами? — Доктор смотрит на меня, он зачем-то надел очки, и его психиатрические глаза стали не такими психиатрическими.

— Сама! — громко заявляю я, потому что во сне всё было именно так: я действительно разделась сама и стала ждать, пока компьютер ляжет на меня. И я почувствую его в себе. Между прочим, я хорошо помню, что у него выросли не только руки и ноги. И это выросшее он засунул в меня, и мне вдруг стало так хорошо, как никогда и ни с кем не было, а

компьютер шептал мне на ушко ласковые слова и любил меня, долго и нежно, вот только сон этот так ничем и не закончился — я проснулась.

— Вы замужем? — спрашивает доктор.

— Нет! — отвечаю я.

— У вас есть друг? — звучит следующий вопрос.

— Нет! — тем же тоном продолжаю я.

— Тогда... — говорит доктор...

Но я недослушиваю, потому что знаю, что он скажет.

Я встаю и выхожу из кабинета.

Точнее, даже не захожу в него, потому что мне всё становится ясно заранее: если я пойду к доктору, он скажет, что у меня просто течка, а ещё я много времени провожу за компьютером. И мне надо найти себе кого-нибудь, а то у меня наступит самое настоящее психическое расстройство. А я скажу доктору, что он — дурак, и выбегу в коридор в слезах...

Поэтому я не пойду к врачу.

Ни сегодня. Ни завтра, ни послезавтра.

Если мне ещё раз приснится подобный сон, я вызову сантехника — пусть он получше отремонтирует подтекающий унитаз!»

На сей раз комментарий был всего один.

И совершенно естественно, что от второй по счёту кандидатуры в моём списке.

Граф Дракула предложил Симбе свои услуги как в качестве доктора/врача, так и в качестве компьютера/сантехника.

И я возненавидел его ещё сильнее.

От двухчасового сидения за машиной у меня онемела спина, и я решил размяться, а заодно проверить, что там в туалете с унитазом.

В прошлом году у нас тоже унитаз подтекал, и я помогал папеньке его ремонтировать — сантехник, как назло, был в запое.

Папенька купил какую-то мастику, а я промазал ей трубу.

И капать перестало.

Так что если у Симбы подтекает труба, я знаю, что делать — купить мастику и хорошенечко всё промазать!

Унитаз действительно подтекает, но совсем чуть-чуть.

Когда Симба вернется, надо будет предложить ей свою помощь, хотя сегодня воскресенье и хозяйственный наверняка не работает.

Но замазать можно и завтра, а вот есть хочется так, что нет никаких сил.

— Интересно, — думаю я, возвращаясь к компьютеру, — что это всё-таки за тип, граф Дракула?

Проходя мимо Симбиной машины, я машинально тыкаю в клавиатуру. Компьютер просыпается, и я вижу, что в почтовом ящике тётушки барахтается вновь прибывшее письмо.

Обмен баннерами

Симбу тошнило. Вдобавок ей казалось, что асфальт под ногами усыпан маленькими иголочками страха. Часть из них торчала остриями вверх, и они больно вонзались ей в ноги, легко проникая через тоненькие кожаные подошвы босоножек.

И каждый такой укол вызывал новый приступ тошноты, а страх становился всё отчетливей, он будто нависал над городом, спускаясь, как облака с вершины горы, обтекая её, обволакивая, хотя небо оставалось таким же безоблачным, как и все последние недели, а жара не прекращалась.

Наверное, всё дело было в жаре.

Симба поудобнее перехватила пакет с едой и опять взглянула под ноги.

Иголки поблёскивали на солнце, то наваленные врассыпную, то хитроумно воткнутые в асфальт. Симба вспомнила, как совсем маленькой девочкой играла в классики и легко прыгала с квадрата на квадрат на одной ноге. Если сейчас она начнет так же прыгать, вероятность боли уменьшится — надо просто внимательно смотреть вниз и выбирать место для следующего прыжка...

Раз... Два...

Дурацкий пакет и идиотская картинка.

Взрослая тётенька, прыгающая на одной ножке!

Три... Четыре...

Какой придурок разбросал здесь эти иголки?

Хорошо, что прыгать только до трамвайной остановки.

Прыг-скок, вот бордюры тротуара.

Прыг-скок. Вот пешеходная дорожка.

Иголки страха покалывают сквозь тонкие подошвы босоножек.

Иголки страха вонзаются в кожу, на ней выступают капельки крови.

Красные капельки, цвета её волос.

И трамвай тоже красный — вон он, появился из-за поворота.

Лучше сесть во второй вагон, так ближе до дома, а если сесть в первый, придётся отшагать лишние шесть метров.

Это Симба давно высчитала.

Пакет со жратвой безумно тяжёлый, она давно не носила таких тяжёлых пакетов.

Хорошо хоть, на остановке нет этих проклятых иголок, и можно стать на асфальт обеими ногами.

Когда Симба играла в классики, волосы у неё ещё не были красными.

Обыкновенные тёмные волосы и в них бант — это она отлично помнит.

Помнит даже то, что обычно бант был белый.

А волосы — длинные.

Она подстриглась втайне от отца.

Взяла у мамы денег и пошла в парикмахерскую.

Как взрослая, одна, без родителей.

Увидев, что получилось, отец заплакал.

Симба садится в трамвай и смотрит через окно на улицу.

Облака страха всё ещё висят над горой, а на асфальте тротуара хорошо заметны

маленькие стальные иголки. Когда она шла к магазину, их не было. А в магазине Симба полезла за кошельком и наткнулась на визитку.

[mailto: owner@compghost.net](mailto:owner@compghost.net)

В последние дни всё изменилось. Кому-то от неё чего-то надо. Она уже рада, что дома — племянник. Смешной, долговязый, постоянно краснеющий. Сейчас она накормит его котлетами. Ещё две остановки, и она дома, там не должно быть никаких иголок, асфальт с утра был чист — когда она выходила из подъезда, припозднившийся дворник поливал его водой из шланга.

И зачем этому мужику понадобились баннеры? Бред какой-то...

Да ещё — предлагать за них такие деньги!

Загляните на эту страничку...

Если хотите, найдёте...

Эротический гороскоп для мужчин...

Вы будете счастливы...

Тошнота прошла сразу после того, как из-под ног исчезли иголки.

Симба села на боковое сиденье и поставила пакет на колени.

— Проездной! — мрачно сказала она приковылявшему кондуктору.

— Покажите! — так же мрачно пробурчал тот.

Симбе пришлось снимать пакет с колен, опять лезть в сумочку и доставать кошелек. Проездной лежал в боковом отделении, по крайней мере с утра.

Когда она ехала на встречу.

С любителем баннеров.

— Вот! — сказала Симба и чуть не добавила: — Подавись!

Кондуктор удивленно хрюкнул и исчез в конце вагона. Симба посмотрела в окно, и её опять стало подташнивать. Вдоль трамвайных путей медленным прогулочным шагом шёл под отвесными лучами дневного палящего солнца знакомый мужчина в тёмных очках.

Будь у Симбы с собой цифровая камера, она успела бы сделать снимок. А дома быстренько переписала бы файл в компьютер, обработала, распечатала и повесила картинку рядом с харей. Получилось бы две мишени — харя и борода. В бороду метать дротики даже прикольной, вот только снимать надо не в профиль, а анфас.

То есть чтобы с мишени глядело лицо целиком. Полностью.

Лысина, переходящая в лоб, лоб, переходящий в переносицу, на переносице — безумные тёмные очки. Не по летам очки, в таком возрасте носят что попроще. Вот напяль такие очки племянник, тогда — ладно, племяннику простительно. Если бы племянник носил дома очки, не бросалось бы в глаза, как он пялится на Симбу, хорошо ещё, что ему не приходит в голову её пощупать, пусть даже нечаянно...

Вроде бы — нечаянно.

Под очками — нос, а под носом начинается борода.

Первый дротик — в лоб. Это обязательно!

Потом — в очки, парочку, один за другим. В левый глаз и в правый. Звон разбитого стекла, осколки вонзаются в глазные яблоки. Симба сжалится над харей и станет кидать дротики в бороду. С харей ей, по крайней мере, какое-то время было хорошо, ну, почти хорошо. Пока Симба не сказала ему, что она не простыня и не одеяло.

— Что-что? — переспросил харя.

— А вот то! — громко сказала Симба и добавила: — Я не только для того, чтобы лежать

на мне... Или — подо мной...

— Ты так считаешь? — осведомился харя.

Симба заплакала и дала ему пощёчину.

— Ты сумасшедшая, — заметил, потирая щёку, харя, — ты сама не замечаешь, что совсем свихнулась!

— Интересно, — сказала сквозь слезы Симба, — в чём это проявляется?

— Бабочки, — ответил харя. — Ты мне постоянно про них талдычишь!

— Ну и что? — всё так же сквозь слезы спросила Симба.

— Их просто нет, — сказал харя. — Бабочки не могут мутировать, надо книжки читать!

— Они есть, — возразила Симба, — иначе бы они мне не снились!

— Их нет, — сказал харя, — таких бабочек быть не может, таких, какие тебе снятся...

— Они мне не просто снятся, — проговорила Симба, — я верю, что они есть, их надо только услышать...

— Услышать? — переспросил харя.

Симба перестала плакать и внимательно посмотрела на харю. Он дурак. Он думает, что она простыня и одеяло, но не знает, что бабочки-мутанты поют. И увидеть их можно лишь после того как ты их услышишь. А поют они раз в году, не чаще. Ей рассказал об этом отец, много лет назад, на юге, а отец её никогда не обманывал...

Харя посмотрел на неё как на больную.

— Я думал, ты вменяемая! — промолвил он.

Симба показала ему язык, повернулась и ушла, насовсем.

Ей самой до сих пор непонятно, зачем она потом стала резать себе вены. Наверное, в отместку.

Любитель баннеров давно скрылся за поворотом.

И тошнота прошла.

Симба встала, взяла пакет и направилась к дверям.

Племянник скрежещет зубами от голода, он, наверное, сгрыз дверцу холодильника, а сейчас доедает остатки кабеля.

Того, которым должен был соединить компьютеры.

Может, он настолько умён, что исхитрился открыть запаролённую папку?

И сейчас любителю на её голое тело?

Симба вся промокла от пота.

Надо всучить пакет племяннику, а самой — прямиком в душ.

Пока она будет мыться, племянник сожрёт замороженные бифштексы. Если верить надписи на коробке, из мяса молодых бычков.

Где они берут столько молодых бычков, чтобы делать из них бифштексы? Похоже, дожить до старости у быка уже нет ни единого шанса...

По знаку зодиака харя был телец и часто говорил ей, что он старый, усталый бык.

Она опять вспоминает про харю, а это — плохо.

Симба перехватила пакет поудобнее и пошла к дому.

Интересно, какие баннеры хотел заказать ей борода?

Они с харей примерно одного возраста, борода сказал, что ему сорок шесть, почему Симба притягивает усталых старых быков?

Асфальт возле дома чист, дворник поработал на славу!

Симба задрала голову и посмотрела на свои окна. Створки распахнуты, а шторы

задёрнуты. Значит, племянник не совсем тупой — шторы хоть немного, но задерживают солнечный свет, а значит, и жару...

От этой жары бифштексы, наверное, уже разморозились.

Симба поставила пакет у двери и нажала на кнопку звонка.

Племянник оказался быстр — дверь открылась буквально через минуту.

— Привет! — сказала Симба. — Это я! — И добавила: — Возьми пакет, он тяжёлый!

Племянник как-то странно посмотрел на неё, схватил пакет и потащил на кухню.

— Я сейчас в душ, — продолжала Симба, — а потом приготовлю пожарить. Ты голодный?

— Да! — проорал с кухни племянник.

Симба вошла в комнату и увидела, что оба компьютера работают.

И что в её ящике барахтается очередное письмо.

Непонятно от кого, просто видно, что пришла почта.

Ей опять показалось, что пол под ногами усыпан маленькими иголочками. Всё те же стальные иголочки страха, а босоножки уже сняла, теперь иголкам проще вонзаться в её незащитные ноги.

Можно пойти в душ, потом пообедать, а потом уже прочесть письмо.

Но сначала в душ. Даже волосы — хоть выжимай. Ладно ещё краска хорошая, а то потекли бы с головы красные струйки...

Симба подошла к компьютеру и поняла, что не хочет открывать письмо.

И вообще предпочла бы, чтобы оно не приходило.

Лучше сразу удалить, чтоб не мучиться!

И пойти в душ.

А затем — на кухню.

Давно она не готовила, даже из полуфабрикатов.

Симба села за компьютер и посмотрела на монитор.

mailto: simba@simba.inf

В поле «Сообщение» — одна фраза: «Обмен баннерами».

Больше текста нет, лишь аттачмент.

Открыть его и пойти в душ.

Открыть, пойти в душ и выбросить из головы это безумное утро.

Дважды щёлкнуть левой клавишей мыши.

«Вложение может быть небезопасно, сохранить его на диск или сразу открыть?»

Ещё два раза щёлкнуть левой клавишей мыши.

Симба смотрит на экран монитора и видит Симбу.

Лицо Симбы крупным планом.

И надпись: «Это Симба?»

Только глаза — не её.

У Симбы на экране глаза голубые, а у неё — карие.

Симба загружает «Фотошоп», быстренько исправляет цвет глаз и подписывает: «Это — Симба!»

Нажимает на кнопку ответа, вкладывает правленный файл и отправляет обратно — так же, без сопроводительного текста.

Ей не надо искать в памяти компьютера адрес, с которого пришла картинка, она его знает наизусть.

Уже выучила.

[mailto: owner@compghost.net](mailto:owner@compghost.net)

Ткните на баннер и найдёте настоящую Симбу.

Бессмысленная игра, она совсем не хочет в неё играть.

Настоящая Симба залазит в ванну и включает душ, на этот раз не холодную воду, а горячую. Говорят, когда очень жарко, лучше горячей воды ничего нет. Температура снаружи тебя превышает температуру внутри, а потом, по контрасту, становится прохладно. Об этом эффекте ей много лет назад рассказал отец, и она запомнила — как и про бабочек-мутантов.

Она хорошо помнит всё, что ей рассказывал отец.

И никогда не простит ему, что он оставил её одну.

Сестра не в счёт, у сестры есть муж, сестра счастлива, сейчас, наверное, плещется в Средиземном море. А ещё у сестры есть сын, Михаил, который ждёт Симбу на кухне.

Симба вытирается и накидывает на себя халат.

Ей слишком хорошо после душа, чтобы надевать бельё.

Если б не племянник, она ходила бы голая, а тут прикрылась халатом — пусть радуется.

Симба ведь не виновата, что стоит такая жара и она вынуждена постоянно принимать душ.

На кухне пахнет подгоревшим маслом — племянник сосредоточенно жарит бифштексы.

Сам.

Переворачивая их ножом, как написано на упаковке.

Жарит по инструкции.

— Молодец, — говорит Симба. — Дальше справишься?

— Справлюсь! — отвечает племянник.

Симба идёт в комнату и садится за компьютер.

Ответ уже пришёл, снова без текста, лишь файл в аттачменте.

Очень похоже на ту фотку, что она отправила сумасшедшему по «аське».

Кто-то хорошо поработал над её ртом — из него выпирают два изящных, белых, довольно симпатичных клыка. Глаза оставили карими, но пририсовали вампирские зубки. И переделали надпись. Теперь на баннере написано: «Это — не Симба!»

Хотя баннером эта картинка станет лишь в том случае, если её разместить на чьей-нибудь страничке в сети. Щёлкаешь на него и оказываешься в совсем другом месте, например, попадаешь на www.compghost.net.

Или прямиком в ад!

Симба опять загружает «Фотошоп» и удаляет вампирские зубки. Потом рисует большой знак вопроса и набивает новую надпись: «Что тебе надо?»

— Я их поджарил! — восторженно кричит с кухни племянник.

Симба вспоминает, что забыла купить овощи.

Придётся есть бифштексы без гарнира, хорошо хоть про хлеб не забыла...

Они сидят с племянником друг против друга, и племянник жуёт, смущённо отводя глаза.

Симба улыбается: ну да, она ведь в халате на голое тело, ворот чуть-чуть разошёлся, и племянник смотрит в сторону, видимо, боясь, что её груди вот-вот вывалятся прямо в тарелку с бифштексами из мяса молодых бычков.

Он снова краснеет, милый, краснеющий мальчик.

Придётся всё же носить дома лифчик, а то у племянника крышу сдует.

— Вкусно! — говорит Симба, доедая последний пережаренный бифштекс. — Спасибо!

— Это тебе спасибо, — отвечает племянник, — ты ведь их принесла!

— Ты их хорошо поджарил, — говорит Симба, — правильно...

— Я впервые в жизни бифштексы жарил! — с гордостью признаётся племянник и вдруг замолкает.

— Ты это чего? — спрашивает Симба.

— Ничего! — выпаливает племянник и склоняется над тарелкой.

— Ещё раз спасибо, — говорит Симба. — Помой посуду, ладно?

Племянник кивает, а Симба возвращается к компьютеру.

Она не виновата, что племянник подумал о том, что когда-нибудь должно с ним случиться, тоже — впервые.

Естественная мысль для мальчика его возраста.

Но она тут ни при чём, так что пусть терпит, пока не настанет его время.

Этот идиот прислал очередной ответ.

Бессмысленная перепасовка по сети, нелепый обмен баннерами.

Ты — мне, я — тебе!

С картинкой он ничего не стал делать, просто поменял надпись.

Вместо «Что тебе надо?» — одно слово: «Тебя!»

Пол под ногами покрывается иголочками страха. Симбе кажется, что из правого верхнего уголка письма выглядывает отвратительная рожа, развязно подмигивающая ей: заходите, у нас сезонная распродажа, Симбы подешевели на 25 %.

Уже ясно, что эту игру Симбе не выиграть, даже если она напишет на очередном баннере «Отвали!».

Он не отвалит, он сетевой маньяк, она уже встречалась с такими.

Они все больные на голову!

Симба машинально набивает в «Фотошопе» «Отвали!» и посылает адресату.

«Я не простыня и не одеяло, — думает она, — да и вы не молодые бычки!»

Очередное письмо не заставляет себя ждать. Аттачмента в нём нет, зато в текстовом поле видна короткая фраза.

«Я умею ждать!»

И подпись: граф Дракула.

«Ну что ж, — подытоживает Симба, — по крайней мере по баннерам я веду в счёт!»

И отправляет ещё один баннер. На фоне странных серебристых существ с мохнатыми ушками написано: «С днем рождения! Симба».

И добавлен смайлик, вот такой: «: —))».

Крик горы

Я тупо долбал монстров, монстры огрызались, временами пытались меня замочить, но у них это плохо получалось — я всегда остаюсь живым, а когда силы уже на исходе, обязательно натыкаюсь на очередную аптечку или флакон со спасительным эликсиром.

Обычно это занятие — долбать монстров — доставляет мне искреннее удовольствие, если не сказать больше: абсолютный кайф! Напрасно папенька с матушкой считают, что игры — полный отстой и можно заняться чем-то более полезным для будущей профессиональной деятельности. Особенно эта моя будущая деятельность не дает покоя папеньке, такое ощущение, что он собирается втемяшить мне в башку всё то, чем сам бы хотел, но так и не смог заняться.

А тут монстры! И сколько ни объясняй родичам, что для меня это как для какого-нибудь придурка сплав по горной реке, папенька с матушкой ни черта не понимают, нависают с двух сторон и талдычат, талдычат — мол, зря время тратишь, возьми лучше книжку почитай (это матушка), в тренажерный зал сходи (папенька), в общем — ни секунды покоя!

Но сейчас долбание монстров не приносило мне никакой радости.

Совсем рядом за своим компьютером сидела Симба, и если я поворачивал голову вправо, то мог видеть её профиль и красную челку, растрёпанную и мокрую от жары.

Я ничего не мог с собой поделать, моя сумасшедшая тётушка с комфортом поселилась в моей черепной коробке и вытеснила оттуда всё остальное.

И дело не в том, что я влюбился в неё, — это не имело бы смысла, влюбляться в родственниц бесполезно, не знаю почему, но уверен, что это так. Тем более что она старше, а я для неё — просто мальчик, которого ей сдали на хранение. Лучшее, что она могла бы придумать, — поместить меня в чемодан, закрыть его на ключ и убрать в кладовку до приезда родичей из их треклятой Турции! По крайней мере, тогда бы я не пялился на неё постоянно — пялюсь, хоть и понимаю, что ей это не в кайф, она как-то смущённо вздрагивает под моими взглядами, а сам я краснею, точно полный идиот, недоделанный дистенциальный коблоид, становлюсь такого же цвета, как её волосы, но всё пялюсь и пялюсь...

Очередной монстр попался под руку, пришлось его грохнуть, кишки размазаны по всему монитору!

А вообще — зачем она так странно покрасилась?

Спросить? Не спросить? Спросишь — ещё обидится...

Я не влюбился в неё, но она сейчас интересуется меня больше всего на свете. Особенно после того как я наткнулся на её сетевой дневник. Мне кажется, она несчастна, хотя как-то во время очередной перепалки матушка обиженно говорила папеньке, что ничего не поделаешь, счастливых людей в этом мире нет, и сама она не может отнести себя к их числу.

— Отчего это? — возмутился папенька.

— Например, потому, — ответила матушка, — что ради меня никто никогда не совершал подвига. Знаешь, как это обидно?

— Вся моя жизнь с тобой — подвиг! — сказал папенька, и тут мне пришлось свалить подальше, потому что матушка разъярилась не на шутку, и по комнате залетали грозвые молнии.

Но вообще-то подвиг — это прикольно. Наверное, приятно, если ради тебя делают что-

то, чего никто ещё не делал.

Симба достойна подвига.

Она сидит неподалёку от меня, склонившись над клавиатурой, и лицо у неё довольно-таки злое.

А я думаю, какой бы мне подвиг совершить.

Можно представить, что я мочу монстров не просто так, а потому, что именно они виноваты во всех Симбиных неприятностях. И чем больше монстров я урою, тем больше шансов, что жизнь Симбы изменится.

Нет, это явная глупость. Какая-то полная мистика, как говорит в таких случаях папенька. Вот если бы монстры похитили Симбу, а я бы её освобождал. Замолил этого, замочил того... Ба, а вот меня нежданно-негаданно замочили...

Приходится запускать игру заново.

Между прочим, один подвиг я уже совершил — замазал-таки трубу под унитазом, Симба взяла у соседей специальную мастику, и я за полчаса управился! В благодарность за бифштексы, которые сам и поджарил. Сам поджарил, сам съел, да ещё и унитаз больше не подтекает. Но всё это не настоящие подвиги, а так — отработка крыши над головой.

Если б я умел, сочинил бы какую-нибудь крутую песню.

Это, наверное, было бы сродни подвигу.

Женщины ведь любят, когда в их честь поют серенады, — тут я могу даже на папеньку с матушкой не ссылаться, без них знаю.

Вот только песни я сочинять не умею, хотя гитара у меня есть и я даже пытаюсь на ней наигрывать. Уже второй год. Это всё тоже папенька — как-то он долго объяснял матушке, что весь свой подростковый период (так и сказал — «весь мой подростковый период») мучил гитару, но безрезультатно, так как у него не было слуха...

— И теперь нет! — перебила матушка.

— А теперь он мне и не нужен, — сказал папенька, — теперь мне и без него нормально, а тогда было плохо. Тогда я хотел клёво играть на гитаре, а теперь уже не хочу...

— Зачем ты говоришь при ребёнке «клёво»? — возмутилась матушка.

— Хорош ребёнок! — воскликнул папенька. — Скоро он тебя бабушкой сделает...

— Сделаешь? — сурово спросила мать и пристально посмотрела на меня.

Я ничего не ответил и свалил в свою комнату. А на следующий день отец притащил гитару. Сейчас у нас в классе даже группа есть, в которой я играю на басу, но песню для Симбы мне всё равно пока не сочинить, надо придумывать другой подвиг, полегче. Хотя, конечно, любой подвиг — дело непростое...

В этот раз монстры ещё более прыткие, но то ли реакция у меня резко улучшилась, то ли я освоился с непривычной клавиатурой — разделяюсь я с ними запросто. Раз-два — и нету монстра! Ура!

Если мыслить логически — а папенька всегда отмечал, что у меня склонность к логическому мышлению, — понятно одно: Симбе на самом деле что-то угрожает. И я даже догадываюсь, что.

Точнее — кто.

Этот идиот, который по-дурацки подписывается в сети.

Нет чтобы просто — Борис Борисович Анциферов, к примеру. А тут — граф Дракула!

Может, он действительно извращенец, сексуальный маньяк из тех, про которых часто пишут в газетах и показывают в криминальных новостях по телевизору. Терпеть не могу

новости, а папенька смотрит их как одержимый. Посмотрит по одному каналу, переключится на другой, затем на третий, а там пора опять переходить на первый, матушку аж трясёт от этого, наверное, он и в Турции постоянно в ящик пялится.

Интересно, в Турции, кроме турецкого, на каких языках телек показывает?

Если на английском, папенька ещё что-то поймёт, а вот французский и немецкий ему не по зубам...

Впрочем, не похоже, что граф Дракула — обычный извращенец, обычные извращенцы не торчат часами в сети. Они подстерегают своих жертв где-нибудь в лесополосе, рано утром или поздно вечером, и обходятся без компьютера. Верёвка, старый чулок — что там ещё показывают по телевизору?

А Дракула не таков, может быть, под этим ником и вовсе скрывается не человек, а свихнувшийся компьютер, который установлен где-нибудь в недоступном месте.

Мысль смешная, но мне она нравится.

Даже хочется её с кем-нибудь обсудить.

Но рядом лишь Симба, а с Симбой эту мысль обсуждать бесполезно — она, чего доброго, поднимет меня на смех.

Мне нравится смотреть, как она склоняется над клавиатурой.

Жаль, что она сменила халат на очередную майку.

Такое ощущение, что у неё весь шкаф забит майками, и она никогда не надевает под них лифчик!

Пока она была в халатике, тот временами распахивался, и я видел её груди.

Они на мгновение как бы выпрыгивали наружу, а потом прятались обратно.

Кстати, Симба это быстро засекла, потому и переделалась.

И вот уже два часа со мной не разговаривает.

А про свихнувшийся компьютер — это круто!

Компьютер-извращенец, который бежал от цивилизации.

Цивилизация его достала, и он сделал ноги, хотя интересно, как он сумел?

Можно, конечно, представить, что кто-то когда-то построил в отдалённом месте бетонный бункер, какие описываются в романах и которые — оторвавшись от телека — любит почитать перед сном папенька.

Бункер на случай очередной войны, командный пункт или другую какую фигню.

А потом все из бункера свалили, и компьютер сглючил.

У него съехала крыша, он зажил своей жизнью.

Решил, что именно он — хозяин мира, придумал себе имя и начал развлекаться.

В этой истории хорошо всё, кроме одного — я не знаю, где возле нашего города может быть такой бункер. Разве что — на горе...

Я смотрю на экран монитора и вдруг вижу, что монстров там больше нет. И не потому, что я их всех поубивал, — ещё секунду назад их там было множество.

А теперь они исчезли, да и катакомбы изменились.

Стали выглядеть естественнее, такие не нарисуешь даже в 3DX.

Я чувствую запах сырости и слышу, как где-то неподалёку капает с потолка вода.

И самое главное, что это не сон. Симба всё так же сидит за своим компьютером, я — за своим.

Но нахожусь я в совсем другом месте.

Видимо, моя мысль о свихнувшемся компе кому-то не понравилась, и мне решили

показать, чем подобные истории заканчиваются.

Или я просто случайно загрузил какую-нибудь постороннюю программу?

Вода капает всё отчетливее, я машинально давлю на клавишу, а сам иду по коридору за курсором.

Мне не страшно, мне любопытно, наверное, страшно станет потом, хотя — чего бояться?

В книжках, которые читает папенька, всё заканчивается хорошо. Он так и говорит — книжки не жизнь, в них всё должно заканчиваться хорошо, иначе стоит ли их читать?

Если рядом свихнувшийся комп, я должен найти его и обезвредить!

Идея меня вдохновляет, и я убыстряю шаг.

Сильнее и сильнее давлю на клавишу.

Потом жму на соседнюю — тут есть коридорчик, в который мне хочется заглянуть, интуиция подсказывает, что враг окопался по соседству.

Смешно, но у меня такое ощущение, будто одна игра просто сменилась другой, сейчас опять покажутся монстры и я вновь буду их мочить!

Но — фигурки!

Монстров нет, зато вода капает и в этом коридоре.

Более того, увесистые капли шлёпаются мне на макушку, и я даже вскрикиваю — такие они холодные.

— Эй, — говорит Симба, — что с тобой?

— Всё нормально! — отвечаю я, вытираю ладонью воду с башки, смотрю в потолок.

Он нависает очень низко, прежний коридор был поуютнее, и я решаю вернуться.

Эти коридоры — какой-то безумный лабиринт, но у любого лабиринта должен быть центр, а в центре, скорее всего, и засел граф Дракула.

Живой или электронный — мне всё равно.

Главное — обнаружить его и уничтожить.

Я нажимаю на F2 и вижу, что оружия у меня нет.

Никакого!

Из чего я буду стрелять в этого придурка — неизвестно.

Обычно я предпочитаю что-нибудь типа базуки, она палит так, что монстры валяются пачками.

Но сейчас ни базуки, ни автомата, ни завалившейся гранаты, ни пистолета, ни даже ножа.

Охота на Дракулу с голыми руками.

Потолок становится выше, и я вижу впереди свет.

Надо ещё убыстрить шаги, здесь холодно и неудобно.

Наверняка Дракула ждёт меня там, за этими приоткрытыми дверями.

— Входи, — скажет он, — мальчик, давай поговорим!

Хотя чего ему со мной разговаривать?

Он просто сожрёт меня сразу со всеми потрохами, а затем начнёт переваривать.

Мне этого не хочется, и я умеряю прыть.

Кажется, я попал совсем не туда, куда надо.

А папенька с матушкой плещутся в тёплом море и не подозревают, что их сынуля вляпался в очередную историю.

Лучше бы взяли меня с собой, но это явно не входило в их планы.

Им надо побыть вдвоём — так объяснила мне матушка.

Побыть вдвоём и разобраться в своих отношениях.

Этого мне уже никто не объяснял, до этого я допёр сам!

Подхожу к дверному проёму и осторожно в него заглядываю, стараясь не дышать и не моргать.

Я вижу лестницу, которая ведёт куда-то вверх.

Судя по всему, к выходу из этого странного подземелья.

Оттуда пробивается солнечный свет — длинным, узким, ослепительным лучом.

Надо бы повернуть обратно и продолжить поиски Дракулы в лабиринте тесных коридоров, но я чувствую, что так его и не найду.

По крайней мере сегодня, сейчас, в этот самый момент.

Я решаю выбраться наружу и посмотреть, где всё это находится.

А потом уже спуститься в лабиринт наяву.

Запомнить, где вход, выйти из дому, добраться до лабиринта и совершить подвиг.

Я шагаю навстречу солнечному лучу, сзади раздаётся неясный гул.

Сперва отдалённый, затем всё ближе и громче.

Я уже бегу по ступенькам, прыгая с одной на другую, ступеньки высокие, и скакать по ним неудобно, хотя ноги у меня длинные — ещё бы, с таким-то ростом!

Гул мне не нравится, а Симбе не нравится то, что со мною происходит.

— Эй, — опять говорит мне Симба, — ты чего это?

Я не отвечаю, я преодолеваю две последние ступеньки и выскакиваю на свежий воздух.

Гул позади меня становится таким громким, что хочется зажать уши, это уже не гул, а какой-то крик.

Земля начинает дрожать, я отбегаю как можно дальше от бетонированного отверстия входа, оборачиваюсь и смотрю на то место, откуда только что унёс ноги.

И вижу, что места этого больше нет — большой камень срывается откуда-то сверху и аккуратноенько закрывает собой вход в подземелье.

А земля продолжает дрожать, более того, я отчетливо слышу в её глубине тоскливый и отчаянный крик.

Крик горы, на самой вершине которой я нахожусь.

Не знаю, почему она сейчас кричит, но совершенно точно знаю, что это — та самая гора, у чьего подножия стоит дом, в одной из квартир которого находимся мы с Симбой.

Каждый за своим компьютером, вот только заняты мы разными вещами.

Симба, скорее всего, работает, а я валяю дурака.

Я пытался замочить графа Дракулу, но вместо этого оказался на вершине горы и услышал, как она кричит.

Так кричат от боли или ненависти.

Я встаю из-за машины и иду к окну.

Из него видна вершина горы, та самая вершина, на которой я стоял всего мгновение назад.

Гора заметно подрагивает, и кажется, что оттуда всё ещё доносится крик.

Но вот он стихает, гора опять неподвижна, солнце нависает над ней, касаясь её нижним краем, — вечер, солнце скоро зайдёт, и настанет жаркая июньская ночь.

А потом наступит утро, но я уже буду в пути.

Теперь я хорошо знаю, что должен делать.

Мне надо подняться на вершину и посмотреть, что там.

Может, действительно бункер, может — нечто другое, но там что-то есть, я убеждён в этом, как и в том, что именно там, на вершине горы, нечто угрожает Симбе.

И мне остаётся одно — найти это и уничтожить.

Ведь крик горы — это крик о помощи, иначе зачем она кричала?

Я уйду рано утром, пока Симба еще спит, успею подняться на вершину до полудня, а к вечеру буду дома.

Скажу, что ходил с приятелями гулять в центр.

Главное, чтобы с Симбой ничего не случилось до того момента, как я окажусь на вершине, ведь кто знает, может — граф Дракула действительно существует?

По крайней мере, сейчас мне это кажется намного более вероятным, чем свихнувшийся компьютер в заброшенном бункере.

Я возвращаюсь к машине и принимаюсь яростно мочить появившихся из-за угла, вооруженных до зубов придурковатых монстров!

VIS (Virtual Information Shadow)

Симба была в ярости — она терпеть не могла, когда её начинали доставать, а этот гад умудрялся доставать её с особенной цепкостью.

Козлячий гад, таких надо убивать в утробе матери, душить, четвертовать, сжигать заживо.

Приставучий маразматик, капнуть бы ему на лысину расплавленного свинца! А лучше — осиновый кол, прямо в задницу!

«Я умею ждать! Граф Дракула».

«Я тоже умею ждать, — подумала Симба, — я всё время чего-то жду. Хотя больше всего ненавижу именно это — ждать, ждать и ждать...»

Она посмотрела на племянника. Тот увлечённо резался в свой любимый Quake.

Обычно ярость прочищала Симбе мозги, и они начинали шуршать со скоростью последнего «Пентиума». Есть задача, которую надо решить. Есть ублюдок, который обложил её со всех сторон. Но интересно другое — откуда он выполз. Из-за какого угла.

И каким образом наткнулся именно на неё.

Случайность или — расчет?

Зависит от того, чего ему надо.

Если просто побаловаться сетевыми страшилками, это одно.

Если он одержим какой-нибудь сексуальной бредятиной — совсем другое...

Последнее, впрочем, маловероятно, с какой стати ему на неё западать, она ж не 90х 60х 90, да и вообще — чтобы запасть, надо что-то знать о человеке, хоть пару раз пообщаться, а их общение свелось к одной-единственной встрече, сегодня утром, за столиком уличного кафе...

Племянник побледнел как полотно, видимо, игра у него не ладится.

Симба решила, что ей пора заняться увлекательным делом — поискать в сети тень. Есть такое понятие — информационная тень, Information Shadow.

После того как обнаружишь тень, отыскать её хозяина уже не проблема.

Скорее всего, именно так этот подонок на неё и вышел — вплотную занялся розысками её тени, а кто ищет, тот находит...

Найти Симбу несложно.

Как и любого, кто регулярно бывает в сети.

Все мы оставляем следы, метим территорию.

Пользуясь банковской карточкой, посылая письма, получая счета за телефонные переговоры, ты отбрасываешь тень.

И особенно отчётлива твоя тень, когда ты бродишь по сети.

Заходишь в гости на какой-нибудь сайт, и там остаётся след: здесь был такой-то.

След этот невидим, но его можно выявить.

И пойти по нему, как собака-ищейка.

Добраться до твоего провайдера, а коли захочется — и до тебя лично.

Профессионалу это раз плюнуть, теперь вопрос — профессионал ли Дракула?

Узнать это Симба могла лишь одним способом: попытаться вычислить его точно так же, как он вычислял её.

Хотя её вычислить было легче.

Во-первых, дневник, который она создала с год назад и вела до сих пор.

Даже племянник мог его найти, стоило лишь озадачить какую-нибудь поисковую систему словом «Симба» и получить множество ссылок, из которых выбрать одну.

«Симба... Просто Симба».

На всякий случай надо бы убрать дневник из сети и отказаться от всех рассылок, на которые она подписана. Замести следы.

Если заметать их ещё не поздно. Этот урод знает о ней слишком много, нельзя исключить, что ему известен даже её городской адрес. Он может проникнуть в подъезд и ждать на лестничной площадке с обрезком водопроводной трубы — она откроет дверь и получит по голове.

А что потом?

И зачем ему бить её по голове?

Скорее всего, у него иные задачи.

Например, хорошенечко запудрить ей мозги и под каким-нибудь предлогом ещё раз выманить на улицу.

Ведь она, как и все женщины, любопытна.

«Я — любопытна?» — собирается спросить Симба у племянника, но тот так глубоко погрузился в свою игрушку, что спрашивать его о чём-либо бессмысленно.

Симба и без него знает, что любопытна. Именно этим в своё время и воспользовался харя — ей было интересно встречаться с ним, слушать его, даже спать с ним, хотя нет, она с ним не спала...

Спать — это когда проводишь вместе всю ночь, а харя всегда ночевал дома.

Так что они с харей просто трахались. Или — занимались любовью.

«Мы трахались или занимались любовью?» — думает Симба, глядя на племянника. Тот как-то очень уж увлечён охотой за монстрами, глаза абсолютно безумны, губы шевелятся...

«Мы с ним — трахались!» — решает Симба.

Сетевой дневник заблокирован, теперь войти в него невозможно. Кто попытается, увидит заставку «Страница временно недоступна».

Рассылки не блокируешь, но можно отказаться от подписки: мол, всё, ребята, ку-ку, вы мне больше не нужны!

«Ку-ку!» засылаются в сеть, а Симба представляет, что происходит сейчас с её информационной тенью.

Она скукоживается, становится намного меньше.

Но найти её при желании всё так же легко, ведь Симба не может уничтожить все свои следы, а впрочем...

Почему бы и нет?

Надо взять змею и запустить её в сеть.

Змею подарил ей знакомый хакер, весной.

Когда она уже вышла из больницы.

Ей было очень плохо, и она пустила хакера к себе на ночь.

Вот с ним она действительно — спала, хотя трахался хакер хуже хари.

Он был намного моложе и ещё не знал, что женщины любят, когда их любят, а не просто насилуют.

Хакеру хотелось кончить, и он не задумывался о том, чего хочется Симбе.

Но утром он подарил ей змею.

Точнее — маленький брелок для ключей.

Брелок оказался дополнительным жёстким диском на 128 мегабайт, из которых сама змея занимала чуть меньше одного, остальное место было свободно, чтобы змея притаскивала туда из сети всё, что находила.

Хакер так и сказал:

— Здесь живёт одна крошка, такая же славная, как и ты, в случае чего можешь поразвлечься. Только никому об этом ни слова, ладно?

— Я что, дура? — возмутилась Симба.

Парень улыбнулся и выскочил за дверь. Они до сих пор изредка переписывались.

Его подарком она ни разу не воспользовалась: не видела смысла.

Или попросту — не верила, что змея сработает.

Мало ли что наплетёт молодой оболтус, повёрнутый на жизни в сети и жаждущий отблагодарить тебя за ласку.

Подарочек валялся в выдвижном ящичке компьютерного стола, Симба быстро отыскала его среди старых дискет, компактв и прочей фигни.

Как он говорил? Вставить брелок в USB-порт?

Вставила.

Теперь войти в Norton и проверить, как себя чувствует обещанная змея.

Хакер не обманул: к дискам D и C прибавился ранее отсутствовавший диск F с единственным файлом — snake.exe.

Козлячий Дракула больше не разыщет Симбу. Ну, по крайней мере, если в сети появится ещё какой-нибудь псих с вампирским ником, Симбы ему не видать...

А племянник как-то встревоженно дышит, похоже, охота на монстров сегодня даётся ему с трудом...

Будь племянник постарше, ещё неизвестно, что бы вышло. Симба вспомнила харю, Симба вспомнила хакера. После него у неё не было мужчин. А иногда ей хочется, и это естественно. Может, граф Дракула не так уж плох, стоило бы с ним сдружиться?

Симба скорчила гримасу и запустила snake.exe.

Экран монитора вначале стал фиолетовым, а потом ярко-лимонным.

И на неё смотрели глаза.

Они были круглые и блестящие, две безжалостные пуговики.

Пуговики сидели на плоской змеиной голове. Голова широко открыла рот, и оттуда высунулось жало.

Симба не любила змей давно, с детства.

Как-то отец поймал ужа и позвал её, чтобы показать.

Уж был длинный и противный, Симба заплакала, и отец выпустил ужа обратно в траву.

С тех пор с живыми змеями она не сталкивалась, разве что в зоопарке, но и в зоопарке старалась на них не смотреть.

Харя любил водить её в зоопарк, странное такое развлечение.

Топтаться у клеток и вдыхать всю эту вонь.

Змея на экране свернулась в клубок, Симба задумалась, что делать дальше.

Наверное, просто ткнуть в Enter.

Симба нажала на Enter, змея моментально развернулась и изготавилась к прыжку.

Симба нажала на Enter ещё раз.

— Ну? — спросила змея.

Симба наступала на клавиатуре задание.

Змея опять высунула раздвоенный на конце язычок, слизнула проплывающий мимо текст и поползла в левый верхний угол экрана.

«Если весенний хакер сам замутил всё это, он — гений!» — восхитилась Симба.

Змея получила приказ уничтожить все следы пребывания в сети некоей особы по имени Симба.

Змее был известен ip-адрес её компьютера, змее был известен её e-mail.

Вся информация, содержащая эти параметры, должна быть стёрта.

И заменена другой.

Вместо настоящей тени появится псевдотень.

VIS.

Virtual Information Shadow.

А сама Симба пока займётся параллельным поиском.

Змея отслеживает тень Симбы, Симба будет отслеживать тень Дракулы, вдвоём веселее.

Вот только ходить по ссылкам на слово «Дракула» — и дня не хватит, их наверняка не один десяток тысяч...

...Хотя... Если пораскинуть мозгами...

Дракула понимает толк в баннерах.

Племянник сидит с отсутствующим лицом. Откуда у него такая страсть к компьютерам? Ни за сестрицей, ни за её мужем такого не водится...

Дракула не просто понимает толк в баннерах, он рисует их сам.

Он прекрасно рисует их сам, и непонятно, зачем ему понадобилось нанимать Симбу, но этот вопрос подождёт...

Он её достал, а когда её достают, она приходит в ярость.

Впрочем, харя её тоже когда-то достал, однако она любила харю и вместо ярости пришла в отчаяние.

Вдобавок ко всему харя ей сказал, что она ещё пожалеет, что решила от него уйти, она до сих пор не может понять, что он имел в виду.

А оставаться с ним больше было нельзя.

Если она о чём-нибудь и жалеет, то лишь об одном: он слишком много знает о ней, знает, например, что она боится странных серебристых существ с мохнатыми ушками.

Когда она начинала говорить о них, он поднимал её на смех.

И она затыкалась, а ведь ей всего-то и хотелось, чтобы он успокоил её, сказал, что всё это выдумки и тварей не существует!

Интересно, как поступил бы в подобном случае граф Дракула?

Тоже поднял бы Симбу на смех или, наоборот, вынул из кармана парочку и пустил летать по комнате?

Ну, положим, в комнату ему ещё надо войти, но Симба его не пустит, ему тут нечего делать, пусть проваливает, откуда пришёл!

Змея всё шляется где-то в сети.

В центре экрана висит квадратик, на котором постоянно меняются какие-то циферки.

Скорее всего, это отчёт уничтоженных змейёй файлов.

Наглядная демонстрация заметания следов.

Как всё же сформулировать запрос?

«Дракула и баннеры»?

Ответ явно будет отрицательный: 0 результатов.

«Дракула, рисующий баннеры?»

Можно и не пытаться, те же 0 результатов обеспечены.

«Компьютерный художник граф Дракула?»

Стоит попробовать, хотя интуиция подсказывает, что и так она ничего не найдёт.

Симба опять смотрит на племянника.

Племянник потный и красный, как её волосы.

«Чего-то мне надоел этот цвет, — думает Симба, — может, стоит перекраситься?»

— Майкл, — говорит она, набивая в поисковом окне два слова через дефис: «Дракула-дизайн», — тебе нравится цвет моих волос?

Придурочный племянник не отвечает, завяз в своих монстрах.

Если перекрашиваться, то в какой-нибудь цвет поспокойнее, например в нейтральный темный.

Или лучше — стать яркой блондинкой?

Нет, для блондинки она ещё молода, это сестрица стала белокурой, но ей по возрасту положено...

Забавно: сайт «Дракула-дизайн» в интернете есть.

Разработка графического оформления, изготовление рекламных баннеров и веб-страниц.

Только какой идиот обратится в фирму с подобным названием?

Впрочем, представленные образцы очень даже ничего, дело ребята знают.

Квадратик в центре экрана внезапно мигает и гаснет.

На его месте появляется змея и высовывает свой противный язык.

С языка каплют остатки подчищенных ею в сети файлов — логи, адреса, разрозненные недоеденные странички.

— Ты всё сделала? — спрашивает змею Симба.

— Всё! — отвечает та.

— Никаких следов?

— Никаких!

— Так что если начнут искать...

— Найдут другую, — шипит змея.

«Ну правильно, — думает Симба. — VIS, Virtual Information Shadow...»

Будут искать одну Симбу, найдут другую, но её это уже не коснётся.

Её касается граф Дракула, судя по всему, президент корпорации «Дракула-дизайн».

Директор конторы.

Хозяин, он же — owner, владелец.

mailto: owner@compghost.net

На страничке совсем другой адрес, но иначе и быть не может, не такой уж он идиот, раз не стоит сейчас за дверью с обрезком водопроводной трубы в руках.

mailto: info@drakula-design.inf

Скорее всего, он всё же собирался её похитить, но только зачем?

Чтобы заставить рисовать баннеры?

Под угрозой пистолетного дула, резиновой дубинки, того же обрезка трубы?

Пока она не знает, но ответ рано или поздно придёт.

Может быть, и по мейлу.

Хотя на этот самый info@drakula-design.inf лучше не писать, он сразу поймёт, что она его ищет, а это ни к чему.

Она просто опять запустит змею.

Если бы на сайте указывались телефоны, было бы проще, но граф хитрюга — лишь e-mail, больше ничего.

«Новое задание, — выстукивает на клавиатуре Симба. — Вот тебе два адреса...»

Змея внимательно слушает, хорошо ещё, что втянула в пасть свой противный язык.

«...owner@compghost.net и info@drakula-design.inf, существует ли между ними связь?

Это а).

И б). Где находится компьютер, которому принадлежат эти адреса?»

Племянник внезапно вскрикивает, Симба смотрит на него и видит, что тот долбит со всей мочи по клавишам, — похоже, в игре наступил перелом, и победа близка!

Белый город

Мне снилось, что Симбу захватили пираты.

Взяли в плен, похитили, умыкнули.

И мне предстоит спасти её, а потом — на ней жениться.

Она не может отказать своему освободителю.

Не имеет права.

Женщины любят, когда ради них совершают подвиги.

А почему именно пираты? Да какая разница!

Так приснилось.

На самом деле я в жизни не открывал ни одной книжки про пиратов, даже в далёком розовом детстве, лет этак в восемь-девять, когда такие книжки самое время читать.

И в десять-одиннадцать тоже не открывал.

И в двенадцать-тринадцать.

Тогда я уже всюду рублился с компьютером.

Но я смотрел несколько фильмов, а кое о чём мне рассказывал папенька.

Про остров в безбрежном океане и про то, как пираты захватили красавицу.

И главный герой отправился её спасать.

Сейчас этим главным героем был я, и сон мне очень нравился.

Прежде всего тем, что всё в нём было очень живописно.

Безупречно красивое небо.

Не синее и не голубое, а голубоватое с жемчужными просветами.

Такая же красивая вода — небо отражалось в море, они становились одного цвета, и где-то на горизонте просматривалась точка: корабль с Симбой на борту.

Понятия не имею, какого класса был корабль.

Может, шхуна, может, фрегат, — для меня между ними нет никакой разницы.

Просто парусник, на котором за линию горизонта увозят женщину с ярко-красными волосами.

Наверное, могло присниться что-нибудь другое.

Из цикла «Симба и гангстеры», «Симба и индейцы», «Симба и инопланетяне».

Но мне снились море, небо, точка на горизонте, и я был уверен в том, что эта точка — пиратский корабль.

Пираты на носу и корме. На верхней палубе и нижней.

И на нижней палубе, в накрепко запертой каюте, меня ждала Симба.

Мне надо было догнать корабль и взять его на бордаж.

Это слово я услышал в кино: папенька, пересказывая мне какую-то дурацкую книжку, его не произносил — я бы запомнил, я помню всё, что со мной когда-либо случалось.

Ну или почти всё...

По крайней мере лет с трёх-четырёх я помню почти всё, а навряд ли папенька пересказывал мне книжку про пиратов в мои два года.

Сейчас он иногда пересказывает книжки матушке, наверное, и в Турции занят тем же самым.

Они идут по какой-нибудь набережной, и он бубнит у неё над ухом, а она отмахивается или, наоборот, делает вид, что внимательно слушает.

Они гуляют по турецкой набережной, а я в это время сплю и собираюсь вырвать Симбу.

Мне тоже нужен корабль, но я понятия не имею, где его взять.

Не стану же я догонять пиратов вплавь — плаваю я не очень, а они далеко.

И тут я вижу бухту, в которой очень много кораблей со спущенными парусами.

Больших и маленьких, с одной мачтой, двумя и тремя.

Они стоят на якоре в бухте, отгороженной от моря двумя высокими волнорезами и по форме похожей на подкову.

К бухте сбегают извилистые улочки, застроенные двухэтажными белыми домами.

И я вдруг понимаю, что стою возле одного из этих домиков и готовлюсь спускаться вниз по узкой мостовой.

Переходить с одной стороны на другую, сворачивать, петлять — пока не окажусь в гавани.

А корабль с Симбой уже почти скрылся за горизонтом.

Симба — любовь моя...

Я могу признаться себе в этом только во сне.

Я люблю Симбу и я чувствую, что хочу её, ведь это, наверное, всегда так: если любишь — хочешь...

Я боюсь этого слова, я ещё плохо представляю, что оно означает.

Теоретически я знаю, но практика — совсем другое дело!

Я прохожу мимо крепости, которая возвышается у входа в порт, какая-то ненастоящая, игрушечная, из серого мрачного камня, с весёлым флажком, развевающимся на центральной башне.

И по обе стороны от крепости — пристань с многочисленными кораблями.

Я никогда не видел ничего подобного наяву.

Ни такого белого города, ни таких уютных домиков, ни такого красивого неба, ни такого прозрачного моря.

Различим каждый камешек на дне.

И стайки рыбок, мельтешащие возле камушков.

Рыбки странные — все будто одинакового размера, серебристые, с чёрными пятнышками у хвоста.

Пятнышко с одной стороны и пятнышко — с другой.

По идее, с берега я не могу видеть эти пятнышки так отчётливо, но я их вижу, вижу и шевелящих иглами чёрных морских ежей, и странные тёмно-синие звёзды, и губки с колышущейся бахромой щупальцев.

Я отступаю от берега, поворачиваюсь и почти бегу вдоль набережной.

Точка корабля, увозящего Симбу, уже исчезла, и времени у меня в обрез.

Белый город спит — слишком рано.

Закрываются припортовые ресторанчики, кафе и бары, ещё не спустились к морю владельцы одно-, двух- и трехмачтовых яхт.

Папенька перед отъездом долго убеждал матушку, что они обязательно должны отправиться в круиз на яхте, хоть на один день.

— Ты не представляешь, — говорил он ей, — как это здорово!

— Отчего же! — возражала матушка. — Очень хорошо представляю, посадят нас на какую-то лодку и начнут возить взад-вперед, солнце палит, я обязательно сторю...

— А ты будешь мазаться кремом, — уговаривал папенька, — тогда не соришь, но зато какой воздух, какие виды!

И они опять начали ругаться, но сейчас я жалею, что папеньки нет рядом, он умеет ставить паруса, по крайней мере на словах умеет.

Он умеет, а я — нет.

Даже наберись я наглости и запрыгни на борт любого из этих суденышек, я просто не соображу, что делать дальше.

Вначале надо выбрать якорь, это я знаю.

Якорь или поднимают вручную, или включают специальную маленькую лебёдку.

Последнее, наверное, проще.

Но вот что потом?

Я опять оглядываю горизонт.

Пиратский корабль давно скрылся из виду.

Симба вне досягаемости, но я должен спасти её.

Можно попытаться найти вёсельную лодку, однако на вёслах мне не догнать корабль.

Несмотря на то, что это странное море так спокойно и до невозможности прозрачно.

И ветра почти не чувствуется, хотя как я тогда пойду под парусами?

Я останавливаюсь около очередной яхты, приткнувшейся к причалу, и понимаю, что всё бессмысленно.

Симба, любовь моя, ты навсегда исчезла за горизонтом.

Главный гад заставит тебя выйти за него замуж, а я этого не переживу.

И покончу с собой прямо здесь, на пока ещё пустынной набережной белого города.

— Симба! — кричу я. — Симба! Ты где?

Одинокая чайка кружит над прибрежной волной, стайки серебристых рыбок с чёрными пятнышками у хвоста всё выются на мелководье, и всё шевелят бахромой своих щупальцев губки, контрастно выделяющиеся на сероватом донном песке.

Симба не отвечает, и я догадываюсь, что ей очень плохо.

Она сидит в тёмной маленькой каюте, её заперли на замок, она плачет и ждёт, когда же её спасут.

А я не могу её спасти, я не умею ставить паруса и держать штурвал — так, по-моему, называется эта похожая на автомобильный руль хреновина, которую крутят по часовой стрелке и против.

И я трачу время, я теряю кучу времени, бестолково бегая по белому берегу вдоль белых домов.

Чайка взмывает ввысь, в клюве у неё трепещет серебристая рыбёшка, кажется, я вижу даже чёрное пятнышко у хвоста.

Мне страшно, мне хочется плюхнуться в воду и улечься на самое дно, превратиться в морского ежа, или в синюю морскую звезду, или в губку, или — в цветную гальку, коричневую, белую, красную.

— Симба! — опять кричу я. — Симба!

Симба не отвечает, и я прыгаю в странную, жемчужно-прозрачную воду.

Я умею плавать, пусть и не так хорошо, как папенька.

И если я не в состоянии поставить парус, то поплыву, загребая руками.

Туда, к горизонту, где скрылся корабль, на котором увозят Симбу.

Белый город остаётся за спиной, как остаются и яхты, и оба волнолома, и вся бухта с

возвышающейся над ней крепостью.

И тут я понимаю, что плыть дальше у меня нет сил.

Что сейчас я пойду на дно и никогда не увижу Симбу.

Действительно — никогда.

На самом деле — никогда.

И вообще больше ничего не увижу.

Меня просто не станет, мои лёгкие заполнятся водой, я буду лежать на дне, под толщей жемчужно-прозрачной воды, а серебристые рыбёшки, морские ежи, звезды и губки будут радоваться, что у них так много пищи.

Появятся и другие твари, которых я не заметил у берега.

Крабы и осьминоги, к примеру.

Живых крабов я видел, а осьминогов — никогда, только по телевизору и на картинке в учебнике.

Опять это слово — никогда.

Меня трясёт от него, знобит, будто я лежу в постели с высокой температурой, и рядом никого, кто дал бы спасительную таблетку.

Или натёр мне лоб разведённым уксусом, как натирала матушка, когда я был совсем маленький.

Я начинаю опускаться на дно, я не хочу тонуть, но плыть я не могу.

Мне не спасти Симбу.

И не жениться на ней.

Это плохой сон, хотя и очень красивый.

Во всяком случае, прежде мне не снились такой белый город и такое прозрачное море.

И небо, чей цвет растворяется в жемчужном цвете воды.

Мне хочется одного — чтобы сон скорее закончился, и я проснулся на суше.

В своём городе, в Симбиной квартирке у подножия горы.

Я не хочу, чтобы по мне ползали крабы и прочая морская живность, я пытаюсь последним усилием вынырнуть из сна, и — ура! — мне это удаётся.

Я открываю глаза, сквозь шторы на окне пробивается луч солнца.

Ещё совсем слабый, видимо, только-только начался восход.

Я лежу весь мокрый от пота и тяжело дышу.

Безумный сон отступил, белый город остался там, куда утром уходят сны.

И тут я вспоминаю, что должен делать.

Я напрочь забыл об этом во сне, но сейчас вспомнил.

Про гору и про то, что там, на вершине, есть нечто, что мешает всем нам.

И прежде всего — Симбе.

Вечером я чётко понял, что с утра мне надо встать пораньше и улизнуть из квартиры, так, чтобы Симба не проснулась.

Иначе она меня застукает, и мне придётся сидеть дома, а граф Дракула будет преследовать Симбу и дальше...

Теперь ясно, отчего мне снился этот бред про пиратов.

Город был на самом деле красивый, но он остался во сне, а я уже тут, наяву...

Если я выйду прямо сейчас, то к обеду, скорее всего, вернусь обратно, и Симба не рассердится.

Впрочем, что-нибудь пожрать неплохо бы прихватить — хоть пару бутербродов и

бутылку с питьевой водой, в такую жару мне точно захочется пить...

На часах полшестого, я натягиваю джинсы, стараясь двигаться как можно тише.

Надеваю футболку и прокрадываюсь на кухню.

В холодильнике есть сыр, я отрезаю несколько ломтиков и делаю себе четыре бутерброда. Хлеб с сыром, но без масла, масло растает на жару. Прихватываю из холодильника большую пластиковую бутылку с минеральной водой. Хорошо, что она без газа. Терпеть не могу газированную воду — от неё в животе урчит.

И прикидываю, куда бы мне положить провизию.

Во сне таких проблем не возникает, собираясь спасти Симбу от пиратов, я совершенно не думал о том, чтобы взять с собой бутерброды.

И воду.

И всё это упаковать.

А тут приходится, ведь высота горы — почти километр.

И сколько времени мне на неё подниматься — я не знаю.

Может быть, час, а может, и два, и три...

Так что лучше найти какую-нибудь сумку типа рюкзачка, у Симбы такая должна быть, вот только где мне её искать?

Я иду в коридор и смотрю под вешалкой.

Под вешалкой пусто, пусто и на полке для головных уборов.

Точнее, там лежит всё что угодно, кроме нужной мне сумки.

Правда, есть ещё кладовка, куда я и заглядываю.

И оказываюсь прав — маленький розовый рюкзачок с двумя ляпочками и кармашком.

Такой маленький, что бутылка с водой явно будет торчать наружу, но мне это не мешает.

И нести его придётся на одном плече, на оба он не налезет.

Но и это мне не мешает, главное — рюкзак нашёлся.

И ещё — надо оставить Симбе записку.

Чтобы она не разволновалась и потом не пожаловалась родителям.

Хотя жаловаться она навряд ли станет.

Но я всё равно не хочу, чтобы папенька с матушкой узнали о том, что я собираюсь делать.

Собираюсь — и сделаю.

Потому что должен...

Просто должен — и всё тут!

Я возвращаюсь на кухню, укладываю свёрток с бутербродами и бутылку с водой в рюкзачок, завязываю его и тихо-тихо, чуть не на цыпочках, отношу обратно в прихожую.

А затем иду в комнату, обнаруживаю возле Симбиного компьютера листок бумаги, аккуратно отрываю от него полоску, беру ручку и пишу:

«Симба, не волнуйся, я скоро приду. Наверное, к обеду».

И подписываюсь: «Майкл».

Записку можно оставить здесь, но пока проснувшаяся Симба доберётся до компьютера, она уже начнёт волноваться.

А этого допускать нельзя.

И я решаю положить записку рядом с её кроватью, на тумбочку — там справа тумбочка стоит.

У двери, за которой спит Симба, я медлю.

Отчего-то я боюсь входить, но солнце за зашторенным окном палит всё сильнее, мне надо спешить, и я открываю дверь.

Окно здесь тоже зашторено, однако я не смотрю на окно.

Света и так достаточно.

Симба спит на спине поперёк кровати, сбросив простыню, закинув руки за голову.

И я вижу всё, чего мне не полагается видеть.

Я вижу её грудь и чёрную поросль между ног.

Ещё никогда я не видел этого у реальной женщины.

Пусть спящей, но реальной.

Мне не хочется уходить, мне хочется стоять и смотреть: час, два, три, всё то время, пока Симба будет спать...

Но тут она вздрагивает, сводит ноги, поворачивается на бок.

Я сглатываю слюну и последний раз смотрю на спящую Симбу.

Её красные волосы кажутся сейчас такими же чёрными, как те, которые я только что видел.

Разве лишь не такими курчавыми.

Мне вдруг становится стыдно, я чувствую, что краснею.

Меня прошибает пот.

Я осторожно кладу записку на тумбочку и, стараясь не оглядываться, выхожу из комнаты.

А потом выскакиваю в коридор, хватаю рюкзачок и оказываюсь на площадке.

Я ещё могу вернуться — дверь в квартиру открыта.

Но я захлопываю её, сбегая по лестнице вниз.

И оказываюсь в пустынном, уже залитом солнцем дворе.

Таком же пустынном и залитом солнцем, как приснившийся мне сегодня ночью белый город.

Вот только небо другого цвета, а вместо моря — гора.

И до её подножия идти совсем недолго — каких-нибудь десять минут.

Я забрасываю рюкзачок на правое плечо и убыстряю шаг.

Поиски Дракулы

Симба смотрит на листок бумаги и в который раз перечитывает коряво выведенный текст.

«Симба, не волнуйся, я скоро приду. Наверное, к обеду».

Подпись: «Майкл».

Со времени обеда прошло уже два часа, нормальные люди обедают в три, не позже.

Это европейский обед сервируется после шести, может и в семь, и в восемь, а порою в девять.

Но Майкл не принадлежит к тем, кто питается на европейский манер, он привык обедать максимум в три — в доме сестрицы режим соблюдают.

Чёртова сестрица, валяющаяся с мужем на турецком песочке.

А Симба тут сходит с ума, точнее, начинает сходить с ума.

Этот ботаник, постоянно краснеющий и потеющий, выкинул абсолютно неожиданный финт, смылся.

Накарябав записку, из которой понятно одно: меня всё достало, и я пошёл погулять. Проветриться. Размяться. А ты не беспокойся, всё будет тип-топ, я скоро приду, ещё до обеда...

Симба и сама обед приготовила: спагетти болоньезе.

Звучит красиво, хотя это не что иное, как обыкновенные макароны по-флотски. Только чуть более навороченные. Рецепт Симба вытасила из сети ещё в тот раз, когда собиралась кормить обедом харю. Она надеялась, что это поможет.

Симба покосилась на харю. Тот загадочно улыбался, и Симба почувствовала, что по её спине бежит холодок.

И всё это перестало ей нравиться.

Даже запах с кухни ей больше не нравился, хотя сегодня макароны получились намного лучше, чем когда она пыталась ублажать желудок хари.

То ли фарш был свежее, то ли помидоры спелее, а может она специи положила какие-то другие, но пахло круче.

Вот только легче от этого не становилось.

Племянник ушёл из дому, и ему давно пора бы вернуться.

Из дому, ему, му-у-у!

Харя не в меру развеселился — видимо, давно не получал в глаз.

Симба посмотрела на дротики и поняла, что сейчас ей не попасть: у нее дрожат руки, ей не по себе, харя всегда удивлялся её способности предчувствовать то, что ещё только должно случиться.

Ничего ещё не произошло, а она уже обо всём догадывается.

Про того же харю она всё поняла за две недели до их разрыва.

Первую неделю ревела, а вторую скрежетала зубами и постоянно тащила его в постель — напоследок, чтоб оттянуться всюю...

Скоро и европейский обед закончится, а племянник до сих пор где-то шастает.

Хорошо ещё, у Симбы нет телефона — вдруг бы сейчас позвонила сестра?

«Здравствуй, Симба...»

«Здравствуй...»

«Как вы там?..»

«Хорошо...»

«А где Миша?..»

«Нет его, ушёл погулять, обещал быть к обеду, обед давно остыл, а его всё нет, и я уже на рогах...»

Сестра берёт билет и летит обратно.

Хотя это нереально: у них с мужем тур, так что как она поменяет билет? Никак... Будет там сходить с ума, а потом выставит Симбе счёт за испорченный отпуск.

Не уберегла мальчика, выпустила его из своих хрупких лапок.

Вообще-то ей не по нутру, как лыбится харя.

Лыбится. Ухмыляется. Скалится.

Если бы было кого позвать, она позвала бы кого-нибудь и попросила помочь.

В одиночестве она боится, пусть хоть и непонятно — чего.

Но — боится, племянник должен был прийти максимум в три, а уже почти шесть.

Скоро шесть, племянник круглый идиот, обещал вернуться к обеду — возвращайся!

Если он не придёт через час, надо что-то делать, вот только что?

Симба не знает, Симба тупо смотрит на монитор.

Она часто смотрит на монитор — это её зеркало.

В уголке экрана дремлет змея.

Интересно, что она надыбалась там, в сети?

Если в доме нет мужчины, придётся обратиться к змее, больше не к кому.

Симба загружает snake.exe.

Змея расправляет кольца и пристально смотрит на Симбу.

«Задание?» — выстукивает Симба на клавиатуре.

Змея радостно высовывает раздвоенный на конце язычок. Больно уж картинная у весеннего хакера получилась змеюга, стилизованная под всех змей на свете. И язычок у неё раздвоенный. И чешуйки чересчур серебристые. И глазки жёлтые, пуговками, с чёрными мерцающими точками по центру.

«Посмотри в базе!» — отвечает змея.

Симба заходит в базу программы и видит несколько файлов под порядковыми номерами: 1, 2, 3, 4.

Она открывает первый файл.

Отчёт по адресу owner@compghost.net... Хостинг... Головная машина... Провайдер... Провайдер в Италии... Ради этого змею можно было не засылать, весенний хакер сварганил шнягу...

Хотя нет, данные регистрации... как она их вытащила? Некто Александр Викторович, без фамилии.

Private person. Частное лицо.

Пол: мужской.

Место проживания: Россия.

Профессия: прочерк.

Nick-name: прочерк.

Таинственный Александр Викторович умеет замечать следы. Частное лицо, мужской, Россия, прочерк, прочерк...

Контакты: ни телефона, ни адреса.

Лишь еще один e-mail.

info@drakula-design.inf

Что и требовалось доказать.

Симба истерично хохочет. Змея вздрагивает и шипит.

— Успокойся, — говорит ей Симба, — ты умничка, сползала в Италию и притащила мне хвост этого козла...

Всё бы хорошо, если б не племянник.

Спагетти болоньезе превратились в нечто малосъедобное, придётся разогревать, а это уже не то.

А племянник всё где-то шляется, и Симбе это не нравится.

Не нравится, и точка!

Если он не появится часа через два, значит, что-то случилось.

И его придётся искать.

Но как и где?

Не бежать же в милицию, только этого не хватало!

Змея опять шипит, и Симба начинает понимать, что та хочет ей сказать.

— Хорошо! — отвечает Симба и быстро открывает следующий файл.

Порядковый номер 2.

Электронный адрес info@drakula-design.inf.

Регистрация.

Александр Викторович.

Фамилия — Мизеров.

Александр Викторович Мизеров. Дизайн, изготовление и поддержка веб-сайтов.

Россия. Область. Город.

Nick-name.

Граф Дракула.

Между прочим, тот самый город, который виден за Симбиным окном.

Но она уже знает, где прописан Александр Викторович Мизеров, и знает, как он выглядит.

Мизеров. Дурацкая фамилия, похожая на псевдоним.

Наверное, он любит преферанс, тогда понятно, что Мизеров — от «мизер».

Харя, кстати, тоже любил преферанс. Играя в преферанс, он забывал про Симбу, и они не встречались. День, два, доходило до недели. Это называлось — запойная игра.

И ещё у хари был партнер по кличке Мизер.

Харя уже не улыбается, а неприятно щерится.

Ему что-то не по вкусу, похоже, Симба вторглась туда, куда вход ей заказан.

Двинулась не налево и не направо, а прямо.

По кратчайшей дороге.

Её обложили, загнали в угол, но у неё под рукой оказалась змея. И всё бы хорошо, если б не племянник. Племянник пропал, племянника надо найти. Но в одиночку ей с этим не справиться.

Вопрос: кого попросить о помощи?

Ответ: ответа пока нет...

Хотя Симба начинает догадываться, кому она сейчас пошлёт мейл.

Вот только посмотрит файлы под номерами 3 и 4.

Змея умнее, чем она думала.

В файле под номером 3 — данные о связи двух адресов между собой. Оба адреса зарегистрированы на одной и той же машине. И указан провайдер, тот же, что и у Симбы.

В принципе, четвертый файл открывать уже ни к чему, но вдруг там окажется самое любопытное?

И виртуальная тень станет реальностью.

Телефон, адрес, освещённый квадрат окна.

Жаль, окна в домах ещё не светятся — слишком рано!

Надо будет поблагодарить весеннего хакера.

Прижаться к нему и нежно поцеловать в ушко.

И позволить ему поцеловать себя, хотя целоваться ей не хочется.

Ни целоваться, ни заниматься любовью.

Племянник — полный козёл!

Малолетний придурок, влюбился он в неё, что ли?

Прознай об этом сестрица, она утонула бы в своей Турции, бульк — и нету...

В файле под номером 4 — база данных договоров провайдера.

Тащить её змее, видимо, было труднее всего — база большая и тяжёлая, почти на тысячу адресов.

Симба щёлкает на «Поиск» и в окне «Найти» пишет: Мизеров Александр Викторович.

Задаёт направление: «Вперёд», — и командует «Найти далее».

Машина секунду шуршит и высвечивает нужную строку.

Договор на интернет-услуги под номером 342.

Симба пытается вспомнить номер собственного договора.

Вроде бы 671.

Александр Викторович поселился в сети раньше, хотя это несущественно.

Существенно другое: где племянник и что Симбе делать?

Можно, конечно, выйти из подъезда, пересечь дорогу и свернуть во двор дома, расположенного наискосок, на другой стороне улицы, неподалёку от продуктового магазина.

Найти нужный подъезд, войти в него и отыскать указанную в базе квартиру.

№ 23.

Скорее всего, это первый подъезд, потому что дом, как у неё, девятиэтажный, а на площадке по четыре квартиры.

Значит, Дракула живёт на шестом этаже, первая дверь справа.

Симба уважительно смотрит на змею, та вновь свернулась клубочком и дрыхнет в уголке монитора.

Александр Викторович Мизеров — Дракула так доставал её все последние дни, что и ей теперь не грех слегка его напрячь.

И лучше — по мейлу.

Кому:

owner@compghost.net

Копия:

info@drakula-design.inf

Тема сообщения:

Александр Викторовичу Мизерову от Симбы.

Текст:

«Уважаемый господин Мизеров, более известный как граф Дракула! Прошу извинить меня, что так и не смогла помочь вам в изготовлении баннеров, но сейчас у вас есть возможность заполучить меня для этой роли: у меня возникли траблы, и мне нужна ваша помощь. Я, конечно, могу прийти к вам сама — у меня есть все ваши координаты, но предпочитаю принять вас на своей территории, даже покормить могу! Если вас заинтересует моё предложение, ответьте сразу, и я объясню вам, как меня найти. С уважением, Симба».

Коли он и вправду граф Дракула, он поймёт, что такое траблы.

Сетевой жаргон. В переводе с английского — неприятности.

Сваливший в неизвестность племянник — это траблы.

И лыбящаяся временами харя — тоже траблы, только с харей она справится сама.

И ещё — чего хотел от неё господин Мизеров все последние дни?

Это уже не то чтобы траблы, но всё-таки забавно.

Будто её целенаправленно пытались довести до паранойи.

Загнать в угол, свести с ума, сглючить, вот только чего ради?

Но главное — племянник.

Симба ещё раз перечитывает письмо, щёлкает на Send.

Письмо уходит, можно перевести дух.

И на всякий случай — переодеться.

На ней опять почти ничего нет, а Дракула — взрослый и серьёзный мужчина.

И вдруг он на самом деле — маньяк?

Начнёт бегать за ней по квартире с ножом, а потом загонит в ванную и пустит ей кровь.

Плевать, что такая жара, она перестрахуется, наденет что-нибудь построжее.

И другого цвета. Неяркое.

Чтоб ни жёлтого, ни зелёного, ни красного.

Например, чёрные джинсы и чёрную майку.

И повяжет на голову чёрную бандану.

Чтобы его не смущал цвет её волос.

Не смущал, не волновал, не возбуждал!

Харя вот красный цвет не любил, она и перекрасилась только тогда, когда харя исчез из её жизни.

Вроде бы исчез, а на деле превратился в настенную мишень.

Симба достаёт из угла джинсы и чёрную майку.

Лучше, наверное, погладить, но можно и обойтись.

Блямкает почта.

Всего одна фраза.

«Чем будешь кормить?»

Подпись: «Дракула».

Симба быстро набивает ответ:

«Спагетти болоньезе!»

И отправляет без подписи.

Ответил быстро, значит, явится минут через десять.

Симба натягивает джинсы и меняет майку.

Остаётся найти бандану, но где она?

Нет ни на этой полке, ни на той....

Племянник полный придурок, из-за него она вынуждена рыться в шкафу и искать

какой-то дурацкий кусок материи, о котором не вспоминала с весны — последний раз надевала бандану в начале мая, а потом засунула в шкаф и забыла.

Опять почта. Можно не гадать, от кого.

«Твой адрес, Симба? Граф Дракула».

Симба набивает адрес и отправляет письмо.

Если она рассчитала правильно, он будет даже быстрее чем через десять минут — тут идти не больше пяти.

Плюс войти в подъезд, подняться на лифте и позвонить в квартиру.

Бандана обнаруживается на самой нижней полке, под старыми колготками и какими-то давними свитерами.

Теперь закрыть шкаф и быстро к зеркалу.

И ещё — не забыть спрятать змею.

Повязать бандану и спрятать змею!

Выключить, загнать обратно в брелок, а брелок повесить на шею.

Она со змеёй никогда не расстанется!

Никогда и ни за что!

Она его покормит и только потом расскажет, что произошло.

Какие траблы случились.

Будет смешно, если племянник явится, когда они будут доедать спагетти болоньезе.

Явится, посмотрит на них и покраснеет — наверняка подумает что-то не то.

Но он не явится.

Симба в этом уверена, иначе не просила бы о помощи.

И помощь уже на подходе — кажется, она слышит шаги.

Правильно, в дверь звонят.

Симба идет открывать и замечает, что харя на стене склабится как-то натужно, будто пытается сделать всё, чтобы дверь так и осталась запертой.

— Кто там? — на всякий случай спрашивает Симба и слышит в ответ сначала смешок, а потом вчерашний утренний голос:

— Это я, граф Дракула! Открывай!

Восхождение

Вблизи гора выглядит гораздо внушительнее, и мне не верится, что в ней меньше тысячи метров высоты.

Это только считается, что она низенькая, а подумав, понимаешь: подъём продлится не час и не два, невозможно предугадать, когда я окажусь на вершине, которая отсюда, от подножия, не просматривается.

И ещё я обалдеваю от того, какая гора красивая.

Издали это не так заметно — ну, поросшая странными, какими-то причёсанными соснами гора, почти правильный конус, раздваивающийся наверху, и получается, что у горы не одна вершина, а две — самая высокая точка левее, а чуть пониже, на отлёте, ещё вершинка, как два зубца вилки, один из которых обломан.

Забавно, я живу возле неё целых пятнадцать лет, но ни разу не приближался к ней вплотную, впрочем, и почти никто в городе не жаждет там прогуливаться, что-то вынуждает взрослых говорить о горе с опаской.

Папенька называет её просто «Она».

Я смотрю на гору, и мне чудится, что и гора с любопытством поглядывает на меня.

Сейчас около семи утра, Симба, наверное, ещё спит и не прочитала мою записку.

Я зажмуриваюсь и вновь вижу спящую на спине Симбу, сбросившую с себя простыню.

И чёрный курчавый треугольник между её ног заставляет меня сглотнуть слюну.

Солнце уже утвердилось над горизонтом, вскоре станет жарко, так что мне пора начинать подъём.

Легко сказать — пора.

На гору не ведёт никакая тропинка, прямо от подножия, чуть ли не с того места, где я стою, вверх по склону тянется густой подлесок.

А тропинки тут должны быть — ведь на городском базаре торгуют июньской земляникой с горных полей, а под конец лета — мёдом, тоже якобы с горы.

По крайней мере, так утверждают торговцы.

И матушка, притаскиваясь домой, уверенно произносит:

— Вот, меня убедили, что этот мёд — с горы.

— Якобы с горы... — сомневается папенька.

— Пусть якобы, — отвечает матушка, — он всё равно вкусный, так что скажи спасибо.

— Спасибо, — говорит папенька.

Вот откуда я знаю слово «якобы».

Что-то типа «вроде бы» или «как бы», я раз попросил матушку объяснить, и она так и сказала — что-то типа «как бы» или «вроде бы»...

Короче, тропинки вроде бы действительно должны быть, если на горе кто-то якобы держит пчёл...

Я улыбаюсь, поправляю Симбин рюкзачок на правом плече.

И понимаю, что забыл взять одну штуку, которая мне очень пригодилась бы.

В пути с ней намного веселее. То есть с ним. Штука — она, плеер — он. Переехав к Симбе, я так и не достал его со дна сумки. Обычно я не в состоянии прожить без музыки и десяти минут, а вот вчера мне было не до музыки, я даже не вспоминал о её существовании.

Однако сейчас мне захотелось нацепить наушники и нажать на кнопку Play.

Конечно, можно вернуться за плеером, но тогда придётся разбудить Симбу, и больше она меня никуда не пустит.

Остаётся шагать в тишине, хотя тишиной это не назовёшь — так вопят в кустах какие-то утренние птахи. Я задерживаю дыхание, будто перед прыжком в воду, набираюсь смелости и раздвигаю ветки с продолговатыми зелёными листьями.

Я не знаю имени этих птах, я не знаю названия этих кустов.

Ветки смыкаются за мной, впереди — новые кусты и новые ветки.

Птахи возмущённо орут, солнце ещё не раскочегарилось как следует, но мне уже жарко и хочется пить.

Воды у меня с собой всего одна бутылка, так что я решаю потерпеть и продолжаю продираюсь сквозь подлесок, то запинаясь о корни, то путаясь в траве.

Трава здесь растёт неравномерно, перемежается проплешинами голой почвы, по поверхности которой змеятся зигзаги тонких корней.

Ветки только и делают, что с размаху хлещут меня по лицу — словно кусты отвечают мне пощёчины.

Подлесок никак не кончается. Смогу я когда-нибудь подниматься на эту чёртову гору нормально, не глядя под ноги?

Мой папенька — любитель таких экстремальных прогулок. Перед отъездом он всё беспокоился, не заскучают ли они с матушкой в Турции. И вычитал в путеводителе, что неподалёку от их отеля, который расположен между двумя горами — там ведь вдоль побережья сплошные горы, — имеется водопад.

После того как он про этот водопад вызнал, весь вечер сидел и мечтательно разглагольствовал о том, как они с матушкой отправятся к нему пешком.

Даже заставил её положить в чемодан кроссовки. Для него и для неё.

Хотя матушка явно предпочла бы какое-нибудь другое развлечение.

В крайнем случае, её бы устроило, если бы к водопаду их отвезли на автобусе.

Я спотыкаюсь об очередной дурацкий корень, но удерживаюсь на ногах. Если в ближайшие пять минут я не обнаружу тропинку, боюсь, до вершины мне не добраться не то что к обеду, но и к вечеру, а может, и к завтрашнему утру. Хорошо ещё, здесь нет лиан, как в документальных фильмах канала «Дискавери», которые иногда показывают по нашему кабельному, — чтоб рубить лианы, мне бы понадобился нож, а нож я тоже не взял.

Лучше ножа — мачете, но мачете я видел только в кино.

Как, впрочем, и лианы.

Симба, наверное, уже проснулась — судя по всему, время к восьми, я и часы, между прочим, забыл.

Идиот. Без плеера на горе можно обойтись, а без ножа и часов придётся трудновато. Ориентироваться по солнцу я не умею. Вроде бы меня этому учили, но разве запомнишь всё, чему тебя учат!

Вот если папенька с матушкой попрутся к водопаду, папенька часы ни за что не забудет!

У него патологическая страсть к точному времени.

А ещё — к прогнозам погоды на ближайшие дни.

Мало того что он смотрит метеосводки по всем каналам, так ещё и в сеть за ними лазит.

Причём что касается местных, городских прогнозов — это ещё понятно. Но зачем ему знать, какая погода завтра в Барселоне? Или в Дублине? Или в какой-нибудь Никосии? Барселона в Испании, Дублин — в Ирландии, а про Никосию я знаю лишь то, что это чья-то

столица.

Можно попробовать вспомнить, чья.

Кажется, какого-то острова в Средиземном море.

Столица какого острова в Средиземном море называется Никосией?

Я опять спотыкаюсь.

Дурацкие корни, и чего меня понесло на утреннюю прогулку?

Сколько раз папенька предлагал мне бегать с ним по утрам — я отвечал, что я не больной, сам пусть бегают.

Видимо, всё же больной, хотя это не болезнь, это — Симба!

Которая, скорее всего, ещё спит, а я тащусь ради неё на эту проклятую гору.

Вбил себе в голову, что на вершине что-то есть.

А там наверняка ничего нет.

И потом — вершины две, на какую мне подниматься, на правую, что пониже, или на левую?

Я бы всё отдал, чтобы ещё разок посмотреть, как спит Симба — сбросив простыню, на спине, закинув руки за голову.

И вновь увидеть то, чего мне не полагается видеть.

Её высокую грудь и чёрную поросль между ног.

Я действительно никогда не видел этого у реальной женщины.

Дурацкое слово — тётка.

Тётка, я схожу по тебе с ума!

Я люблю тебя, тётка.

Отчего-то мне становится смешно, хотя должно бы стать очень грустно.

Я уже битый час ломлюсь сквозь подлесок, а на тропинку всё не набреду.

Птахи теперь вопят не так громко, как вначале, — похоже, время утреннего ора закончилось, и у них передышка.

А у меня передышки нет, несмотря на то что хочется уже не только пить, но и есть.

Три бутерброда.

Если позавтракать ими сейчас, еды совсем не останется.

Сколько мне ещё шататься по этим зарослям?

И вдруг я понимаю, что недолго.

Впереди виднеются темнокорые узловатые сосны, там нет подлеска.

Неужели мои мучения закончились?

Ну да, почти закончились, осталось пройти несколько метров, продраться через оставшиеся кусты, траву и корни.

По моим прикидкам путь до этого места занял больше часа, а то и все два.

Понемногу я начинаю терять ощущение времени. Мне кажется, что я только-только вышел из квартиры Симбы, и одновременно — что я тащусь через кусты чуть не целую вечность.

Именно «чуть не», потому что кусты уже позади, и я вижу тропу.

И говорю вслух:

— Вау! Я сделал это!

Скидываю рюкзачок, сажусь под ближайшей сосной, достаю бутылку, припадаю к тёплому пластиковому горлышку.

И пью.

Пью долго и жадно, хотя понимаю, что воду нужно экономить — что я буду делать, когда бутылка опустеет?

Искать родник?

А если родников здесь нет?

Или вода в них непригодна для питья?

Я закрываю бутылку и убираю её в рюкзак.

В животе булькает. Надо вставать и идти дальше, но мне неохота.

Сидеть под сосной хорошо, наверное, не хуже, чем за компьютером в квартире Симбы.

Я не папенька, которому нравятся экстремальные прогулки.

И тем более не матушка, которая сейчас бредёт рядом с ним по тропинке к водопаду.

Это не глюки — я отчётливо вижу, как они поднимаются по горной тропинке, почти такой же, как та, что вьётся передо мной.

Даже сосны там почти такие же, только хвоя у них длиннее и какая-то нереально зелёная.

И я понимаю, что могу встать и пойти вслед за ними.

И даже крикнуть им:

— Эй, подождите!

То-то они удивятся!

Но я не кричу, я завязываю рюкзачок, забрасываю его на правое плечо, вскакиваю с хвойной подстилки.

И иду за родичами.

Не важно, что они поднимаются по склону совсем другой горы, идти за ними мне намного легче и не так страшно, хотя бояться вроде нечего.

Просто вокруг очень тихо, так тихо, что слышен только звук моих собственных шагов.

А когда я притормаживаю, слышно, как идут папенька с матушкой. И даже о чём они беседуют.

Они беседуют обо мне.

Матушка переживает, что там со мной и как.

— Чтобы не волноваться, — замечает папенька, — надо было взять его с собой, а не оставлять на попечение твоей сумасшедшей сестрицы. Да и чего ты, собственно, опасаясь? Что она лишит его девственности? Сомневаюсь...

— Нет, — говорит матушка, — если б я этого боялась, не оставила бы на неё ребёнка... У Симбы, конечно, не все дома, но она девушка ответственная, а ответственные девушки...

— Ответственные девушки не красят волосы в красный цвет! — перебивает папенька, внезапно оборачивается и смотрит в мою сторону.

Но меня не видит, потому что идёт по тропинке за много тысяч километров от той, по которой иду я.

И я понятия не имею, почему так отчётливо вижу его и матушку и слышу, о чём они говорят.

Хотя в результате на душе у меня гораздо спокойнее, чем какой-нибудь час назад, когда я был на горе совсем один.

А что они считают Симбу сумасшедшей — пусть их, они просто не чувствуют её так, как чувствую я.

Она не сумасшедшая, она несчастная, и ей что-то угрожает.

Я не знаю, что, но я должен узнать.

Поэтому я иду по тропинке, а впереди топают папенька с матушкой. На экскурсию к водопаду.

Интересно, на этой горе тоже есть водопад?

И ещё интересно, что сейчас делает Симба — она уже точно проснулась и прочла мою записку.

Главное, чтобы она не ругалась, когда я вернусь, ведь ясно, что к обеду я не успею.

К обеду мне дай бог оказаться на вершине.

А дальше всё будет зависеть от того, что я там найду.

Навряд ли я обнаружу бетонный бункер или нечто подобное, но что-то там должно быть.

Что-то связанное с Симбой.

В этом я убеждён так же твёрдо, как и утром, когда выходил из дома. В семь, если не раньше.

Я напрочь утратил ориентацию во времени.

Хоть спрашивай у папеньки, который час.

Между прочим, родители шагают очень бодро, словно такие прогулки для них в порядке вещей.

Я начинаю отставать и боюсь, что вот-вот потеряю их из виду.

И снова останусь один в лесу.

Странном, молчаливом, почти лишённом живности.

Только мелкие бабочки изредка пролетают над тропинкой да порою подаёт голос невидимая птица.

Тропинка поворачивает, и я слышу негромкий гул.

Я стараюсь идти быстрее, но папенька с матушкой исчезли — их нет за поворотом, они растворились в брызгах водопада, который вдруг встаёт у меня на пути.

Чего-чего, а этого я не ожидал.

Тропинка привела меня к водопаду и оборвалась.

Теперь надо сообразить, что делать дальше.

А ведь я не прошёл ещё и полдороги к вершине.

Я продираюсь через кустарник. Потом поднимаюсь по тропинке. Потом она повернула.

И на моём пути оказался водопад, небольшой, и двух метров не будет, но тропинки впереди нет, а есть небольшое озерцо и крутой склон, по которому придется карабкаться.

И вновь искать тропинку, а что, если не найду?

Из озерца вытекает ручеёк и журчит влево, вниз по склону.

Папенька с матушкой завели меня куда-то не туда, хотя воды здесь более чем достаточно.

И скорее всего — её можно пить.

И можно перевести дух и съесть один бутерброд.

Или два.

Лучше два, а третьим закусить на вершине.

Но про вершину я пока не хочу думать, я хочу есть, даже не есть — жрать!

Я сажусь на траву у водопада и смотрю, как летят брызги.

Затем развязываю рюкзачок, достаю оттуда свёрток с бутербродами и бутылку с водой.

В бутылке — меньше половины, но я наполню её доверху.

Когда допью эту воду и съем два бутерброда с сыром.

Жаль, что не с колбасой, мясом или холодной домашней котлетой.

Из тех, что готовит матушка.

Они вернутся, и я сразу попрошу, чтобы она нажарила котлет.

Чем больше, тем лучше.

Чтобы осталось на ужин — они как раз успеют остыть, матушка наделает бутербродов, половина котлеты на куске черного хлеба, мне на ужин хватит четырёх.

Впрочем, я одолею и пять.

А сейчас у меня всего три бутерброда с сыром.

И один надо оставить на потом, так что получается два.

В животе урчит, я съедаю первый бутерброд, даже не съедаю — заглатываю.

В животе продолжает урчать, бутерброд проскакивает незаметно, будто я его и не ел!

Я беру второй и мрачно смотрю на него.

Он кажется маленьким и жалким, матушкины бутерброды с котлетами намного больше.

Я откладываю бутерброд и пью воду — чтобы наполнить желудок.

Есть после этого хочется ещё сильнее, я проглатываю второй бутерброд, а потом машинально съедаю третий, забыв, что хотел приберечь его на самый конец пути.

Пути наверх.

На вершину.

А ведь оттуда ещё придётся спускаться.

Я допиваю воду и ложусь в траву, подложив руки под голову.

Меня вдруг клонит в сон, солнце уже где-то в районе зенита.

А расстояние до вершины — в два раза больше, чем от дома Симбы до этого места.

И я плохо представляю, как пройду это расстояние.

«Интересно, — думаю я, — что сейчас делает Симба?» Закрываю глаза и мгновенно погружаюсь в сон.

Вечер с Дракулой

Симба молча смотрит на Дракулу.

Дракула весело смотрит на Симбу.

Ей кажется, что со вчерашнего утра он изменился, хотя одет всё так же — в майку и шорты, и всё так же странно скалится, будто упырь, и всё так же смахивает на журнального плейбоя, который от нечего делать развлекается тем, что посылает дурацкие письма да ещё подписывает их «граф Дракула».

Никакой он не граф — это Симба уже выяснила.

Мизеров Александр Викторович, сорока шести лет, дизайн, изготовление и поддержка веб-сайтов.

Пора обменяться визитками заново.

— Ну, — говорит Дракула, — где обещанные спагетти?

Симба про спагетти забыла, но ей напомнили.

Она действительно обещала ему ужин. Хорошо, что не при свечах. Харя, принимаясь за ужин, обожал спрашивать:

— А свечи где?

Симба доставала свечу, зажигала её и ставила посреди стола.

А потом смотрела, как харя ест.

Смачно и много, прихлёбывая припасённое Симбой вино.

Как и положено — к мясу красное, к рыбе и десерту — белое, хотя на самом деле харя предпочитал водку. Но водка, с его точки зрения, не вписывалась в романтический ритуал: еда, вино, свечи, потом — женщина.

То есть Симба.

— Эй, — окликнул её Дракула. — Ты что, язык проглотила?

Симба подумала, не отправить ли его восвояси. Сама пригласила, сама и выгонит. На фига он ей тут нужен? Спасать племянника? Психованного Майкла, подложившего ей свинью. В итоге она очутилась наедине с чужим мужиком и ещё обязана его кормить. Не дай бог, он потребует свечу на стол, красного вина, а потом и любви.

— Не бойся, — сказал вдруг Дракула, — я не опасный!

И Симба внезапно принялась плакать, ноги у неё подкосились, и она поняла, что сейчас упадёт на пол.

Рухнет и будет лежать, содрогаясь от рыданий.

— Ну вот, — промолвил Дракула как-то необычайно мягко, — этого только не хватало... Перестань! Перестань, кому сказано!

Симба послушно перестала и вспомнила, что точно такие же слова говорил ей отец. Давно, много лет назад, когда был рядом.

Был рядом каждый день, каждое утро и вечер.

А после она этих слов ни от кого не слышала.

Ей захотелось прижаться к Дракуле, Симба поморщилась и мотнула головой.

— Эй, — сказал Дракула. — Ты пришла в себя?

— Пришла, — ответила Симба. — Так мне разогревать спагетти?

— Спагетти, спагетти, — то ли пропел, то ли провыл Дракула, — где же вы, спагетти?

— На кухне, — сказала Симба, — совсем остыли...

— Бедненькие, — умилился Дракула, — остыли, замёрзли, превратились в кусочки льда, никто их не любит, не согревает у сердца...

Взрослый мужик, а несёт всякую ересь. Стоит в прихожей в майке и шортах, лысина блестит, глаза горят.

Может быть, он и впрямь маньяк, только какой-то нетипичный, в лоб ведь не спросишь: «Вы маньяк или нет?»

Или лучше на «ты»?

«Ты маньяк или нет?»

— Иди в комнату, — сказала Симба, — сейчас принесу спагетти.

— Болоньезе! — капризно уточнил Дракула. — Были обещаны именно спагетти болоньезе!

— Болоньезе, — покорно повторила Симба и спросила: — Слушай, ты что, сумасшедший?

— Я просто люблю спагетти! — абсолютно нормальным тоном ответил Александр Викторович и прошествовал в комнату.

Симба отправилась на кухню.

Ей всё явственней казалось, что происходит нечто очень странное, что её пусть и ненормальная со стороны, в глазах той же сестрицы, но вполне устраивающая её саму жизнь меняется. Причём непонятно, в какую сторону. Куда, к примеру, подевался племянник? Где его искать? И надо ли?

Куда, отчего, почему?

Зачем племянник всё это устроил?

Зачем она затащила к себе этого лысого типа?

И главное — что случится дальше?

Симба нагрузила поднос и вдруг решительно поставила на него свечу.

Чёрный обгоревший фитилёк — перед тем как заняться любовью, харя всегда тушил его своими неуклюжими пальцами.

А потом теми же пальцами мял Симбу и часто делал ей больно.

Она вскрикивала, однако он не унимался, харя знал, что временами Симбе нравилась боль, харя многое о ней знал, из-за этого она и начала играть в дартс.

Но когда Симба вошла в большую комнату, бережно неся поднос, чтобы не уронить спагетти на пол, — в дартс играл Дракула.

И выглядел так забавно, что Симба засмеялась.

Он стоял напротив мишени с харей, сопел и целился.

— Ты чего это? — спросила Симба, ставя поднос на стол.

— Рожа знакомая, — ответил Дракула, рассматривая харю. — Где-то я её видел, но где?

И внезапно со всей силы метнул дротик харе в лоб.

— Попал! — восторженно закричал Дракула.

— Не кричи, — сказала Симба, — соседей напугаешь!

— Плевать на соседей, — отмахнулся Дракула, а потом повернулся к Симбе и очень серьёзно спросил: — Ну, что у тебя за траблы?

Симба села за стол и неожиданно сняла бандану.

— Так лучше, — оценил Дракула, — а то чёрное на красном — слишком вызывающе!

— Остынет! — сказала Симба. — Садись ешь!

И зажгла свечу.

— Романтика, — проговорил Дракула, принимаясь за спагетти, — только красного вина не хватает...

— Хочешь? — спросила Симба.

— Не хочу, — сказал Дракула, — но всё равно не хватает...

— А у меня его и нету, — отрезала Симба, — чай пить будем...

Александр Викторович посмотрел на Симбу, зачем-то перевёл взгляд на мишень с харей, утыканную дротиками, положил вилку и, опять посерьёзнев, осведомился:

— Ну, так что всё же случилось?

— Племянник, — коротко ответила Симба. — Мне прислали племянника, а он пропал...

— Подробнее, — скомандовал Дракула, вновь принимаясь за спагетти.

И Симба начала рассказывать подробно.

Она рассказывала, Дракула ел спагетти, Симба продолжала рассказывать, а спагетти были уже доедены, Симба принесла из спальни записку, Дракула тщательно вытер руки льняной салфеткой и поднёс записку к глазам.

— Ты чего больше всего на свете боишься? — внезапно спросил у Симбы Дракула.

— Бабочек! — удивившись, ответила Симба.

— Бабочек? — так же удивлённо переспросил Дракула.

— Не этих, обыкновенных, — тихо сказала Симба, — других...

— Это которых? — поинтересовался Дракула и положил салфетку рядом с тарелкой.

— Которые поют... — как-то очень мрачно ответила Симба.

— Бред, — припечатал Дракула, — но предположим, что они действительно поют...

— Слушай, — спросила Симба, — какое отношение это имеет к моему племяннику?

— У тебя племянник пропал? — вопросом на вопрос ответил Дракула, будто пропустил мимо ушей весь Симбин рассказ.

— Пропал! — сказала Симба.

— Тебе надо его найти?

— Надо! — ответила Симба, глядя на свечу и думая, что та почти догорела, с харей они никогда не засиживались за ужином так долго, чтобы свеча сгорела до конца.

— Он обещал вернуться к обеду? — продолжал свои дебильные уточнения Дракула.

— Я ведь уже говорила! — раздражённо сказала Симба.

— Не мешай! — в тон ей огрызнулся Дракула. — Я думаю!

— О чём? — спросила Симба.

— Слушай, — сказал Дракула, тыча пальцем в харю, — а это что за тип?

— Мой бывший любовник, — объяснила Симба. — Теперь он тут висит...

— Понятно, — сказал Дракула.

— Что — понятно? — спросила Симба.

— Что всё плохо, — ответил Дракула, — всё запущено и неправильно! Да ещё эти твои бабочки!

— Объясни! — потребовала Симба.

— Зачем племяннику могло понадобиться уйти? — спросил Дракула и очень пристально посмотрел на Симбу.

— Не знаю, — растерянно ответила та.

— Чтобы помочь тебе! — сказал Дракула.

— Объясни! — ещё раз потребовала Симба.

— Ему сколько лет? — спросил Дракула.

— Пятнадцать...

— Так вот в свои пятнадцать он и сделал то, что должен был сделать, влюбился в тебя...

— Эй! — сурово одёрнула его Симба.

— Не «эй», а взял и влюбился. В пятнадцать только и требуется, что влюбиться, а в тебя вполне можно, волосы красные, джинсы чёрные...

— Он меня в этих джинсах не видел!

— Какая разница! — устало сказал Дракула. — Слушай, если ты хочешь, чтобы я тебе помог, просто отвечай на мои вопросы. И всё! А что он влюбился в тебя — ну, влюбился... Все когда-нибудь впервые влюбляются...

— Он — мой племянник! — запротестовала Симба.

— Я с тобой с ума сойду, — пожаловался Дракула. — Спагетти ты хорошо готовишь, а логики у тебя никакой. Ну и что же, что племянник? Он ведь, в отличие от тебя, мужчина, у него между ног...

Симба покраснела.

— Так-то лучше! — похвалил её Дракула.

— Я боюсь! — призналась Симба.

— Не бойся, — сказал Дракула, — лучше расскажи мне про бабочек... Он мог про них знать?

— Нет, — ответила Симба, — навряд ли...

— А догадаться мог?

— Не знаю, — сказала Симба, — ничего я не знаю!

— Где они живут? — продолжал допрос Дракула.

Симба стиснула пальцами фитиль и подумала, что харя проделывал это не так эмоционально. Впрочем, какое ей сейчас дело до хари?

— На горе, — сказала Симба, — на той, что за окном...

— Ты их видела?

— Нет, — призналась Симба. — Их никто не видел, но они мне снятся. А это значит, что они существуют...

— Плохо, — сказал Дракула.

— Что — плохо? — встревоженно спросила Симба.

— Что на горе, — очень тихо проговорил Дракула, встал со стула и подошёл к окну.

Он отдёрнул шторы, в распахнутые створки хлынул свежий, уже наполовину ночной воздух.

Луны не было, лишь мигающие точки звезд.

И почти не различимая в темноте громада нависающей над городом горы.

— Ты когда-нибудь поднималась туда? — спросил Симбу Дракула.

— Нет, — ответила Симба.

— А я поднимался, и хотя поющих бабочек там не видел, мне она не понравилась...

— Кто — она? — тупо переспросила Симба.

— Гора! — жёстко ответил Дракула, а потом добавил уже поспокойнее: — С ней что-то не то...

— Объясни! — потребовала Симба.

— Не смогу, — сказал Дракула. — Точнее, не сумею. Знаю только, что там, на вершине, что-то происходит. Может, какие-нибудь радиоактивные минералы залегают или нечто

подобное. Но у людей там съезжает крыша, поэтому наверх мало кто рискует соваться. Я раз по молодости попытался, но не сдюжил...

— Там живут бабочки, — отчеканила Симба, — на самой вершине. И если ты хоть раз их услышишь, в твоей жизни всё изменится...

— Вот он и отправился, — угрюмо сказал Дракула, — на вершину. И нам тоже придётся!

— Обязательно? — всполошилась Симба.

— Он когда должен был вернуться? — риторически спросил Дракула.

Симба молчала.

Племянник должен был вернуться к обеду. Сейчас почти десять вечера. Если Дракула говорит, что придётся идти на гору, значит, действительно придётся идти.

Хотя она боится.

Элементарно боится.

А то, что племянник в нее влюбился, — у него это пройдёт.

Главное, чтобы с ним ничего не случилось.

— С ним ничего не случится? — спросила Симба у Дракулы.

— Ничего, — сказал Дракула. — Просто намёрзнется ночью в лесу и поголодает, он с собой еды взял?

— Не знаю, — ответила Симба.

— Посмотри! — приказным тоном распорядился Дракула.

Симба послушно встала и пошла на кухню.

Вроде бы кусок сыра был побольше.

Но ненамного.

— Немного сыра, — сообщила она, вернувшись в комнату.

— Проверь, чего ещё не хватает! — тем же приказным тоном потребовал Дракула.

Симба посмотрела в большой комнате, заглянула в спальню, а потом вышла в коридор.

И обнаружила, что из кладовки исчез розовый рюкзачок.

— Он взял мой рюкзачок, — отчиталась она перед Дракулой, — такой совсем маленький, для всякой хрени...

— Он взял твой рюкзачок, — подхватил Дракула, — положил туда пару бутербродов с сыром и, наверное, бутылку с водой и отправился искать приключений. На свою собственную задницу! Влюбленный пятнадцатилетний идиот! А теперь здоровый старый дядька должен выручить молодую дурочку и помочь ей найти этого идиота. И зачем ему это надо?

— А кстати, — поинтересовалась Симба, — зачем тебе всё это было надо?

— Что — всё? — переспросил Дракула.

— Дурацкие письма, compghost.net, я ведь чуть с ума не сошла...

— Потом, — отмахнулся Дракула, — потом расскажу...

— Нет, — заупрямилась Симба, — сейчас...

— Я же сказал, — упёрся Дракула, — потом!

— Обещаешь? — решила не настаивать Симба.

— Обещаю! — с какой-то грустью сказал Дракула и вновь повернулся к окну.

На улице совсем стемнело, гора полностью растворилась во мраке.

— Плохо, — всё тем же печальным голосом констатировал Дракула, — плохо, что новолуние. Была бы луна, вышли бы хоть сейчас, а так придётся ждать рассвета, только

собраться надо заранее...

— Что братъ-то? — спросила Симба.

— Еду, — ответил Дракула, — как можно больше еды, она пригодится и нам с тобой, и ему. Когда мы его найдём.

— А мы его найдём?

— Найдём! — заверил Дракула, и Симба опять заплакала.

— Успокойся! — давним отцовским тоном сказал Александр Викторович. — Бабочек там никаких нет. Не бывает поющих бабочек, слышишь — не бывает!

— Не бывает! — сквозь слёзы повторила Симба.

— У тебя нормальный рюкзак есть? — спросил Дракула.

— Нету! — ответила Симба.

— А спортивная сумка?

Спортивная сумка у Симбы была, подарок хари.

Тому как-то взбрело в голову, что Симбе полезно заняться теннисом, и он подарил Симбе ракетку и сумку.

Симба записалась на корт, посетила одно занятие и бросила.

Ракетка и сумка до сих пор валялись в кладовке.

Симба откопала сумку, приготовила большой пакет бутербродов и стала искать, во что бы налить воду.

Нашлась только одна пустая бутылка, много воды с собой не возьмёшь.

— На горе есть водопадик, — сказал Дракула, — пополним запас...

— Мы когда пойдём? — спросила Симба.

— В пять утра, — ответил Дракула, — где тут можно прилечь?

— В пять утра, — ответил Дракула, — я за тобой зайду!

Симба неуверенно улыбнулась, а потом подумала: отчего бы Дракуле не переночевать у нее, на раскладном кресле, где спал сумасшедший Майкл, по крайней мере, ей будет не так страшно и она не проспит!

И навряд ли Дракула станет к ней приставать.

Но в любом случае придётся спать одетой — провоцировать его не стоит.

— Лучше ложись здесь, вот на этом кресле, — ткнула пальцем Симба, — оно раскладывается!

— Ладно, давай поспим немного, — сказал Дракула, — а потом пойдём спасать твоего племянника! Жаль, не я его отец...

— Почему жаль? — спросила Симба.

— Убил бы на месте! — в сердцах проговорил Александр Викторович.

Охотник на оленей

Спал я недолго, но за это время всё вокруг изменилось.

Нет, и водопад с маленьким озерцом, и густо поросшие соснами склоны были на месте, да и трава, в которой я лежал, чувствуя, как затекли спина, плечи и шея, вроде бы осталась той же самой травой.

Вот только до странности мягкой, а не колючей, с режущими острыми краями, — ведь именно в такую траву я бухнулся, сожрав бутерброды, и уснул.

А теперь проснулся и заметил, что всё вокруг изменилось.

Небо изменило цвет — с привычного голубого на какой-то зеленоватый, разве что с проблесками голубизны.

И лес стал другим: вместо прежних сосен озерцо обступили скрюченные-перекрученные деревья с чёрной корой, тёмной хвоей, кривыми густыми ветвями, растущими по всему стволу, начиная от самой земли.

И ещё — я почувствовал запах.

Запах, окутавший меня со всех сторон.

Он шёл от деревьев, от травы, от водопада с озерцом.

Я вдруг понял, что мне знаком этот запах, бред, идиотизм, но я ничего не мог с собой поделать — я знал этот запах, помнил его, папенька, наверное, сказал бы: «Ты просто вернулся в свою прошлую жизнь, Михаил!»

Я встал и огляделся.

Меня окружала моя прошлая жизнь, спасибо папеньке за то, что он так любит пудрить мне мозги.

Во всяком случае, запах подсказывал мне, что делать, звал меня в гущу странных деревьев, велел подниматься выше — к вершине.

Правда, я был безоружен, а в прошлой жизни запах всегда означал охоту.

Ведь я был охотником на оленей!

Когда папенька впервые сообщил мне об этом, я начал ржать.

Папенька обиделся и вновь уткнулся в свою дурацкую книжку с таблицами.

— Всё правильно, — объявил он. — Получается, ты живёшь всего второй раз и в прошлой жизни был охотником на оленей!

— Не забивай ребёнку голову! — сказала матушка. — У него с ней и так проблемы!

— Я и про тебя всё узнаю! — рыкнул в ответ папенька.

— Мои прошлые жизни меня не волнуют, — провозгласила матушка. — И вообще, с чего ты стал интересоваться подобной ерундой?

— Это не ерунда, — заспорил папенька, — всем нам полезно знать, которую по счёту жизнь мы живем и кем были в прошлой!

— Зачем? — спросила матушка.

— А затем, — убеждённо ответил папенька, — что так будет проще ориентироваться в этой...

— Твой отец — сумасшедший! — сказала, поворачиваясь ко мне, матушка.

— У тебя все — сумасшедшие! — обиделся папенька. — Твоя сестра — сумасшедшая, я — сумасшедший, сыночка ещё в сумасшедшие запиши...

— Сына не трожь! — окончательно взъярилась матушка, и я понял, что пора вмешаться.

— А сам-то ты кем был, — спросил я у отца, — в прошлой жизни?

— У меня их больше, — гордо ответил отец, — я живу уже пятую, а всего их вроде бы двенадцать...

— Полная чушь! — встряла матушка.

— Ничего не чушь, — возразил папенька. — Когда я узнал, кем был в прошлых жизнях, мне стало намного проще...

— А когда ты узнал? — хором поинтересовались мы с матерью.

— Неделю назад! — заявил папенька.

Я начал вспоминать, чем отец в эту неделю отличался от отца в прошлую, позапрошлую и так далее.

И понял, что ничем.

По вечерам он всё так же смотрел телевизор и препирался с матушкой.

И донимал меня поучениями.

Мол, мало сидишь за уроками, чего опять в компьютер воткнулся.

И кем ты собираешься стать в будущем?

Теперь-то я знаю ответ.

В будущем я обрету свою прошлую специальность и опять стану охотником на оленей.

Сам же мне об этом рассказал!

— Ну, — почти пропела матушка, заваривая чай, — может, поведаешь нам о своих прошлых жизнях?

— В одной из них я был женщиной! — похвастался папенька.

— Заметно! — прокомментировала матушка, доставая чашки.

Папенька не обратил внимания на её иронию и продолжил:

— Я был рыбачкой в испанской деревушке!

— То-то ты рыбу прямо с костями ешь! — не переставала ехидничать матушка.

Я подумал, что если отец и был рыбачкой, то, наверное, в очень уж давней жизни. Пару раз мы с ним ездили на рыбалку, и он вообще ничего не поймал. А я — ловил!

— Ещё я был сикхом! — разоткровенничался отец.

— Это кто такие? — заинтересовалась мать.

Спросить об этом она могла бы и у меня.

Недавно мы с папенькой смотрели программу канала «Дискавери» про сикхов.

Есть такая народность в Индии.

Воинственная.

Они носят усы и тюрбаны и обожают оружие.

Представляю папеньку в тюрбане и со здоровущими усами!

— Но самая моя замечательная жизнь была предыдущая! — продолжил отец.

Мать уже разлила чай по чашкам и теперь доставала печенье.

— Ну мели, мели, — проворчала она. — Нет чтобы помочь...

— Я был турецким географом и изучал западное побережье Турции! — спесиво воскликнул отец.

Тут я не удержался и просто зашёлся от смеха.

Скажи мне кто-нибудь, что меня зачал турецкий географ, я бы ещё подумал, родиться мне или нет.

Слишком уж большую ответственность это накладывает на отпрыска!

— В восемнадцатом, между прочим, веке! — ещё спесивей добавил папенька.

— Боже, — сказала матушка, — я и не знала, что ты такой старый!

Отец надулся и умолк.

Кажется, именно после этого своего открытия он и начал подбивать матушку поехать в отпуск в Турцию.

Видать, стосковался по родине!

Или вспомнил, что в своей предыдущей жизни не до конца исследовал какую-нибудь речушку западного побережья. Нет, вы как хотите, а быть охотником на оленей — круче!

Отец всё молчал, обиженно уставясь в чашку.

А мать сидела довольная, и, по-моему, зря.

Конечно, папенька не сахар, но временами с ним весело.

С ней так весело не бывает, она постоянно читает нотации.

Папеньке, между прочим, тоже.

Наверное, в прошлой жизни она была воспитателем детей в каком-нибудь диком племени, надо, чтоб отец посмотрел в таблицах.

Воспитателем или этим, забыл слово, ну, который обращает какой-нибудь народ в другую веру...

Я и про них видел телепередачу...

Интересно, в какой стране я был охотником?

Хорошо бы в Англии, я смотрел фильм, старый уже, «Робин Гуд — принц воров», так они там в Шервудском лесу на оленей охотились с луком и стрелами.

Я не удержался и спросил папеньку.

Тот сердито оторвался от чашки и пробурчал:

— В Америке...

— Америка большая! — дипломатично высказалась мать.

Я понял, что она предлагает отцу мириться.

Мол, неси свою чушь дальше, а на меня обижаться не стоит.

— В Скалистых горах! — уже не так сердито конкретизировал отец.

Я почувствовал, что мои узкие плечи становятся шире.

Охотник на оленей в Скалистых горах — это, я скажу вам, не баран чихнул!

Есть чем гордиться, не каждый в своей прошлой жизни крался по девственным лесам и стрелял в оленей...

Из чего стрелял?

Зависит от того, в каком веке я жил, если в конце девятнадцатого, то из винтовки, хотя всё равно лучше из лука.

Или ещё круче — из арбалета.

Между прочим, с арбалетом на оленей охотятся до сих пор, я по телевизору видел.

Запах усилился.

Я взял пустую бутылку, тихонько спустился к озерцу и набрал воды — в горле пересохло. Есть мне тоже хотелось, но есть было нечего.

Смешно, папенька сейчас в Турции, а вокруг меня пахнет оленями.

Хотя я не слышал о том, что они водятся тут, на горе.

Если мне удастся загнать оленя, еды у меня будет навалом.

Если удастся...

Ни винтовки, ни лука, ни арбалета у меня нет.

А охотиться на оленя с голыми руками...

Лук можно бы смастерить, будь у меня с собой нож, однако нож я не захватил, да даже если б и захватил — из чего бы я сделал тетиву?

Я ополовинил бутылку, снова долил её доверху, завинтил крышечку и убрал бутылку в рюкзачок.

Небо над головой всё такое же зеленоватое, и всё вокруг по-прежнему как-то не так!

Я не представлял, сколько сейчас времени, и не мог свериться с солнцем — солнце спряталось, растаяло в этом странном небе, а темнокорые деревья будто подгоняли меня: ну давай же, скорее, в путь...

Я закинул рюкзачок на правое плечо и пошёл туда, откуда доносился запах.

Запах уводил меня вверх по тропинке, шум водопада стих, охотник на оленей начал выслеживать добычу.

Как я ни старался ступать бесшумно, ничего не получалось — наверное, это умение я оставил в прошлой жизни.

Я отчётливо слышал собственный топот, но слышал и стук оленьих копыт.

Внезапно стук копыт смолк, я остановился и прислушался.

Запах ещё присутствовал, только это был уже другой запах.

И чьи-то лёгкие, вкрадчивые шаги.

Меня обступали деревья со скрюченными стволами, тропинки под ногами почти не было видно.

Не было видно и неба сквозь кроны деревьев.

Только ветви, изогнутые густые ветви, растущие на стволах от самой земли.

Шаги вдруг затихли, и опять послышался далёкий стук оленьих копыт.

Что-то подсказывало мне, что лучше пойти обратно.

Даже не пойти — побежать.

Со всех ног, спотыкаясь о корни, падая и поднимаясь.

Хотя до вершины оставалось совсем немного — это я тоже откуда-то знал.

Знал и то, что вряд ли до неё дойду.

Что-то обязательно случится, а вдобавок я уже опоздал и Симба, наверное, сходит с ума от беспокойства.

Но я всё равно должен добраться до вершины, пусть даже там — ловушка.

Охотники на оленей не боятся леса!

Стук копыт опять превратился в шаги.

Я вновь замер на месте и приник к ближайшему стволу.

Кто-то шёл совсем рядом со мной.

Казалось, я слышу его дыхание.

Не дыхание зверя, скорее — человека, но встречаться с этим человеком опасно.

Будь у меня с собой арбалет, сейчас мне понадобилась бы и стрела с серебряным наконечником — с такими охотятся на вампиров.

Я поднял бы арбалет и тщательно прицелился в тёмное пятно, что маячит чуть поодаль, меж древесных стволов.

И пустил бы стрелу, однако сделать этого я не могу — у меня нет арбалета, а тёмное пятно движется в мою сторону, и мне приходится бежать со всех ног.

Ветви бьют меня по лицу, я спотыкаюсь о корни, но бегу.

И никакого запаха больше не чувствую, чувствую только страх.

Рюкзачок колотит меня по спине, розовый рюкзачок, который так хорошо заметен

среди деревьев.

Точно белое пятно на оленьей шкуре.

Внезапно я вижу впереди просвет и понимаю, что там — вершина.

До неё осталось совсем немного, надо лишь ускорить бег, и я выскочу из этого неприятного леса.

И Дракула не догонит меня!

Ведь я давно догадался, что всё подстроено, что меня специально выманили на гору, чтобы Симба осталась дома одна и Дракула смог делать с ней что захочет, никакой это не свихнувшийся компьютер, это просто упырь, вот только у меня нет стрелы с серебряным наконечником и это не я загоняю его на вершину, а он меня, я — олень, он — охотник, хотя на самом деле должно быть наоборот!

Симба, что я натворил, Симба!

Я останавливаюсь, смотрю на просвет впереди, до вершины недалеко, но мне туда нельзя.

Он делает всё для того, чтобы загнать меня на вершину.

И, скорее всего, уже поджидает там...

Сидит на камне, ослабившись — мне кажется, я различаю его поблёскивающие клыки.

Хорошо папеньке, он гуляет по Турции и вспоминает прошлую жизнь.

И матушке неплохо рядом с ним, неужели я их больше не увижу?

Одно из двух: либо я иду к вершине, где меня ждут, либо поворачиваю обратно.

И вдруг я понимаю, что не всё потеряно, надо вооружиться, ведь когда-то я был охотником на оленей!

Я озираюсь по сторонам — всё те же деревья с чёрной корой и густыми изогнутыми ветвями, растущими от самой земли. Выбираю ветку потолще и принимаюсь её откручивать, отрывать, отдирать от дерева.

Древесина крепкая, но я добиваюсь своего — сам не знаю, как!

Ветка у меня в руках, ладони горят, но я вооружён!

Я поворачиваюсь лицом к вершине и замираю.

И вновь чувствую запах, только теперь мне точно известно, кому он принадлежит!

— Дракула! — кричу я. — Я убью тебя!

И, размахивая веткой, бегу к вершине.

Кажется, я слышу смех — этот гад смеётся надо мной, ему весело, он добился, чего хотел!

До вершины рукой подать, солнце вновь светит всюду, небо опять стало нормальным летним небом — голубого цвета.

Да и странные деревья превратились в обычные сосны, хотя корни под ногами всё такие же бугристые, я убыстряю бег, запинаюсь о корень, не могу удержаться на ногах, падаю, кубарем качусь по земле, ухаю куда-то вниз...

И больно ударяюсь спиной.

Внезапно становится темно, я теряю сознание.

Но теряю не до конца — на самом деле я что-то чувствую и даже вижу, как высоко-высоко надо мной голубеет кусочек неба.

Надо вставать, но мне очень больно, хорошо ещё, что выпустил из рук ветку, а то бы напоролся на неё, когда падал.

Падал и упал, понять бы — куда...

С трудом, но поднимаюсь на ноги.

И вижу, что влип...

Я в какой-то дурацкой яме типа оврага, со сходящимися кверху стенами.

Из стен торчат корни, но они тоненькие, ни за один как следует не ухватишься.

Можно поступить по-другому — подпрыгнуть и уцепиться за край.

Только сначала прийти в себя, у меня всё болит, я не чувствую ни рук, ни ног.

Хитрый Дракула знал, что делает, будто нарочно вырыл эту яму и загнал меня в неё.

Это не я охотник на оленей, а он.

И из этой ямы мне уже не вылезти.

Никогда.

Я произношу слово «никогда» вслух и вдруг понимаю, что это почти правда.

Если сейчас я подпрыгну, но не смогу уцепиться за край, получится действительно — никогда...

Я достаю бутылку с водой, жадно отпиваю глоток, потом ещё один и заставляю себя оторваться от горлышка.

Эта бутылка с водой — всё, что у меня есть.

Я в какой-то дурацкой яме, из подручных средств у меня лишь бутылка с водой. И абсолютно бесполезный розовый рюкзачок. Больше ничего!

Ничего и никогда!

Никогда и ничего!

Я смотрю вверх, туда, где угадывается небо, зачем-то выдыхаю воздух, а потом вновь набираю его в лёгкие — так делают ныряльщики, вот и мне не мешало бы вынырнуть на поверхность земли...

Я подпрыгиваю, вскользь касаюсь пальцами края ямы.

И вновь оказываюсь на дне.

Сверху падают камушки и сыплется земля.

Я кладу рюкзачок на дно, сажусь на него и прикидываю, что делать дальше.

Всё бы отдал, чтобы услышать сейчас шаги.

Чьи угодно.

Даже графа Дракулы!

Дракула разбудил Симбу, когда на часах было без пятнадцати пять.

Симба сладко потянулась и открыла глаза.

Сквозь ещё не слетевший сон Дракула показался ей настоящим симпатягой. И едва он, решив для верности потрясти её за плечо, наклонился ближе, Симба улыбнулась и сделала губами громкий и отчётливый чмок.

Дракула отпрянул, но улыбнулся в ответ.

— Вставать, — сказал он, — пора вставать!

Симба чуть было не спросила «Зачем?», однако потом вспомнила.

Племянник ушёл вчера утром и не вернулся.

И она послала мессагу.

Вот этому типу, который стоит у её постели и скалит зубы.

Впрочем, с раннего утра на вампира он не похож, скорее — на заспанного дядьку неопределённого возраста.

Довольно доброго дядьку, хотя все они поначалу добренькие.

Пока не дорвутся до твоей постели!

Харя тоже был добренький, а теперь вот висит на стене...

Симба соскочила с кровати и потянулась.

— Стриптиз! — прокомментировал Дракула, не переставая улыбаться.

— Ещё нет, — сказала Симба, внезапно повернулась к Дракуле спиной и стянула с себя майку.

Спать в майке в такую жару было мучительно, но Симба выдержала.

Зато теперь избавилась от неё с нескрываемым облегчением.

— Красивая спина! — весело воскликнул Дракула.

Симба хмыкнула, прикинула, не показать ли Дракуле и всё остальное, и пришла к выводу, что нет.

Хватит с него и спины.

В любом случае он — Дракула, хоть и зовут его Александром Викторовичем. И фамилия у него дурацкая — Мизеров. Лучше бы — Дракула — Мизеров, в этом что-то есть...

И, кстати, Дракула — Мизеров не столь опасен, как просто Дракула.

Симба решила, что пора одеваться, и поискала взглядом джинсы.

Джинсов в поле видимости не было. Ну конечно, вечером она бросила их рядом с кроватью, на полу, рядом с тем местом, где стоял сейчас Дракула.

— Эй, — сказала Симба и почувствовала, что краснеет, — ты бы вышел из комнаты, а?

— Ага! — понимающим тоном ответил Александр Викторович и оставил Симбу одну.

Симба натянула джинсы и новую майку.

На этот раз — бежевую.

И подумала, что джинсы тоже неплохо б сменить.

Чёрные штаны и бежевая майка — то ещё сочетаньице...

И потом — в чёрных ей будет жарко, лучше надеть светло-голубые.

А ещё бы успеть принять душ, но этот тип сказал, что выйти надо в пять.

Почему именно в пять — он не объяснил!

— Ты скоро? — донёлся голос из-за двери.

— Сейчас! — крикнула Симба, снимая штаны.

На душе у неё стало легко, и дело было не только в том, что фраза «Ты скоро?» напомнила ей Симбу-маленькую и голос отца из-за двери.

Куда они в тот раз собирались?

Вроде бы кататься на лошадках.

Симба надела светло-голубые джинсы, застегнула ремень и вышла из спальни.

Дракула смотрел в окно.

Уже рассвело, и вид на гору открывался замечательный.

— Слушай, — сказал Дракула, — а бинокль у тебя есть?

— Есть! — ответила Симба и внезапно смутилась.

— Потрясающе! — восхитился Дракула, продолжая смотреть в окно. — У неё есть даже бинокль... Зачем он тебе?

— Я в него смотрю... — сказала Симба, пытаясь сообразить, куда она засунула бинокль.

— Понятно, что смотришь, — кивнул Дракула. — А куда?

Симба почувствовала, что краснеет.

— В чужие окна, — призналась она. — иногда ведь интересно узнать, что люди делают...

— Живут, — сказал Дракула и добавил: — Они живут, а ты за ними подглядываешь!

— Мне интересно! — огрызнулась Симба и вспомнила, что бинокль в прихожей.

— Ей интересно! — удивился Дракула, повернулся к Симбе и произнёс: — Вообще-то нам пора!

— Бинокль в прихожей, — сказала Симба, — под вешалкой!

Дракула пошёл в прихожую, а Симба напоследок оглядела комнату, будто старалась запомнить.

Всё было на месте.

Компьютер.

Ещё один компьютер.

Кресло-кровать.

Рожа хари на стене.

Коробка с дротиками рядом с компьютером.

Дротики.

Симба поколебалась и вдруг решительно достала дротики из коробки.

Просто сгребла ладонью и вынула.

Во что бы их упаковать?

Дракула завопит, если она начнёт засовывать дротики в сумку.

А вдруг не завопит?

Сейчас она проверит.

Симба вышла из комнаты. Дракула стоял у двери с сумкой на плече и биноклем на груди.

Выглядел он смешно: шорты, майка, бинокль и спортивная сумка для ракетки.

— Вот это ещё положи! — распорядилась Симба, протягивая ему пучок дротиков.

— Зачем? — изумился Дракула.

— Не знаю, — честно ответила Симба. — Мне хочется взять их с собой...

— Сумасшедшая! — весело сказал Дракула, глядя на Симбу, но дротики взял.

Снял с плеча сумку, уложил в неё дробтики и вновь повесил на плечо.

— Все готовы? — спросил Дракула.

— Я боюсь! — сказала вдруг Симба.

Дракула хмыкнул, внимательно посмотрел на нее и произнёс:

— Это племянник твой сейчас боится, там, на горе... А нам-то чего бояться?

И с этими словами открыл дверь.

Симба вышла следом, тщательно заперла дверь на ключ, на все четыре оборота. И убрала ключ в карман.

Дракула уже спускался по лестнице, радостно насвистывая.

Симба терпеть не могла, когда насвистывали.

Но Дракула делал это как-то ненавязчиво и даже мило.

Он вообще был сегодня мил, со своей блестящей лысиной, коротко стриженной бородой и волосатыми ногами в коротких шортах.

Папа с дочкой собрались на пляж.

Вот только папы давно нет рядом, да и дочка разлюбила загорать.

Папа Дракула, он же compghost.net.

Не будь этого compghost.net, Симба могла бы вообразить, что Александр Викторович — к примеру, её дядя.

Отец никогда не упоминал о своей родне, но это не значит, что родни у него не было.

И вот в самый подходящий момент появляется добрый дядюшка, и они идут спасать её племянника.

Если Майкл её племянник, то кем он приходится её дяде?

Дракула — её дядя, Майкл — племянник, она связующее звено между ними, но вот каким словом определяется степень их родства — она не знает.

Вертится в голове, но ускользает.

Ох, если бы не compghost.net...

Папа Дракула корчит из себя добрячка, а владелец этого сайта явно не так прост.

И ему чего-то надо было от Симбы, но чего?

Не баннеров же, на самом-то деле...

Дракула вышел во двор и устремился в направлении проезжей части.

Симба поспешала за ним подпрыгивающей походкой.

Давно она не гуляла по городу в такую рань.

Причём — не приняв душ и не позавтракав.

Впрочем, перекусить можно будет на горе, да и ополоснуться — в водопаде...

Там ведь есть водопад?

— Эй! — выкрикнула Симба в спину Дракуле.

Тот остановился и посмотрел на неё сквозь уже нацепленные тёмные очки.

В очках он казался не таким милым — слишком уж непроницаемые были стекла.

— Что — эй? — спросил Дракула.

— Сколько нам идти до водопада? — поинтересовалась Симба.

Дракула задумчиво посмотрел на небо, потом на Симбу.

Потом опять — на небо и задумался.

— Около часа, — наконец сказал Дракула, — если не останавливаться... — И вдруг добавил: — Вот только я дурак!

— Это почему? — не поняла Симба.

— В таком виде на гору не ходят, — объяснил Дракула, — там ведь лес...

— Ну и что? — спросила Симба.

— Я все ноги исцарапаю! — мрачно сказал Дракула, повернулся и быстрым шагом пошёл в сторону горы.

Симба потащилась следом, подпрыгивать ей больше не хотелось.

Козлячий племянник, повезло же с родственничком!

Неужели все люди, влюбляясь, ведут себя как идиоты?

Симба попыталась вспомнить, как вела себя, влюбившись в харю.

На гору она не убегала, но глупости делала каждый день.

Её глючило, как комп, за который уселся малолетний юзер, не знающий, когда в какую клавишу тыкать.

А ведь в любой программе есть опция Help, надо лишь пользоваться ею с умом.

Или почитать какое-нибудь руководство типа «Windows для чайников».

Для таких идиотов, как Майкл, тоже надо писать руководства.

«Любовь для начинающих пользователей» — что-то вроде этого.

Симбе такого руководства никогда не написать, она терпеть не может складывать слова в строчки.

Если, конечно, это не её сетевой дневник, о котором она уже забыла.

«Сетевой дневник!» — повторила про себя Симба, и ей захотелось кричать.

Этот придурок нашёл её сетевой дневник.

Заполз в её сетевой дневник и начитался там откровений и размышлений.

И решил, что понял, в чём корень зла.

Если обнаруживаешь корень, руки чешутся его выдрать.

Она даже знает, в какой момент эта идея пришла ему в голову.

Когда он мочил монстров, а те прятались от него по катакомбам.

Она знает эту игру, да, в принципе, все игры похожи.

И любви похожи, Майкл ведь втюрился в неё точно так же, как и она когда-то в харю.

Если бы он спросил у неё, что ему делать, она бы ответила кратко:

— Ничего!

Делать что бы то ни было бесполезно, он ещё пацан, а она — молодая женщина, перетерпевшая тяжесть харинового тела.

Майклу бы набраться мужества и подождать, пока он не влюбится в кого-нибудь другого.

Советовать всегда легко, подумала Симба и ускорила шаг — Дракула шёл так быстро, что ей пришлось его догонять.

Они уже достигли подножия горы, солнце освещало подлесок, в котором буйствовали птицы.

Внезапно Дракула остановился и вынул бинокль.

— Ты что? — спросила Симба, переводя дух. Она давно отвыкла от быстрой ходьбы и запыхалась.

Дракула ничего не ответил, он поднёс бинокль к глазам и принялся водить окулярами в разные стороны.

Симба села на траву и стала ждать, когда Дракула насмотрится.

— Вон, — сказал наконец Александр Викторович, — вон там он ломился, как безумный олень!

— Почему олень? — спросила Симба.

— Не знаю! — серьёзно ответил Дракула. — Просто в голову пришло — как безумный олень...

Симба подумала, что у Дракулы явно что-то не то с головой...

Ей вообще везло на сумасшедших. Харя, Майкл, теперь вот — Дракула... Разве нормальный человек способен затеять игру с compghost.net, а потом вдруг выступить в роли добросердечного спасителя с биноклем на груди?

Между прочим — с её биноклем!

И ещё заявить, что племянник ломился сквозь заросли, как безумный олень!

Олень по прозвищу Сумасшедший Майкл!

Найти бы этого Майкла, она снимет с себя ремень и собственноручно его выпорет.

Ремнём по голой заднице, пусть вопит, пусть багровеет, пусть даже заревёт!

Но она снимет с него штаны и всыплет!

— Идём, — сказал Дракула, убирая бинокль в футляр. — Вот сюда...

Как-то весело гикнув, он углубился в подлесок, забирая чуть в сторону, будто придерживался заранее намеченного азимута.

Симба шла за ним и сознавала, что она не просто выпорет Майкла своим кожаным ремнём.

Она выпорет его до крови, до такой же красной крови, какая сочится из её царапин — хорошо ещё, что лицо пока не пострадало.

Зато руки все исхлестаны ветками и кровоточат, интересно, каково сейчас Дракуле?

Дракула пробирается осторожно, время от времени подпрыгивая, будто исполняя странный ритуальный танец.

И ноги у него покрыты царапинами так же, как у неё — руки.

Но и его руки покрыты царапинами, так что Дракуле хуже.

Будет знать, как посылать дурацкие мейлы, тоже мне compghost.net...

Наконец они продрались через подлесок, и Дракула бухнулся на землю у ближайшей сосны.

— Отдыхать! — скомандовал он. — Пять минут — перекур!

— Я не курю! — сказала Симба.

— Я тоже, — сознался Дракула. — Это я фигурально...

— Я есть хочу! — заявила Симба.

— Попозже, — сказал Дракула, — потерпи немного, до водопада...

— А когда водопад? — спросила Симба.

— Скоро, — сказал Дракула. — Как мне помнится, через полчаса ходьбы...

— А ты был на вершине? — любопытствовала Симба.

— Я ведь уже говорил, что нет! — ответил Дракула.

— Но ты знаешь, как нам идти?

— Знаю, — сказал Дракула. — Сначала до водопада, а потом всё вверх и вверх... До водопада многие доходят, а вот дальше...

— Есть хочу! — грустным голосом повторила Симба.

— Подъём! — скомандовал Дракула. — Вперёд, к водопаду!

Дракула опять шёл впереди, Симба тащилась за ним и думала, что прогулка ей не по нутру.

Намного приятнее сидеть дома за компьютером.

А тут то ветки, то корни.

Начинают болеть мышцы ног.

А Дракуле всё нипочём, движется легко, будто горный козёл.

Прыг-скок, прыг-скок, повернул куда-то в сторону, с одной тропинки перескочил на другую.

— Он тут проходил, — сказал Дракула. — Видишь, ветка сломана?

— Вижу, — кивнула Симба, хотя ничего особенного не увидела.

Они шли уже почти два часа, и она устала.

Ей хотелось есть, пить, хотелось залезть в воду и смыть с себя пот.

Симба терпеть не могла запах собственного пота.

Ей нравилось ничем не пахнуть, поэтому она ненавидела парфюмы.

Но запах парфюма всё-таки лучше запаха пота, а лучше их обоих — запах чистого тела после душа!

Ей срочно надо залезть в воду, а потом что-нибудь съесть.

Иначе она уляжется под сосну и дальше не пойдёт.

Этот гад Дракула затащил её в чашу специально.

Он дожждётся, когда она рухнет без сил, склонится над ней низко-низко, ощерит клыки.

И нежно вонзит их в её шею.

Сделает надкус, сладко так улыбнется и прильнёт к шее снова.

А когда он напьётся и, сытый, сядет на землю рядом, появятся они.

Серебристые переливающиеся существа со странными волосатыми ушками.

Сколько их будет? Два, три? Целая стайка?

Они примутся кружить над ней, а потом то существо, что покрупнее, прильнёт к ранке на шее еще нежней, чем приникал Дракула, и высосет последние капли её крови...

Симбе захотелось кричать.

Дракула остановился, оглянулся и сказал до невозможности довольным голосом:

— Прибыли, сейчас будем есть!

Симба сделала несколько шагов вперёд и увидела водопад, а чуть ниже — прозрачное, манящее и уютное озеро.

Она улыбнулась, стянула с себя майку, содрала джинсы и трусики и так, голышом, прыгнула в воду, которая показалась ей холодноватой, но всё равно такой же уютной, как и в тот момент, когда Симба впервые увидела это прозрачное, манящее зеркало.

Дракула сел на берегу возле водопада, достал из футляра бинокль, поднёс его к глазам и навёл на Симбу.

Серебристые переливающиеся существа со странными волосатыми ушками кружили над водой дружной стайкой, и Симба внезапно ощутила, что она очень счастлива.

Но кто бы ей объяснил — отчего?

Я сошёл с ума

Папенька сказал, что я идиот, и я был вынужден с ним согласиться.

Он сидел напротив, хотя я прекрасно знал, что его нет рядом.

И всё-таки он сидел напротив и талдычил, что только со мной могло такое случиться, что лишь такой лох, как его сыночек, мог потащиться на какую-то дурацкую гору, да ещё и сверзиться в яму.

— Вот именно, — сказала матушка, — иногда ты бываешь прав: яблочко от яблони! Ведь это твоя привычка — ходить, не глядя под ноги!

И я начал понимать, что потихонечку схожу с ума!

Насчёт идиота можно поспорить, но лицезреть папеньку, выслушивать его очередную перепалку с матушкой и одновременно сознавать, что торчишь в этой чёртовой яме... Я действительно схожу с ума, у меня шарики заходят за ролики, у меня в голове поселились глюки и закопошились тараканы!

И самое противное — мне до жути хочется есть.

Так, как никогда в жизни не хотелось!

Папенька омерзительно хихикнул и сказал:

— Раньше надо было думать!

Честно говоря, такой подлости я от него не ожидал. Мог бы, по крайней мере, проявить милосердие. Сам небось сидит сытый — наверное, они с матушкой только что с ужина. Подмывает спросить — чего вы ели? Чем там по вечерам кормят на шведском столе?

Во всяком случае, я помню, чем кормили вечерами на том шведском столе, за которым я пасся вместе с ними в тот единственный раз, когда они вывезли меня с собой.

Два года назад, на Кипре.

На том шведском столе было много-много салатов, я б сейчас всё отдал, чтобы слопать один из них. Хотя сойдёт и матушкин домашний салат из свежих помидоров, заправленный оливковым маслом и уксусом. А если туда добавить ещё зелени, сыра — такого солёного, по моему, он называется брынзой, и маслин, получится тот салат, который нравится мне больше всего... Сгодился бы и простой салат, из одних помидоров, но даже помидоров мне сейчас не видать как своих ушей...

Стало смеркаться.

Папенька опять ухмыльнулся и покрутил пальцем у виска, сочувственно глядя на меня.

Сказать бы ему: «Слушай, забери меня поскорее отсюда», — но я отлично знал, что никто меня не услышит.

Я сижу в яме, на яму наступает ночь.

И мне безумно хочется есть.

Если бы я сейчас пасся на шведском столе, то мог бы положить себе барбекю. Или тушёного мяса. Или рыбы. А пожалуй — и того, и другого, и третьего. Папенька как пить дать предпочёл сегодня барбекю, а вот матушка — рыбу.

Она всегда предпочитает рыбу и может съесть её много, но без гарнира.

А я бы взял и гарнир.

Хотя бы этот дурацкий картофель фри.

На самом деле картофель фри лучше всего есть в «Макдональдсе», из пакетика. Жуёшь гамбургер, закусываешь картофелем фри и запиваешь кока-колой. Или коктейлем.

Молочным со вкусом клубники. У меня ещё осталась вода, я делаю глоток и начинаю соображать, как лучше выбраться из этой подлой ямы.

И не могу сообразить.

Она слишком глубокая, чтобы просто подпрыгнуть и ухватиться за края.

Это раз.

Почему-то кажется, что внизу она шире, а сверху — уже.

Это два.

И стенки у неё не каменные, а земляные, если бы были каменные, можно было бы вылезти, цепляясь за выступы.

Но у ямы стенки земляные, и выступов нет.

Дырок, что ли, в этих стенках понаделать?

Чем-нибудь проковырять.

Для этой цели неплохо подошла бы палка, но палки у меня тоже нет.

Есть лишь бутылка с водой, да и то — почти пустая, воды меньше чем на треть.

Я смотрю на бутылку и вдруг начинаю выть.

Я голоден, я сижу в яме и вою, как какой-то полный, абсолютный придурок.

Идиот.

Папенька правильно сказал:

— Ты — идиот!

Идиот — это хуже, чем сумасшедший, с ума сходят или не сходят, а идиотами рождаются.

Видимо, я родился идиотом, раз вляпался в эту историю.

Какой чёрт погнал меня на гору?

До сих пор я считал, что погнала меня Симба.

Но Симба не чёрт, и вообще — черти: они существуют или нет?

Тот, кто загнал меня в эту яму, — он кто?

Заготовил бы он здесь хоть немного еды, я был бы счастлив.

Я принимаюсь ковырять стенку бутылкой.

Земля крошится, в ней намечается углубление.

Света пока достаточно, сумерки — это не ночь, ночь ещё не наступила.

Если я буду ковырять усердно, то до темноты успею наделать уйму дырок.

Но почва твёрдая, и дырка ковыряется медленно, очень медленно, темнеет намного быстрее.

Выдержит ли бутылка такую нагрузку — не знаю, пластиковая бутылка для земляных работ не приспособлена.

И потом — с каждой минутой мне всё сильнее хочется есть.

Даже не минутой — секундой.

Домашних котлет бы, плевать на шведский стол.

Пусть папенька с матушкой бродят вокруг него, а мне хватит двух домашних котлет...

Точнее — трёх...

Если я прямо сейчас не кину чего-нибудь в рот, мне кранты!

Я умру в этой яме от голода, мне не наковырять нужного количества дырок!

И я окончательно сойду с ума.

Примусь обгрызать мясо с ладони и выть, выть, выть, а потом испущу дух!

А когда меня найдут, я буду лежать на дне ямы, стиснув зубами собственную кисть!

От этой картины мне становится жутко, и я лихорадочно размышляю, что бы пожевать. Например, корешки?

Корешки имеются, они видны в той единственной выемке, которую я проковырял.

Я пытаюсь оторвать корешок, наконец мне это удаётся.

Он весь в земле, я счищаю её пальцами и сую корешок в рот.

Он не просто невкусный, он — никакой, да вдобавок и не разжёвывается.

И вообще — меня начинает тошнить!

Я выплёвываю корешок и прополаскиваю рот водой.

Одним глотком воды, интересно, сколько их осталось в бутылке?

Я завинчиваю пробку и соображаю, чем ещё поживиться, кроме корешков.

Конечно, здесь водятся черви, но червями я питаться не буду!

Лучше сойти с ума от голода, лучше сглотать не одну собственную руку, а обе!

Я оглядываюсь на папеньку, но он уже испарился.

Матушка испарилась тоже, они предательски бросили меня в этой яме.

Похоже, им не хочется смотреть, как погибает их сын, им намного приятнее бродить у моря в своей дурацкой Турции!

Если бы они туда не поехали, я не был бы сослан к Симбе и не потащился бы на гору.

И не упал бы в яму.

И не сидел бы сейчас на дне, думая о том, что мне съесть.

Каким подножным кормом подкрепить свои силы.

Корешки не подошли, черви отпадают.

Что остаётся?

Сумерки всё чернее, они вот-вот сменятся темнотой.

В темноте мне ничего не найти.

Даже червей...

Что можно использовать в пищу, сидя в яме, кроме червей?

Личинок?

Жуков?

Жуки...

Жуки мне нравятся больше, в Таиланде, например, все едят жуков.

Мы с папенькой смотрели про это фильм по телевизору.

В Таиланде существуют даже жучиные макдональдсы, жареных жуков насыпают в пакеты, как картошку фри. И местные их едят.

И не морщатся!

Я тоскливо заглядываю в уже еле различимую выемку и вдруг замечаю, что по её краю кто-то ползёт.

Может, мне мерещится, а может, нет, и кто-то ползёт на самом деле.

Не очень большой, но и не маленький.

Как бы мне его половчее оприходовать?

Одного жука явно будет мало, впрочем, сумею ли я съесть хотя бы одного?

И вообще — как их едят?

Жук ползёт по краешку ямки, сейчас скроется.

И больше мне его не увидеть.

Никогда.

Я хватаю его и чувствую, как он скребётся в моей ладони.

Можно выпить воду и засунуть его в бутылку, но вода — это всё, чем я располагаю.

У меня нет даже спичечного коробка.

Свободной рукой я шарю по карманам и нахожу лишь носовой платок.

Жука можно посадить и в него, завязать крепко-накрепко, чтобы не выбрался.

Но одной рукой мне с этим не управиться!

Сумерки почти перешли в ночь, а я надыбал лишь одного жука и выкопал только одну дырку.

С минуты на минуту станет совсем темно.

Я подношу руку с жуком ко рту и вдруг совершенно непроизвольно сжимаю его зубами так, чтобы не повредить хитиновый панцирь.

Я просто держу его в зубах, он сучит ножками, и моим губам щекотно.

Идиот на дне ямы с напуганным жуком во рту.

Я быстро-быстро складываю из платка мешочек и выплёвываю туда жука.

А потом опять полощу рот.

От жука на языке горьковатый привкус — интересно, как я его буду есть?

Я бережно держу в левой руке платок с шевелящимся жуком, а правой исследую выемку.

И нахожу ещё одного жука!

А потом, чуть повыше, на стенке ямы, — третьего!

Пока я засовываю третьего в платок, второй убегает, хотя, может, и первый — в любом случае, кому-то из них повезло.

Ни фи́га не видно, луны нет, лишь высокие холодные точки звёзд.

Они где-то далеко-далеко, мне хочется свернуться клубочком, лечь на дно ямы и заплакать.

От собственной беспомощности и оттого, что я круглый идиот.

Жуки шевелятся в платке, и я думаю, как с ними поступить.

Съесть живыми или...

Тайцы в фильме жарили жуков на противне.

У меня нет противня, нет и спичек.

Только два живых жука в носовом платке.

И розовый Симбин рюкзачок.

Я кладу платок на землю и наступаю на него ногой, чтобы жуки не выбрались.

А потом лезу в рюкзачок.

Там пусто — бутерброды давно съедены, а бутылка с остатками воды покоится на дне ямы.

Впрочем, рюкзачок снабжён кармашком, таким маленьким, что вряд ли в нём уместилось бы что-либо существенное.

Я растёгиваю кармашек, засовываю туда два пальца и нащупываю какой-то продолговатый предмет.

Ощупываю и понимаю, что это зажигалка.

Не знаю, откуда она взялась, — Симба не курит.

Хотя если она не курит сейчас, это не значит, что она вообще никогда не курила, а по большому-то счёту мне пофиг!

Я достаю зажигалку и чиркаю колесиком.

Появляется язычок пламени — зажигалка работает!

Мне хочется крикнуть «Вау!», но кто-то вдруг гулко ухает там, наверху, неподалёку от

моей долбаной норы.

По спине пробегают мурашки.

Я отгоняю их, как надоедливых мух, поднимаю с земли платок и осторожно вынимаю одного жука, пытаюсь действовать быстро, чтобы второй не убежал.

Можно подержать жука над язычком пламени, но в фильме говорили, что жуков надо готовить именно на противне.

Единственное, что способно заменить мне противень, — это кусочек коры, который валяется рядом с моей правой ногой.

Кора, конечно, рано или поздно загорится, но жук всё равно приготовится.

По крайней мере, я на это надеюсь.

Сумасшедший Майкл, поджаривающий жука.

Хороший жук — мёртвый жук!

Точнее, качественно прожаренный.

Барбекю из жука.

Только предварительно его требуется обездвигить.

А то он спрыгнет с кусочка коры, и у меня останется всего одно съедобное насекомое.

Им я точно не наемся!

Положим, я не наемся и двумя, но два — лучше, чем одно!

Обездвигить жука я могу единственным способом.

Нравится он мне или не нравится — иного варианта нет.

Я опять беру жука в рот и сжимаю челюсти.

Панцирь хрустит, жук дёргается и замирает.

Я кладу его на кусочек коры и подношу снизу зажигалку.

Видел бы кто-нибудь, чем я занят, — здорово бы повеселился.

А мне не до веселья, я пытаюсь поджарить жука, кора становится горячей, жук начинает трещать.

Вернее — потрескивать.

«Интересно, как называется этот жук?» — думаю я.

Или жужелица, или медведка, но для медведки он маловат, и у него не такие мощные передние лапки.

Значит, я готовлю себе ужин из жужелицы.

Жужелица потрескивает, я переворачиваю её с брюшка на спинку.

Чтобы подрумянить и с другой стороны.

Пламя мигает, видимо, сейчас погаснет.

На второго жука зажигалки уже не хватит.

Я с содроганием снимаю жука с горячего кусочка коры и кладу в рот.

Осталось самое простое — разжевать и проглотить, но я боюсь.

Снова кто-то гулко ухает там, наверху, неподалёку от моей норы.

Я начинаю жевать, панцирь горячий, я прокусываю его и чувствую, что у меня сводит челюсти — кора явно не противень, и жук не пропёкся.

Он невкусный.

Он совсем невкусный, он омерзительно горький, и мне хочется его выплюнуть.

Но я глотаю и быстро запиваю водой.

И понимаю, что второго жука есть не буду.

Хотя мне его в любом случае не съесть — эта тварь умудрилась выбраться из платка и

СВИНТИТЬ.

Но я и так поужинал.

Пожевал корешок — будем считать, что это салат.

Слопал недожаренного жука — это второе.

И запил глотком воды.

Теперь мне остаётся одно: лечь спать, потому что буравить дырки в стенке я сейчас не способен: мне ничего не видно, кроме нескольких звёзд высоко-высоко в небе.

Да и те скорее угадываются.

В яме становится холодно, я сижу на дне и дрожу.

Сумасшедший Майкл, слопавший жука.

Жук оказался ядовитым, у Майкла окончательно съехала крыша.

Я брызжу жёлтой слюной, в голове у меня — жар.

И я начинаю рычать.

Рычать и царапать стенку ямы ногтями.

Хотя это не ногти.

Я царапаю стенку когтями, я пытаюсь пробуравить в ней множество дырок.

Проделать кучу выемок, выгрызть, выбраться.

Спать я всё равно не смогу, так что буду буравить стенки.

Где бессильны когти, — я помогаю себе бутылкой.

Затем пускаю в ход кусок коры, на котором жарил жука.

Наверху кто-то всё время гулко гукает, но я уже не боюсь, я в ярости, я сражаюсь с чёртовой ямой.

И потихоньку поднимаюсь наверх.

Когда начинает светать, край ямы уже близок.

Я хватаюсь за него, руки дрожат, если я сейчас не удержусь, то шмякнусь обратно на дно и точно сойду с ума.

А я не должен!

Я не должен сойти с ума!

Наконец я выталкиваю своё тело из ямы и утыкаюсь лицом в траву.

И ползу, как гигантский земляной червь — если бы мы с ним встретились, неизвестно, кто бы кого съел!

Я отползаю от ямы, переворачиваюсь на спину и гляжу в небо.

Совсем рядом — вершина, за которой угадывается восходящее солнце.

Я лежу и чувствую, что по моим щекам текут слёзы.

А потом закрываю глаза и решаю просто так полежать.

Немного, с полчаса, не больше.

Ведь мне ещё возвращаться в город, но пока на это нет сил.

Сумасшедший Майкл хочет спать.

Папенька хитро улыбается мне и внезапно признаётся, что он этого не ожидал.

— Чего — этого? — пытаюсь спросить у него, но не слышу звука собственного голоса.

Откровения Дракулы

Симба смотрела в удаляющуюся спину Александра Викторовича.

Лучшую мишень трудно представить.

Бери дротик и метай.

Что будет потом — представить нетрудно.

Александр Викторович остановится и завопит.

А потом начнет падать, картинно, как в кино...

Лицом в землю.

Вот хохма-то!

Но нет, он не упадёт, потому что она не кинет ему в спину дротик. По одной простой причине — дротики лежат в сумке, а сумка у Дракулы на плече.

Александр Викторович бодрым шагом взбирается вверх по склону, а на правом плече у него болтается сумка.

Между прочим, она могла достать дротики у водопада, когда вылезла из озера и Дракула отвернулся.

Стыдливый Дракула, никогда не видевший голых девок с красными волосами!

Симба хихикнула.

Вода в озере была ледяная, наверное, отсюда и ощущение небывалого счастья, которое она пережила.

Грязная, потная, сомлевшая от подъема Симба бухнулась в воду, и ей стало хорошо.

А Дракула сидел на берегу и пялил на нее глаза.

За это он и заслужил дротик в спину, вот только дротика у неё в руках нет.

Симба опять хихикнула и ускорила шаг.

Она почти бежала вслед за Дракулой — вприпрыжку, как маленькая девочка.

Он её покормил — там, на берегу, после того как она оделась и сказала, что он может повернуться.

Он разрешил ей съесть два бутерброда.

И сам съел два.

А три оставил безумному Майклу.

Но всё равно — он козёл.

Как Дракула — козёл и как Александр Викторович — козёл.

Если б не его сетевые закидоны, племянник не съехал бы головой. И не потащился бы на эту дурацкую гору. И не пропал бы на ней. И Симбе не пришлось бы бежать собачкой за этим типом. Маленькой собачкой с высунутым языком, собачка бежит и пыхтит. А Дракула топает себе и топает, будто ничего особенного не произошло. Просто пикник. Лесная прогулка.

Ей захотелось громко крикнуть:

— Эй, козлина, стой!

Но вместо этого Симба подняла с земли большую шишку и кинула её Дракуле в спину.

Шишка не долетела, Симба подняла ещё одну и кинула вслед первой.

На этот раз шишка попала Дракуле в плечо.

— Ты чего? — удивлённо спросил он, оглянувшись на Симбу.

Он смотрел на неё сверху вниз, и Симбе стало не по себе.

Он казался громадным — ражий мускулистый мужчина, лысый и с бородой, вон какие у него накачанные плечи, и глаза хитрые, снял зачем-то тёмные очки и пялится на неё хитрыми глазами. И шорты — какой нормальный мужик напялит шорты, если не собрался на пляж?

Впрочем, кто сказал, что Дракула нормальный?

— Ничего! — ответила Симба и кинула ещё одну шишку.

Со всей силы, будто это был дротик.

Шишка попала Дракуле в плечо, и он разозлился.

— С ума сошла! — с каким-то урчанием крикнул Дракула и сбросил сумку на землю.

— Сам дурак! — выпалила Симба и показала ему язык.

Дракула начал спускаться ей навстречу, Симба испугалась и побежала.

Но не вниз, а вверх и в сторону.

Дракула помчался ей наперерез, и Симба поняла, что сваляла дурака.

Сейчас он её поймает, а потом что-то будет.

Что-то очень нехорошее.

Зачем-то ведь он доводил её своими письмами!

Зачем-то выманил племянника из дому!

И устроил так, чтобы она попросила его о помощи!

Дракула — помощник, кому скажи — поднимут на смех.

Харя бы точно гоготал, а смех у хари был отвратительный.

Он смеялся — как квакал.

Уже не харя, а какая-то жаба.

Мерзкий, отвратительный жаб.

Симба посмотрела туда, где ломился через лес Дракула, и внезапно ей почудилось, что по склону бежит совсем другой человек.

И ей стало тошно.

Только хари ей сейчас не хватало и хариных разборок.

И ещё — его тяжёлого сопения ей в ухо.

Когда он догонит её и повалит на землю.

Силой раздвинет ноги и всунет.

«Не хочу!» — подумала Симба и побежала быстрее.

И уткнулась прямо в грудь Дракулы.

Он внезапно выступил из-за деревьев и возник на её пути, как скала.

Которую не обойти, не объехать, которую можно только взорвать.

Но у неё нет с собой взрывчатки!

Дракула схватил её за плечи и сильно встряхнул.

— Ты чего? — спросил Александр Викторович, глядя Симбе прямо в глаза. — Перекупалась?

Симба испуганно посмотрела на него.

А потом вдруг оскалилась и попыталась укусить за плечо.

— Приехали! — сказал Дракула и закатил ей пощёчину.

Символически, чтобы пришла в себя.

Симба заплакала и уткнулась ему в грудь.

А Дракула гладил её по голове, перебирал её красные, ещё мокрые волосы, и Симбе вдруг показалось, что она опять маленькая, только что упала с велосипеда, а отец поднял её

и успокаивает.

Гладит по головке и говорит:

— Ну что ты, не плачь, всё пройдёт...

— Успокойся, — говорил ей Дракула, — не плачь, всё пройдёт...

— Ты кто? — спросила его Симба сквозь слёзы.

Александр Викторович посмотрел на неё и засмеялся.

— Дурочка, — сказал он, — какая же ты дурочка!

— Я тебя опять укушу! — пригрозила Симба.

— Сумка, — сказал Дракула, — пойдём за сумкой, быстрее...

— Куда нам торопиться? — спросила Симба.

— Ты забыла про племянника? — недовольно произнёс Александр Викторович.

Симба покраснела.

Она действительно забыла про племянника.

Пока бежала, пока пыталась избежать неизбежного.

Хотя вот она стоит, прижавшись к Дракуле, и ничего не происходит. Он просто гладит ее по волосам, и она успокаивается. Она уже спокойна, как слон, спящий слон. Спящий слон прижался к дереву — слоны ведь спят стоя, Дракула — дерево, Симба — слон.

Точнее — слониха...

— Я — слониха! — скорбно заявила Симба.

— Пойдём! — сказал Дракула и бережно отстранился от неё.

— Я — слониха! — настаивала Симба.

— Ты просто глупая девочка! — отцовским тоном выговорил Дракула и направился туда, где сбросил на землю сумку.

Симба поплелась за ним.

Ей показалось, что всё вдруг кончилось.

Не успев начаться, а, собственно говоря, чего она ожидала?

Симба подумала и поняла, что хотела одного — узнать правду.

— Правду, — отчётливо произнесла она в спину Дракуле, — скажи мне правду!

— Зачем? — спросил он, не оборачиваясь.

— Хочу, — капризно ответила Симба и добавила: — Хочу знать, откуда ты взялся!

— Я играю в преферанс! — брякнул Дракула и пошёл чуть быстрее.

— Мизеров, — сказала Симба, — твоя фамилия — Мизеров, с такой фамилией только в преферанс и играть!

Дракула засмеялся.

— Не смейся! — приказала Симба.

— Извини! — смутился Александр Викторович.

— Я всё равно не понимаю! — сказала Симба.

— Чего? — спросил Александр Викторович.

— При чём тут преферанс?

— В преферанс играют компанией, — ответил Дракула, и Симба стала догадываться.

Харя тоже играл в преферанс, и у хари была компания.

Ещё со времён студенчества, он ей сам говорил: «Мои верные и очень давние друзья!»

— Моя компания ещё со времён студенчества, — рассказывал Дракула, — с очень давних времён!

Симбе показалось, что у него изменился голос.

Но она набралась терпения, ей хотелось услышать правду.

Они дошли до места, где Дракула сбросил сумку. Сумка лежала возле сосны, Дракула поднял её и повесил на правое плечо.

— Продолжай, — сказала Симба, — мне интересно!

И Дракула продолжил.

Они поднимались по склону горы, и Дракула рассказывал ей, что месяца три назад, как-то вечером, ему позвонил один из партнёров по преферансу. Обычно они не созванивались, просто встречались раз в неделю и играли — с вечера до утра. А тут партнёр позвонил и сообщил, что у него есть просьба.

Но не по телефону.

Им надо встретиться, выпить пива и поговорить.

Симбе стало тоскливо, она представила харю, пьющего пиво с Дракулой.

Остальное можно не рассказывать. Всё и так понятно.

Хотя на самом деле — не всё.

Непонятно — зачем?

Зачем это было нужно?

— Я хочу отомстить, — признался харя, принимаясь за вторую кружку, — она меня унизила! Понимаешь?

— Ты его унизила? — спросил Дракула.

— Я с ним спала! — ответила Симба. — Я с ним трахалась, занималась любовью, я его ждала, я всегда была готова...

— Это не унижение! — запротестовал Дракула.

— Если любишь, — сказала Симба и добавила: — Я его любила...

— Но ты его бросила и этим унизила! — воскликнул Дракула.

— Это он меня бросил! — возразила Симба и вспомнила, как резала себе вены.

А брошенный Симбой харя пил с Дракулой пиво и просил Дракулу об одолжении.

— Это смешно, — сказала Симба, — это не по-мужски! Зачем ты согласился?

— На что? — спросил Дракула. — На этот цирк?

— Хорош цирк, — ответила Симба, — методично сводить меня с ума...

— Но я же не свёл! — сказал Дракула.

— Почти свёл! — отчеканила Симба. — Я тебя ненавижу!

— Прости, — повинился Дракула. — Я ведь не был с тобой знаком. Меня попросили, а я люблю валять дурака...

— Compghost.net! — скривилась Симба. — Надо же было такое придумать!

— Придумать можно всё, — заметил Дракула. — Ты вот тоже себе придумала этих бабочек...

— Они существуют, — убеждённо сказала Симба, — может, их никто и не видел, но они существуют!

— Смотри, — взмахнул рукой Дракула, — вон вершина!

Симба посмотрела. До вершины оставалось совсем немного, и пейзаж вокруг был абсолютно мирный. Всё те же сосны, только пониже. Тропинок нет, лишь камни, трава и деревья. И племянника не видно.

— Смешно, — сказала Симба, — два взрослых мужика решили свести с ума бедную девочку, и им это почти удалось!

— Он хорошо тебя изучил, — пожал плечами Дракула, — и всё мне про тебя рассказал.

И про сеть, и про отца, и про бабочек...

— И ты вообразил, что ты компьютерный бог...

— Не бог, — поправил Дракула, — призрак...

— Отец тоже любил фантазировать! — сказала Симба.

— «Любил» — в прошедшем времени? — спросил Дракула. — Твой отец умер?

— Никто не знает, — ответила Симба. — Он просто исчез, ушёл и не вернулся...

— Не плачь, — сказал Дракула, — а меня — прости...

— Ладно, — проговорила Симба сквозь слёзы, — я на тебя не сержусь, нам бы этого придурка найти!

— Найдём! — пообещал Дракула.

Но придурка нигде не было.

Они начали кричать, им отвечало только странное, тусклое эхо.

Солнце подбиралось к зениту, Симба чувствовала, что устала.

Даже Дракула теперь шёл гораздо медленнее, его лысина лоснилась от пота.

И было тихо, неправдоподобно тихо — будто всё вокруг обложили ватой.

— Всё-таки я не понимаю, — нарушила молчание Симба, — зачем ему понадобилось сводить меня с ума? Он что, сам больной?

— Он несчастный, — сказал вдруг Дракула, — и потом, знаешь, в нашей компании он хуже всех играет в преферанс, всегда проигрывает...

На вершине они остановились.

Поляна, увенчанная скалистой короной.

И от этой короны, казалось, исходил еле различимый гул.

У Симбы разболелась голова, Дракуле тоже стало не по себе.

Корона была серая, с металлическим отблеском.

Тишина сгущалась и давила на виски.

— Здесь его нет, — сказал Дракула.

— Вижу, — ответила Симба.

Солнце застыло над самой вершиной, скалистая корона сверкала так, что было больно смотреть.

— Давай-ка спустимся пониже! — предложил Дракула.

— Compghost.net, — сказала Симба. — Я думала, он всемогущ...

— Нет, — ответил Дракула. — Я ведь уже говорил, это не бог, а призрак, а всемогущ один лишь бог...

— Я его убью! — сказала Симба.

— Кого? — удивился Дракула.

— Харю! — выпалила Симба, развернулась и начала медленно спускаться вниз.

— Да ты его и так уделала! — засмеялся ей в спину Дракула. — Он у тебя, как дикобраз, дротиками утыкан...

— Эй! — внезапно вскрикнула Симба.

Дракула остановился.

— Смотри! — сказала Симба.

Племянник лежал чуть ниже по склону.

Рядом с ним зияла дыра.

Он лежал на животе, уткнувшись лицом в траву.

А ноги его свешивались в дыру.

— Ба! — выдохнул Дракула и присвистнул.

— Что? — спросила Симба.

— Яма, — сказал Дракула. — Твой племяш угодил в яму...

— Он живой? — спросила Симба.

— Живой, — ответил Дракула, — только без сознания... Или спит...

Симба приблизилась к Майклу и прислушалась. Майкл дышал.

Симба села рядом и заплакала.

— Опять, — возмутился Дракула. — Ты чего опять плачешь!

— Это ты! — сказала Симба. — Это всё ты! Если б не твои дурацкие мессаги, он бы не вбил себе в голову, что ему надо меня спасать!

— Вбил бы что-нибудь другое, — пробурчал Дракула и потряс Майкла за плечо.

Тот не просыпался.

Дракула перевернул его на спину, Михаил улыбнулся во сне, но глаз не открыл.

Дракула заглянул в яму.

— Глубокая! — сказал он уважительно. — И как он оттуда выбрался?

— Выбрался! — передразнила Симба. — Он-то выбрался!

— Не сердись, — взмолился Дракула. — Я больше не буду...

— Чего не будешь? — мрачно спросила Симба.

— Пудрить тебе мозги! — засмеялся Дракула и взял Михаила за плечи. — Помоги лучше!

— Как? — спросила Симба.

— Бери его за ноги, и понесли!

— Куда? — осведомилась Симба.

— На вершину, там солнце! — раздражённо ответил Дракула, и Симба послушно схватила племянника за ноги.

Он был длинный и тяжёлый, нести его было неудобно.

И он никак не приходил в себя — даже несмотря на то что иногда стучался копчиком о землю.

По Симбиным щекам вновь покатались слёзы.

На вершине они положили Михаила у кромки скалистой короны.

Обессиленно уселись рядом.

И опять ощутили гнёт тишины, слева, справа и даже вверху, там, где палило полуденное солнце, царила тишина, вроде бы безмятежная, но пронизанная неведомой опасностью.

Скалы всё так же тихо гудели, и у Симбы снова начала болеть голова, а Дракула вдруг поморщился и начал тереть пальцами виски.

И тут Михаил открыл глаза.

Он посмотрел сперва на Симбу, затем на Дракулу, потом перевёл взгляд на небо, улыбнулся и как-то очень тихо произнёс:

— Слышите?..

— Что? — спросила Симба.

— Слышите?.. — повторил Михаил и замолчал.

Он внезапно сел, прислонившись спиной к скалистой короне, опять как-то заторможенно посмотрел вначале на Симбу, потом на Дракулу, а затем громко и чётко, почти по слогам произнес:

— Слышите, они поют!

You hear them singing

Я видел самого себя лежащим на спине и глядящим в небо.

Глаза мои были широко открыты и абсолютно пусты — точно две стекляшки с точечками посередине.

Бред, полный бред, но я не мог от него отделаться.

Я действительно видел самого себя лежащим навзничь.

И ещё я видел Симбу с Дракулой у озерца под водопадом.

Причём одновременно они шли к вершине.

И в то же время — разговаривали внизу, у подножия горы.

Мне не было страшно, мне было любопытно — я смотрел на самого себя, озирался вокруг, и мне казалось, что я вижу весь мир целиком.

Я впервые понял, что это такое, мир целиком.

Он не просто огромен, он так огромен, что его можно увидеть только раз в жизни.

И для меня этот момент настал.

Тот я, который лежал возле ямы, внезапно дёрнулся и попытался перевернуться.

Наверное, солнце сильно лупило мне в глаза.

Беспомощные, широко открытые, незрячие.

В том-то и фишка — глаза мои были незрячи, но солнце лупило в них, и мне захотелось перевернуться на живот.

Машинально, не чувствуя собственного тела, не чувствуя ничего, кроме ослепительных, жгучих солнечных лучей.

В этот миг Дракула снял тёмные очки.

Он снял очки и впился глазами в голую спину Симбы, которая плюхнулась в озерцо и, взвизгивая, замолотила по воде руками.

Я смотрел на Симбу и видел её грудь.

Отчетливо, будто в бинокль.

Хотя в бинокль сейчас смотрел Дракула.

Старый кобель, как иногда говорит матушка папеньке.

Папеньку с матушкой я, между прочим, тоже видел.

Папенька лежал на пляже под тентом и читал газету.

Слова в газете были не русские, но и не английские.

Напечатаны латиницей, а язык незнакомый.

Турецкого папенька не знает, так что, скорее всего, он просто разглядывает картинки.

А матушка плывёт по направлению к буйкам, и я вижу, что ей хорошо.

Она ведь не в курсе, что на самом деле хорошего мало, её сын валяется без сознания у какой-то дурацкой ямы, и непонятно, придёт он в себя или нет.

Впрочем, и не приходя в себя, я умудряюсь перевернуться на живот, а значит, я всё же не без сознания.

Со мной что-то другое, не знаю что.

Вернее, это тот я не знает, а этот я знаю практически всё.

Вернее, вижу.

Знать и видеть — не одно и то же.

Но для того чтобы знать, ясно видеть необходимо, хоть и не достаточно.

Я ухмыляюсь, глядя, как моё тело пытается устроиться поудобнее, солнце больше не слепит мне глаза, зато шпарит в затылок, но мне это всё равно.

Симба выходит из воды, Дракула воровато опускает бинокль и отводит глаза.

Симба что-то говорит ему, а потом надевает майку — прямо на мокрое тело, жаль, что её грудь спряталась под материей.

И чёрный треугольник тоже прячется, Симба натягивает трусики, потом джинсы, встряхивает своими красными волосами, и они вспыхивают на солнце.

Солнце.

Я совсем рядом с ним, но мне не жарко.

Жарко тем, кто внизу, — и мне, и Симбе, и Дракуле.

И папеньке жарковато, он втягивает лежак поглубже под тент.

А матушка подплывает к буйкам, я отчётливо вижу, как она окунает лицо в волны и отфыркивается.

И столь же отчётливо вижу другую картинку, которая поначалу возникла передо мной в каком-то тумане, однако туман быстро развеялся.

Мужик, что висит у Симбы на стене.

Он идёт по улице и тащит большую сумку.

Зачем мне его показывают — не понимаю.

Мужик лениво тащится с сумкой, и лицо у него довольное.

А потом за его спиной появляется Симба.

Я отдаю себе отчёт в том, что её появление за спиной мужика попросту невозможно. Но разве возможно, чтобы один я смотрел на второго меня, беспомощно лежащего рядом с ямой и уткнувшегося лицом в землю?

Бред. И тем не менее это происходит.

Симба поднимается по склону вслед за Дракулой, Симба вступает в подлесок у подножия горы.

А ещё одна Симба крадётся за человеком с сумкой, и я не понимаю, какая из Симб — лишняя.

Я смотрю на все картинки разом и жду, что будет дальше.

Папеньке надоело притворяться, что он читает газету, он отбрасывает её в сторону, а сам засыпает, я даже вроде бы слышу его похрапывание.

Точно так же он похрапывает вечером после работы, когда, поужинав, ложится на диван смотреть новости.

Матушка доплыла до буйка и нежно его обнимает — похоже, решила передохнуть.

Но меня больше интересует Симба.

Та третья Симба, что возникла за спиной у сумчатого дядьки.

Я смотрю на неё и пытаюсь разгадать её намерения.

Пока она прячется.

Укрылась за телефонной будкой и осторожно выглядывает из-за неё.

А мужик стоит на обочине и курит.

Наверное, собрался ловить такси.

Первая Симба шумно выясняет отношения с Дракулой, но первая Симба меня сейчас не волнует — я откуда-то знаю, что мы с ней скоро пересечёмся на одной территории.

Они с Дракулой появятся рядом с ямой и попробуют поднять меня, он — за руки, она — за ноги.

Вообще-то у них не должно получиться — нам об этом на уроках ОБЖ рассказывали.

Мол, в таком состоянии человек ужасно неудобен для переноски, у него руки и ноги болтаются, а вдобавок он так и норовит сложиться посередине. Даже двое мужчин скорее смогут его волочить по земле, нежели нести. Обычно пострадавшего переносят на носилках, если носилок нет — мастерят из подручных материалов. За руки и ноги человека нести почти невозможно.

Но у Симбы с Дракулой получится, однако покамест мне не до этого.

Я высматриваю, что делает третья Симба за телефонной будкой.

Она лезет в длинный кожаный футляр, что висит у неё на шее на чёрной кручёной верёвочке.

И я догадываюсь, что в этом футляре.

Дротики.

Оперённые с одного конца и заточенные с другого.

Симба достаёт один дротик.

Поправляет футляр на шее так, чтобы тот не мешался.

Затем встаёт вполоборота, подбрасывает дротик в правой руке, ловит его, вдруг облизывает два пальца левой руки, протирает ими остриё дротика.

И только после этого метает дротик в цель.

Цель маячит неподалёку, повернувшись к Симбе спиной и ожидая машины.

Но цель её не дождётся.

По крайней мере, не дождётся такси.

Цель как пить дать увезут на «скорой помощи», потому что первый дротик уже вонзился левее позвоночника, а за ним летит следующий.

Первая Симба что-то громко доказывает Дракуле, стоя у дерева.

Тот я, что лежит у ямы, уткнувшись лицом в землю, всё так же неподвижен.

Вторая Симба подходит к озерцу, сейчас она сбросит с себя одежду и плюхнет в ледяную горную воду.

И я снова увижу её грудь и чёрный треугольник между ног.

Почему ей не пришло в голову и его покрасить в красный цвет?

Второй дротик втыкается рядом с первым, мужчина неуклюже заваливается и глухо падает на асфальт.

Третий дротик пролетает над ним и исчезает на той стороне улицы.

Наверняка угодил на газон...

И тут я слышу смех.

Симба смеётся за телефонной будкой, Симба подпрыгивает от радости.

Матушка отлипает от буйка и разворачивается, чтобы плыть обратно.

Папенька всё посапывает в шезлонге, он лежит в той же позе, в которой недавно лежал первый я, бессмысленно глядя в голубое июньское небо.

Впрочем, папенька лежит под тентом, ему проще, солнце не слепит глаза.

Нижнему мне оно сейчас жжёт затылок, но мои мучения вот-вот закончатся — первая Симба с Дракулой уже на вершине горы, оглядываются по сторонам, ищут меня и никак не могут найти.

— Эй! — хочется крикнуть мне. — Спускайтесь чуть ниже и правее...

Но я не кричу — знаю, что не услышат.

Хотя, поколебавшись, они направляются напрямик туда, где лежу первый я.

Третья Симба выходит из-за будки, издали смотрит на распростёртое на асфальте тело, подходит к нему и выдёргивает из спины дротики.

Сначала один, потом — другой.

Достаёт носовой платок, вытирает им кровь с наконечников, убирает дротики в футляр, а платок выбрасывает в ближайшую урну.

И — исчезает.

Просто исчезает и всё, её нет нигде, сколько я ни верчу головой.

Передо мной лишь улица, лежащий ничком мужчина, а рядом с ним — большая, неприкаянная сумка.

И в этот момент раздаётся тихий и нежный звук.

Даже не раздаётся — рождается.

Первая Симба — совсем неподалёку от того меня, который беспомощно лежит возле ямы, уткнувшись лицом в землю.

Вторая Симба плещется в озере, вскоре она догонит первую Симбу и исчезнет, как исчезла третья Симба, оставив после себя лишь распластанное мужское тело на полуденной июньской улице.

А звук перерастает в слова, и я уже могу их разобрать...

On the ridge of the mountain they sometimes sing

Mutant Butterflies beating their Mutant Wing

In the dead of the night by the edge of the wood

With the sudden cry changing your life for good

Your nerves are ringing

You hear them singing...

Я не настолько свободно владею английским, чтобы с наскоку понять, о чём речь.

Но звук всё усиливается, и я начинаю разбирать смысл невнятных английских слов.

«На вершине горной им петь не в лом... — слышу я чей-то нежный шёпот, — бабочкам, бьющим мутантным крылом...»

Первая Симба и Дракула сейчас меня обнаружат, Симба возьмёт меня за ноги, Дракула — за руки, и они отнесут моё тело к вершине, на которую сам я так и не взобрался...

А тело мужчины успело исчезнуть с безлюдной июньской улицы, краем глаза я заметил, как подъехала «скорая», выскочили двое с носилками, за ними третий — видимо, врач. Посмотрели, о чём-то переговорили, положили мужика на носилки, загрузили в машину.

И даже милицию не вызвали!

На лесной опушке в кромешной ночи

Они вторгнутся в жизнь, кричи не кричи.

Твои нервы звенят...

Слышишь — они поют...

Они действительно пели, вот только пока я не видел их.

Но знал, что они здесь, рядом.

Чтобы увидеть их собственными глазами, надо сделать только одно: постараться увидеть.

Вглядеться пристальнее

И ещё — их нельзя бояться!

Симба, ты слышишь, их нельзя бояться!

Симба, ты слышишь меня?

Симба склонилась над тем мной, который лежит возле ямы.

Не первая, не вторая, не третья.

Единственная Симба, Симба с красными волосами, Симба, любовь моя...

Я люблю тебя, Симба, пытаюсь крикнуть я, но ничего не получается — у верхнего меня нет голоса, верхний я невидим, он умеет лишь смотреть и слушать...

Матушка выходит из воды, вдруг спотыкается и ищет меня глазами.

Неужели она что-то почувствовала?

Матушка всегда каким-то внутренним чутьем понимает, что со мной творится.

Она торопливо идёт к лежаку, на котором дрыхнет папенька, и будит его.

Тот недовольно сползает с топчана и сонно таращится на неё.

Только бы они не начали ругаться.

Нет, обходится без этого: папенька говорит матушке, что всё хорошо и со мной ничего не случилось.

И зовёт её пить кофе.

Матушка успокаивается, они направляются к пляжному бару.

Симба, склонившаяся над тем мной, который лежал, свесив ноги в яму, что-то крикнула Дракуле.

И Дракула побежал к ней.

Тут-то я и увидел их.

Они появились ниоткуда и принялись виться вокруг меня большой стайкой, я чувствовал, как их серебристые крылышки задевают моё лицо.

Они продолжали петь.

И я опять удивился тому, как нежны их голоса.

That Butterfly Song, — пели они, — is no innocent game

As soon as it's sung all is never the same

And the boy turns to man and the river to bridge

By the edge of the woods on the mountain's ridge

Your head is spinning

You hear them singing!

Дракула перевернул нижнего меня на спину, присвистнул и велел Симбе взяться за мои ноги.

И они потащили меня, у них получилось.

Хотя — повторю — не должно было получиться.

Просто не должно.

И третья Симба не могла возникнуть на пустынной июньской улице, за телефонной будкой.

Как и не могла метать дротики в спину мужчины с большой сумкой в руке.

Но она сделала это, и мужчина упал на асфальт лицом вниз.

Этого не могло быть, но это произошло.

Я не знаю, почему вижу все эти картинки одновременно.

Матушку и папеньку, Симбу с Дракулой и того себя, которого они несут к вершине.

А бабочки-мутанты кружат возле меня, серебристые переливающиеся существа со странными волосатыми ушками.

Я не верил Симбе, что они существуют.

Мне казалось, она их придумала, так же, как придумала выкрасить собственные волосы

в красный цвет...

Они несут меня бережно, я чувствую, как им тяжело.

Они уже на вершине, опускают меня в траву у кромки с серой каменной короны.

Я лежу на спине и смотрю в небо.

И понимаю, что пока ещё не вижу его по-настоящему, но вот-вот мои глаза откроются, и всё станет другим.

Отныне и навсегда всё станет другим, потому что мы поднялись на вершину и остались живы.

Хотя Симба не прекратит метать дротики в лицо на мишени.

Это я понимаю, как понимаю и то, о чём они поют.

— Слышите?.. — говорю я Симбе и Дракуле, глядя в небо и улыбаясь.

— Что? — с удивлением спрашивает Симба.

— Слышите?.. — говорю я очень тихо, опять улыбаюсь и сажусь, ощущая спиной тепло скалистой короны.

Бабочки летают совсем низко, их стало еще больше, чем когда я глядел на них сверху.

— Слышите, они поют! — произношу я чётко, почти по слогам, Симба и Дракула замирают, прислушиваются и начинают видеть и слышать то, что всё это время видел и слышал я.

Странные серебристые существа с мохнатыми ушками кружат возле нас переливающейся стайкой.

Кружат и поют.

Симба загадочно улыбается, наклоняется ко мне и крепко целует в губы.

Этих бабочек слушать — не в игры играть,

Это жизнь свою будто сначала начать...

Мальчик станет мужчиной, а речка — мостом

На опушке лесной, там — под горным хребтом.

Голова твоя кругом идёт...

Моя голова действительно пошла кругом, лицо вспыхнуло и запылало, окрасившись в цвет ярко-красных Симбиных волос.

И в этот момент я вновь потерял сознание.

mailto: owner@compghost.net

(ЭПИЛОГ)

Кому: owner@compghost.net

Тема: от Виртуального Майкла J)

Добрый вечер, уважаемый эрл Дракула!

Я сначала хотел написать «граф», но Симба сказала, что граф и эрл — одно и то же, она точно знает!

(Между прочим, теперь понятно, зачем матушка поит нас с папенькой чаем «Эрл грей», мало того, что он вкусный, так у него ещё и название аристократическое!)

Симба не захотела писать сама. Мне кажется, она стала совсем другая, не такая, какой была летом...

Может быть, поэтому она и попросила меня написать Вам письмо. Вообще-то она очень огорчается, что Вы не пришли на её свадьбу, уехали кататься на горных лыжах, хотя сами же эту свадьбу и устроили.

Начну с того, что Вы хакера знали — Симба говорит, что познакомила вас, когда я валялся в больнице и тупил на голову, — а я его увидел только в загсе, куда мы с папенькой и матушкой припёрлись как единственные Симбины родственнички аж за полчаса до начала.

А когда припёрлись, выяснилось, что Симба с хакером ещё не прибыли.

И мы, трое идиотов, долго торчали на улице, матушка с цветами, папенька с подарком, а я — за компанию.

Снег сыпет, народ тащится весь из себя довольный — Новый год всё же! — а мы торчим у дверей и удивляемся, зачем так рано пришли.

Тут эта парочка и появилась.

И только она появилась, матушка в истерику впала, папенька — в столбняк, а я просто лыбиться начал и такой оскал изобразил, что чуть клыки не выросли, как у настоящего Дракулы из кино про вампиров J).

Симба и хакер подстриглись. Оба. Налысо. Или правильнее сказать — наголо? На самом деле это одно и то же — два гладких черепа, и на них предновогодний снег падает, прикольно! И так они сразу стали друг на друга похожи, что матушка, отойдя от истерики, слезу пустила, как в тот день, когда они с папенькой ко мне в больницу притопали, вернувшись из своей грёбаной (извините, эрл, нечаянно вырвалось) Турции.

В загсе ничего интересного не случилось. Так, слёзы-сопли. Правда, Симба была в платье — очень смешно, я её в платье никогда не видел, так что полюбовался. А хакер костюм напялил, стоит стриженный наголо, в костюме и при галстукке. И чувствуется, что галстук этот ему абсолютно не в тему. Потом оказалось, что он и костюм, и галстук у приятеля позаимствовал, сам-то он их принципиально не носит, прямо как папенька — у того костюмами весь шкаф забит, но он предпочитает джинсы и свитера, а матушка на него из-за этого постоянно орёт, дескать, он её... Сейчас слово вспомню. Да, дискредитирует — вроде бы правильно написал.

Между прочим, папенька мой тоже рехнулся. Всерьёз вообразил, что в прошлой жизни был турецким географом, и начал собирать географические карты. Теперь у него на это ползарплаты уходит, матушка даже грозитя его картами на обед кормить, если он прыть не

умерит. Последнее, что он приволок домой, — огромная карта Средиземного моря. По вечерам он её в большой комнате на полу раскладывает, ползает по ней на коленях и что-то помечает, а что — не говорит. Полный дурдом, короче!

Кстати, он тут подглядел, что я Вам письмо пишу, и просит, чтобы я Вам карту заказал, тех гор, где Вы на лыжах катаетесь. Вот я и заказываю: дорогой эрл Дракула, если можете, привезите, пожалуйста, папеньке карту, а не то он меня замучит своим бухтеньем!

Но возвращаюсь к теме письма.

Чем мне больше всего запомнилась свадьба Симбы, так это тем, что на ней состоялся мой дебют — по моему, это так называется.

Я ведь начал играть в новой группе. Мы её с одним моим приятелем склотили, весь август — я уже из больницы вышел, и с головой у меня получше стало — репетировали у него в гараже, пока соседи его родителям не пожаловались, но когда они пожаловались, уже сентябрь наступил и в школу надо было идти, впрочем, из гаража нас и так к тому времени выгнали!

Я играю на бас-гитаре, мне это нравится — всего четыре струны, и ты их дёргаешь. А группу мы окрестили «Дистенциальные коблоиды». Приятель сперва предлагал что-то вроде «Гончих псов ветра», но я его убедил, что «Дистенциальные коблоиды» — намного круче, хотя никто не понимает, что это значит, а объяснить я толком не могу.

Сам я Симбе даже не заикался, что хочу со своей группой на её свадьбе выступить, заикнулась об этом матушка. Так и сказала — знаешь, сестрица, из-за тебя мой сыночек летом чуть с ума не сошёл, так что будь любезна, дай ему и троим таким же, как он, придуркам возможность на твоей свадьбе струны подёргать, иначе у него опять с головой поплохеет!

И Симба согласилась.

Папенька даже аппарат где-то достал, сейчас вот у меня одна забота — как бы его обратно не отдавать, но с папенькой я этой заботой не делюсь, молчок.

Главный наш хит — песня про бабочек-мутантов, от неё все тащатся. Особенно когда наш вокалист во весь голос вопит «Ты слышишь, они поют!». Хакер даже попросил её на бис исполнить — так она ему понравилась.

Да! Там, на свадьбе, ещё одна шняга вышла. Внезапно этот тип заявился, чья рожа у Симбы дома как мишень висела — сейчас-то она её наверняка сняла. Папенька уже подвыпил хорошо, матушка с ним даже разборку затеяла. А тут этот тип вваливается, я, мол, подарочек принёс. Симба вся аж побелела. Но хакер молодцом оказался, драться не полез, а сел с типом рядышком и завёл беседу, раз они выпили, другой, а потом тип расплакался и свалил, всучив хакеру какой-то пакет для Симбы, но что было в пакете — не знаю, да и никто не знает: Симба этот пакет при нас в мусорку выбросила!

Зато мне они подарили змею.

Ту, которая жила у Симбы в брелке и которую придумал хакер.

Между прочим, про эту змею прослышали в Силиконовой долине — это в Америке, в Калифорнии, я специально по папенькиной карте уточнил, — и зовут хакера туда работать. Он сказал папеньке, что сам-то не прочь, но всё будет зависеть от Симбы, а она женщина странная, может и не поехать.

— Поедет! — обнадѣжил его папенька, так что думаю, скоро они свалят, а жаль, хакер мне нравится, он научил меня обращаться со змеёй, и теперь я каждый вечер запускаю её в сеть, откуда она притаскивает такой ворох всякой всячины, что папенька жутко ругается,

получая счета за трафик.

А Симба и впрямь странная.

В самом конце свадебного вечера, когда гости начали расходиться, она вдруг подошла ко мне, села рядом и тихонечко так спросила:

— Слушай, Майкл, а мы действительно их видели?

— Кого — их? — переспросил я.

— Ну, этих, — сказала она ещё тише, — с мохнатым ушками...

— Видели, — заверил её я. — Их было много, и они пели!

Симба ничего не ответила, только улыбнулась, а потом, как и тогда, на горе, поцеловала меня в губы.

И ушла — к своему хакеру.

Я вот всё думаю, что терять девственность надо с кем-то вроде Симбы, но пока никак не выберу, с кем, а уже пора...

Меня гонят спать. Злобный папенька говорит, что ему нужен компьютер — он затеял с кем-то переписку по поводу географических карт и собирается проверить почту, а заодно отправит и моё письмо.

Так что до свидания, дорогой эрл Дракула, приезжайте скорей, может, мы с Вами ещё сходим на гору — если, конечно, Вы меня возьмёте!

Хотя сейчас зима, а идти на гору надо летом. Но лето ведь когда-нибудь наступит! J

Виртуальный Майкл

От автора

Я очень благодарна всем, кто поддерживал меня те несколько месяцев, пока я писала этот роман.

И прежде всего — Борису Кузьминскому. Если бы ему не пришлось так по душе мои бабочки-мутанты, он не спровоцировал бы меня на продолжение всей этой истории, а значит, никакого романа бы не было.

Также я благодарна моему доброму другу Володе Харитонову, в телефонном разговоре с которым впервые промелькнуло словосочетание «Любовь для начинающих пользователей», из коего, собственно, и вылетели затем странные существа с мохнатыми ушками.

Естественно, благодарна я и моим подругам Наташе Матвеевой, Тане Пухначевой и Элине Чепкиной, которые читали рукопись по мере написания и странным образом воздействовали на развитие сюжета.

Особая благодарность моим сетевым друзьям, Cyber Vlad и Virtual Shurik, намного больше меня понимающим в интернете J.

Я благодарна Денису Борисову — за стихотворение, написанное специально по моей просьбе.

И, конечно, огромное спасибо Эдику и Екатерине Филиным, которые просто читали рукопись и постоянно требовали продолжения — чтобы знать, чем всё закончится.

Вот и дождались!

Катя Ткаченко, октябрь 2002